

ПОСЕР

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DM 10,- 3 руб.

D 21651 F

POSSEV 3/1990

Литва, 1990: и этих можно понять...

...И ЭТИХ жалко.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство "Посев" видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал "Посев", литературный ежеквартальник "Грани", сборники избранных статей...

Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

ЖУРНАЛ "ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Авторханова, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, Р. Редлиха, А. Ремизова, А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина...

Условия подписки на 1990 год:

В розничной продаже	17,50 нм
Годовая подписка в издательстве	60 нм
Доставка нормальной почтой	5 нм

В СССР - частным лицам	30 руб.
- организациям	35 руб.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (1395)

Май-июнь 1990

Год издания XLVI

СОДЕРЖАНИЕ

КОММЕНТАРИЙ

Е. Романов. Устав без партии (3)

ПОЖАРЫ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

В. Елисеев. Ветви власти и корни противоборства (5). – **Андрей Деревянкин.** Переговорами или оружием? (17)

ПО СТРАНЕ

Владимир Батшев. Какое мне дело до всех до них? (22). – **Андрей Деревянкин.** Саратов пробуждается, Муренеску остается (28)

КОММУНИЗМ НА ИСХОДЕ

М. Странский. ГДР: выбор сделан (35). – **И. Кошурников.** Венгрия: после выборов (39). – **М. Славинский.** Коммунисты – с корабля! (42)

ПРОГРАММЫ И ПАРТИИ

Борис Пушкарев. Что придет на смену? (48)

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Роман Редлих. Рождение свободных профсоюзов в СССР (59). – **Леонид Гордон.** "Готовы действовать мирным и организованным способом"

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Фридрих Незнанский. Тельман Гдлян штурмует кремлевскую стену (75). – "Мы выступаем за целостность федерации". Интервью с П. В. Кузнецовым (83)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Николай Толстых. "Не зови волков..." (89)

КГБ В ДЕЙСТВИИ

В. Прокопьев. Семипалатинск в Иркутске (100)

ЭКОНОМИКА

Игорь Морозов. Куда идем? (106)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Карина Надеждина. Дети – наше будущее (109)

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Михаил Горбаневский. Новая Иванькиада на Сивцевом Вражке (112)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

А. Артемов. "Союз нерушимый" (121)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Глеб Анищенко. Врата ада (128)

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Валерий Сендеров. Любовь к истории по-советски (140)

60 ЛЕТ НТС

Ярослав Трушнович. Первый съезд (146)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Н. Рутыч. Памяти Василия Ефимовича Павлова (154)

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Е. Н. Евец (156)

ПИСЬМА

А. Леонов. Прячется за спинами мальчиков (157). – Алексей Бехтеев. Ложка дегтя (157). – А. Федосеев. Как не допустить гражданской и межнациональной войны (158)

Особенность распространяемых Народно-Трудовым Союзом идей в том, что это – политические идеи, что они представляют собой альтернативу идеям КПСС. Согласно своему Уставу, НТС "стремится к коренному преобразованию общественно-политического строя в нашей стране". За это он подвергается преследованиям, из-за этого он вынужден действовать в подполье. Закрытые формы работы нам были навязаны режимом: это элементарная мера защиты. Они необходимы до тех пор, пока органы госбезопасности имеют задачу защищать коммунистический строй, а не безопасность государства, которой НТС, стоя на государственных позициях, угрожать не может.

"Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов.

Устав без партии

Е. РОМАНОВ

Разговоры о "демократизации" и "перестройке" КПСС идут уже давно. Но вот опубликован проект устава этой партии к предстоящему съезду. И что мы там читаем? Партия по-прежнему остается тоталитарной и по-прежнему хочет сохранить монополию на власть в стране.

Ленинский принцип "демократического централизма", успешно применявшийся Сталиным и всеми, кто был после него, остается основой организационного строения партии (§ 17). Создание фракций запрещается. Следовательно, идея о демократизации страны через демократизацию КПСС, кое-кем выдвигаемая, абсурдна. То же касается "партий союзных республик": они должны, оставаясь в рамках устава КПСС, формировать "интернационалистское сознание" (§ 24). Судьба Литовской КП тому пример.

Можно сказать, что это внутреннее дело КПСС, какой она хочет быть. Но такая партия стране ничего, кроме тоталитарной диктатуры, дать не может, что и доказала за эти семьдесят с лишним лет.

Еще важнее для нас видеть намерение этой "демократизирующейся" партии удержать монополию на власть. Партия, согласно проекту устава, должна "влиять", "направлять", "проводить в жизнь" и быть везде — и в государственном аппарате, и в хозяйственных органах, и на производстве, и в общественных организациях, и в молодежных, не говоря уже о четкой организационной структуре КПСС в армии и КГБ. И члены КПСС, находясь "везде", отвечают, несут ответственность и выполняют указания своего партийного начальства, независимо от того, перед кем они должны отвечать по существу выполняемой работы. Член КПСС, кем бы он ни был — министром или командиром дивизии, директором завода или председателем кооператива, руководителем профкома или мастером цеха, учителем или режиссером — должен "выполнять партийные решения" (См. §§ 3, 15, 22, 24, 34). Всё это существует сегодня. И в представлении авторов устава так и должно оставаться.

Между тем, экономическое положение страны продолжает ухудшаться. Валовой национальный продукт (ВНП) у нас составляет только 14–28% ВНП Соединенных Штатов. Уже в первом квартале этого года наш ВНП сократился на 5–6%. По иностранным оценкам, на военные расходы ушло в 1989 году 135–165 млн. рублей, что весьма далеко от той цифры, которую дал Горбачев (77,3 млн. рублей). По оценкам наших специалистов (например, народного депутата О. Богомолова), эти расходы были выше. Положение в сельском хозяйстве: по данным акад. В. Тихонова, реальный урожай зерновых в 1988 году был 140 млн. тонн, а не 155 млн. тонн, как по официальной статистике, реальная продукция мяса составляла примерно половину официальной, а из 90 млн. тонн картофеля только треть дошла до по-

требителя — остальное погибло во время транспортировки. По иностранным источникам, в августе прошлого года из 1200 стандартных продуктов потребления только двести можно было получить в магазинах. К концу прошлого года это число уменьшилось до 150. Впрочем, это и без подсчетов видно невооруженным взглядом. А руководство советской компартии думает только о том, как удерживать власть.

Но что представляет собой сегодня эта партия? И партия ли это в нормальном понимании? "Добровольное объединение единомышленников-коммунистов", как написано в уставе? Это разношерстная организация, ядро которой составляют те, для кого партбилет — доля во власти и "хлебная карточка". Для многих — "пропуск", необходимый для реализации своих человеческих способностей в той или иной области деятельности, а для большинства — навязанная картонка.

Сейчас наступило такое для нашей страны время, когда даже пассивное состояние в КПСС начинает накладывать на человека ответственность за действия, за политику этой партии. Не говоря уже о тех, кто, не имея отношения к партаппарату, к номенклатуре, занимается "такое общественное или рабочее положение, которое позволяет им противостоять активно политике "их" партии.

Кто еще не потерял надежды на "демократизацию", на "обновление" КПСС, может пытаться идти "венгерским путем". Это тоже полезно, так как будет способствовать расколу партии. Даже есть перспектива — переименовывавшаяся после обновления венгерская компартия получила на свободных выборах около 10,65% голосов, а "марксисты-ленинцы" не набрали даже 4%, необходимых, чтобы попасть в парламент. Бывшая восточно-германская компартия, переименовывавшаяся, но не расколовшаяся на "истинных" и "неистинных", собрала даже 17,6 процента.

Но зачем цепляться за изжившее себя? Среди 18 миллионов формальных членов КПСС есть много людей, которым близки интересы народа и которые болеют за судьбу страны. Для них открыты пути как для создания новой, скажем, социал-демократической партии, как для активного участия в создающихся или уже существующих несоциалистических партиях, так, наконец, и для выхода из КПСС. Выход из КПСС, пока она еще у власти, это не только снятие с себя ответственности за ее действия, но и акт самоосвобождения от диктатуры. Зачем ходить с ядром, прикованным к ноге? Каждому, кто признает волю народа, открыт путь к строительству новой России. Во имя будущего, а не ради мести, идет борьба.

Кстати, недавно закончились выборы в Словении — одной из республик Югославской Федерации. Демократическая оппозиция получила абсолютное большинство голосов в парламенте. Но президентом республики, который избирался отдельно, общенародным голосованием, выбрали Кучеру, коммуниста-реформиста, популярного в народе. Когда его избирали, он положил партбилет на стол и сказал: "Я президент всего народа и не должен быть в партии".

Это могло бы быть неплохим примером для Горбачева. Вот только народ его не выбирал.

Ветви власти и корни противоборства

В. ЕЛИСЕЕВ

На дворе уже шестая по счету весна "перестройки". Но победных фанфар что-то не слышно. Не до них сейчас: те, кто дает команду бить в литавры, заняты. Еще бы – бесчисленное число "исторических ошибок" и преступлений. Правда, назвать все содеянное преступлением перестройщикам так и не хватает духа. Никак отшибло после "исторического выстрела «Авроры»"?..

В ряду трагических событий коммунистического режима и его идеологов о с о б о е место занимают страницы истории, которые относятся к аннексии Прибалтийских государств.

Истоки и суть коммунистической морали по отношению к судьбе народов суверенных в ту пору государств, уже находили свое полноценное отражение на страницах "Посева"¹. И это значительно упрощает мою задачу в составлении обзора нынешней ситуации в Эстонии.

Цель этих заметок – показать развитие происходящих здесь процессов, попытаться дать ясный ответ на некоторые наиболее злободневные для наших соотечественников вопросы. А их все больше и больше с каждым днем – и у коренного населения, и у тех, кто в разное время сюда приехал. Потому что обретение свободы для одних (я имею в виду эстонцев) может оказаться благом, для других же – трагедией... Эстония не может стать исключением. Хотя бы потому, что сегодня она – многонациональное государство.

Есть ли рецепт для "обезболивания" межнациональных конфликтов, которые пока еще не так видны издалека? Готового (практического) рецепта жизнь еще не дала. Но гипотетически один из его вариантов предложен – вдумчивый, трезвый подход к проблеме. Меня в нем убеждает, например, такой, в частности, довод:

*"Национальные отношения в астоящее время в нашей стране настолько обострились, что порой заслоняют основную проблему, от решения которой зависит судьба всей страны, в том числе и решение национального вопроса. Проблема эта – установление правового демократического строя. Для этого нужны совместные усилия всех народов, всего гражданского общества, его объединение и организация..., так как на практике «национальный вопрос» распадается на столько вопросов, сколько существует национальностей"*².

Правомерность именно такого подхода становится очевидной, когда анализируешь события последних двух лет в Эстонии. А они лишь убеждают в том, что приоритет борьбе за национальную независимость республики лишь усиливает здесь противостояние между примерно равновеликими национальными общинами: эстоно- и русскоязычной. Не отрицая права коренных жителей Эстонии на суверенитет и независимость этого государства, я вместе с тем с тревогой и

болью наблюдаю за теми процессами, которые сопровождают эту освободительную борьбу. Довелось прожить в Эстонии немалое количество лет, так что мне легче, чем временно приезжающему в эту республику, определить суть и природу происходящего, распознать горячность и спесь, уважительность и лицемерие...

Однако в любом случае последующие размышления я постараюсь излагать с симпатией к сокровенным чаяниям эстонского народа, помня, что не его вина в происшедшем.

"Порочная национальная политика КПСС привела к кризису межнациональных отношений. Это ухудшает и без того тяжелое положение нашей страны... Население каждой союзной республики имеет право решать путем свободного волеизъявления, желает ли оно быть в составе Российского союзного государства или предпочитает жить в отдельном государственном образовании"

(Из Заявления Совета НТС по национальному вопросу. Октябрь 1989 года.)

*

В ряду событий, которые существенно повлияли на общественно-политическую ситуацию в Эстонии, выделяется своей значимостью решение Верховного Совета (ВС) Эстонской ССР от 16.11.88 г. Его внеочередная сессия приняла Декларацию о суверенитете Эстонской ССР. Высший законодательный орган республики отметил:

"...В 1940 году гомогенное в национальном отношении, суверенное Эстонское государство стало составной частью Советского Союза... В результате этого на эстонской земле для эстонцев как коренной национальной сложилась неблагоприятная демографическая ситуация...

*Верховный Совет Эстонской ССР видит лишь один выход... - дальнейшее развитие Эстонии должно происходить в условиях суверенитета. Суверенитет Эстонской ССР означает, что ей в лице ее высших органов власти, управления и судебных органов принадлежит высшая власть на своей территории. Суверенитет Эстонии един и неделим. В соответствии с этим дальнейший статус республики в составе СССР должен быть определен Союзным договором..."*³

Отчаявшиеся эстонцы всего-то и просили - упорядочить отношения, оформить их, как принято в цивилизованном правовом обществе, Союзным договором... В Кремле этого не заметили, как не заметили и заключительной фразы декларации: "...Верховный Совет Эстонской ССР призывает всех, кто связал свою судьбу с Эстонией, объединиться во имя построения в Эстонии демократического социалистического общества"³.

Несмотря на упоминание о "социалистическом" пути развития, центральное руководство страны подвергло ревизии этот документ лишь, как мне кажется, из-за того, что в нем сквозил дух свободымыслия. Наверное в Москве решили, что нельзя давать послабления одной республике, так как это вызовет цепную реакцию - потребуют и другие. И потому 26.11.88 г. вышел указ ПВС СССР "О несоответствии закона Эстонской ССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР» и декларации Верховного Совета Эстонской ССР о суверенитете Эстонской ССР, принятых 16 ноября 1988 года, Конституции СССР и Законам СССР"⁴. Признав эти решения ВС Эстонии недействительными, ПВС СССР потребовал привести законодательство "в соответствие". Это событие в республике обозначали лаконично и понятно: "конституционный кризис".

Но о том, что та же Эстония намерена заявить о своем желании восстановить поправленный аннексией суверенитет и государственность

в полном объеме, речи пока не было. Намеки - это было. В той же Эстонии, например, начали прорастать первые ростки политического освободительного движения. В частности, 20 августа 1988 г. легализовала свою деятельность Партия национальной независимости Эстонии (ПННЭ). Позже - 1-2 октября 1988 г. - Народный фронт Эстонии. Можно продолжать. Однако остановимся и подчеркнем: первой победой освободительного движения в Эстонии следует считать признание съездом народных депутатов СССР наличие секретных договоров и протоколов к ним, заключенных между Советским Союзом и Германией в 1939-40 гг.

Однако наряду с этим в самой республике уже зарождались корни противоборствующей силы. В пылу борьбы за лидерство на пути к восстановлению национальной государственности и суверенитета радикальные движения эстонцев никак не замечали интересов русскоговорящей общины. А это - примерно 600 тысяч человек, в адрес которых с трибун разного уровня только и несло лишь "мигранты", "оккупанты", "потомки оккупантов"...

А тут еще Верховный Совет республики, подыгрывая тому же Народному фронту (НФЭ), утвердил закон о языке. Он датирован 19 января 1989 г., причем был принят не так легко, как в "застойные" годы. Одним из оппонентов, яростно сопротивлявшимся принятию закона, выступила русскоязычная община. Обстановка, словом, накалялась.

Эта напряженность возросла к 24 февраля 1989 г., когда был провозглашен День независимости. Впервые за многие десятилетия в этот день в эстонской столице на башне Длинный Герман взвился национальный сине-черно-белый эстонский флаг. Большинство "мигрантов" расценило это едва ли не как государственный переворот.

Тем временем поспешно был проведен 1-й съезд Интердвижения. Начался процесс объединения различных частей русскоговорящей общины. Объединение цементировалось коммунистическим идеалом, да и лозунг был слишком характерным - "Отечество в опасности!". Русскоязычное население оказывалось своеобразным заложником коммунистической идеологии, а партаппаратчики и Система становились ловцами душ...

Чтобы представить, как успешно происходило единение русскоговорящей общины именно в силу изложенной выше причины, достаточно лишь бегло ознакомиться в хронологическом порядке с некоторыми акциями политического характера, в которых принимали участие жители Эстонии из числа представителей некоренных национальностей.

16.08.88 г. - учредительная конференция Интернационального (!) движения трудящихся Эстонской ССР в поддержку перестройки (ИД). В ходе ее звучат призывы к равноправию проживающих в республике наций и требования обеспечить равноправное положение русского языка наряду с эстонским;

9 ноября 1988 г. создается Объединенный совет производственных коллективов (ОСПК). Одно из первых его решений - проведение первого в Эстонии митинга с предпринятой политической забастовкой 15 ноября;

15 ноября - многотысячные митинги русскоязычных коллективов на крупнейших предприятиях. В ряде случаев - кратковременная приостановка работы;

30 ноября - республиканская конференция русскоязычных трудовых коллективов. Принято решение - создать новую общественно-политическую организацию - Объединенный совет трудовых коллективов Эстонской ССР (ОСТК). В ходе

конференции 612 делегатов представляли интересы около 120 тысяч работников союзных и других предприятий и организаций Эстонии;

3 декабря - в эстонской столице проводится общегородской митинг по призыву ИД. Многочисленные ораторы указывают на возникшую в Эстонии межнациональную напряженность, особенно после решений сессии ВС ЭССР от 16.11.88 г., а также (пока лишь в отдельных выступлениях) на угрозу перестройке от возникновения "ползучей контрреволюции";

23 февраля - митинг ИД в Таллинне, приуроченный к Дню советской армии и проводимый в пик намеченному на 24-е февраля официальному празднованию Дня независимости Эстонии (в этот день по официальному сценарию, согласованному с НФЭ, на старинной башне Длинный Герман правительственного комплекса в исторической части Таллинна предполагалось поднять эстонский национальный флаг);

24 февраля - первые проявления забастовочного организованного движения русскоязычных коллективов: создаются забастовочные комитеты для оперативного реагирования на политические процессы в Эстонии;

4-5.03.89 г. - первый съезд Интердвижения. Подавляющее большинство выступлений посвящено необходимости объединения для недопущения "ползучей контрреволюции" и в защиту "социалистических завоеваний в Эстонии". Звучат призывы в поддержку политики коммунистической партии и перестройки.

02.02.1990 г. - ОСТК и ИД создают при поддержке группы народных депутатов СССР Комитет защиты советской власти и гражданских прав в Эстонии (КЗСВ);

14.03.90 г. - митинг в Таллинне и других городах в защиту политической платформы КЗСВ...

Надеюсь читатель согласится, что уже в конце 1988 года в Эстонии сформировались условия для усиления противостояния. Противоборство между населением, разделенным по национальному признаку, пустило прочные корни, подпитываемые все еще правящим коммунистическим режимом.

Что касается коренного населения Эстонии, оно в подавляющем большинстве уже не мучается в ответе на вопрос - быть или не быть независимым. Существует, правда, идейный и политический водораздел среди эстонцев. Но порожден он таким вопросом: **к а к и м т а** или иная политическая сила освободительного движения представляет себе **м е х а н и з м** достижения исковой самостоятельности Эстонии?

Одни сторонники утверждают, что обеспечить ее можно через раздельную, но **п о с т е п е н н у ю** реформу действующих структур власти. И потому всецело поддержали упомянутую акцию 24 февраля 1989 г.

Другие, напротив, утверждали, что водружение национального флага Эстонии в условиях продолжающейся оккупации аннексированной территории было недопустимым. Сначала необходимо восстановить Эстонскую Республику де-факто, подтвердив невхождение ее в состав СССР де-юре.

Как бы там ни было, водружение национального символа на дорогой каждому эстонцу башне Длинный Герман состоялось. Не многие поняли, что эстонское крыло политических сил республики дало трещину.

Казалось, ПННЭ и ее сторонники попали в изоляцию и потеряли набранный авторитет среди населения. Но в тот же день, 24 февраля 1989 г., эстонские радикалы сделали шаг особого значения - была выдвинута идея создания комитетов граждан Эстонской Республики

(КГЭ). Более решительные радикалы перешли в плоскость практических дел, образовав л е г а л ь н ы й союз политических сил с самостоятельной идеологической платформой.

Эта платформа была столь радикальной, что от нее решительно отмежевало руководство НФЭ. Его лидеры руководствовались при этом воспоминаниями о Народном конгрессе (1-2 октября 1988 г.), который организационно оформил это движение. Однако лидеры НФЭ не учли, что "конституционный кризис" настроил многих прежних сторонников НФЭ на путь не просто дальнейшей, но более решительной радикализации. Поэтому институт комитетов граждан получил в Эстонии уже к весне прошлого года нарастающую с каждым днем поддержку коренного населения.

Основной субъект национально-демократической революции, которым еще недавно, но так недолго, гордилась Эстония, - НФЭ - раскололся. Произошло это, правда, уже после выборов народных депутатов СССР, поэтому большинство лидеров Народного фронта сумели получить депутатские мандаты от эстонского населения.

Однако необходимое (и реально возможное) количество таких же депутатских мандатов смогли получить также лидеры ИД и ОСТК. Так что можно утверждать, что после 26-го марта 1989 г. противостояние между двумя общинами в Эстонии сформировалось также и на парламентском уровне.

Сейчас самое время кратко сравнить ситуацию в Эстонии с ситуацией в Литве. Разница ощутимая. Так, в Литве политическая напряженность сегодняшнего дня возникла в силу противоречий между Вильнюсом и Москвой. В Эстонии на первый план выдвинулись социальные и экономические противоречия с центром, обусловленные в н у т р е н н е й политической напряженностью. А потому в Эстонии процессы реформ объектно были гораздо более глубокими, структуры "застойных" времен подрывались несколько медленнее, но более основательно (чем в той же Литве, а тем паче чем в других республиках). В итоге в Эстонии более радикально заявило о себе фундаменталистское движение - тот же институт КГЭ.

Но почему же тогда, спросит читатель, в Литве провозглашение суверенитета произошло раньше? Да хотя бы, например, потому, что в Литве аналогов эстонским ИД и ОСТК практически не оказалось; да и численность некоренного населения в Литве вовсе не такая, чтобы существенно влиять на общественно-политические процессы. А в Эстонии, как мне кажется, наличие ИД и ОСТК во многом способствовало появлению КГЭ. Тем более, что компартия здесь шла к своему закономерному финалу, поэтому никак уже не могла помешать новым политическим силам.

Компартия в тот период стремилась лишь к одному - получению в новом эстонском парламенте некоторого количества мандатов, чтобы постараться выжить в новых условиях. Мандаты получили-таки - 13 мест! А всего среди избранных 18.03.90 г. депутатов ВС ЭССР коммунисты составляют 55% от общего числа законодателей. Но это уже ни о чем серьезном не говорило. Не случайно, предчувствуя тихую и спокойную кончину этой организации, ее ряды незаметно покинули лидеры НФЭ Марью Лауристин и Эдгар Сависаар, решил заранее расстаться с должностью кандидата в члены бюро ЦК компартии председатель союза художников республики Энн Пылдроос. Каждый из них сейчас занял свое место в новых политических ор-

ганизациях, сжимая в кармашках новые членские билеты и наблюдая за драчкой между двумя половинками тающей эстонской компартии.

Вернемся, однако, к теме национально-освободительного движения в Эстонии. Значительный шаг на своем пути к суверенитету Прибалтика сумела сделать 23 августа прошлого года – в тот день около миллиона человек встали в цепочку солидарности "Балтийский путь" от Таллина через Ригу до Вильнюса, продемонстрировав свое отношение к 50-летию советско-германского договора. На всем протяжении "Балтийского пути" неслось многоголосое: "Свобода!", "Свобода!"...

Не дремали и лидеры блока ИД-ОСТК. Тем более, что первый съезд народных депутатов СССР углубил состояние неопределенности в стране. На этом съезде депутаты Прибалтики добились создания комиссии по правовой и политической оценке "пакта Молотова-Риббентропа". Но это ускорило и процесс консолидации консервативных сил во всесоюзном масштабе. А она, в свою очередь, способствовала значительному укреплению потенциала уже известных нам ИД и ОСТК. Не случайно, например, уже 17 июня прошлого года ОСТК разрабатывает и направляет собственную платформу к пленуму ЦК КПСС по международным отношениям. Она, среди прочего, содержала требование о введении в Эстонии особой формы управления (по сути – чрезвычайное положение!) или же создания здесь собственных органов власти и управления. А это могло быть фактически второй аннексией Эстонии, но только на этот раз – в форме создания на северо-востоке этого государства автономной республики. За лозунгами последовали практические попытки реализации этого плана. Вначале во всесоюзной прессе прокатилась волна публикаций из серии "охота на прибалтийских ведьм". В самой же Эстонии были организованы политические забастовки по призыву ИД-ОСТК. Их "официальной" причиной был назван ценз оседлости, предусмотренный в проекте республиканского закона о выборах в местные советы. Его отмены требовали и Москва, и ИД-ОСТК.

По-разному реагировали в республике на прозвучавший ультиматум русскоязычной общины. Национальные движения радикального толка считали, что удовлетворение этого требования станет предательством национальных интересов Эстонии. На своей сессии 5 октября ВС Эстонии принял компромиссное решение: действие активного избирательного ценза было приостановлено на период уже намеченных на 10 декабря 1989 г. выборов в местные советы депутатов. Такое решение законодателей поддержал от имени Народного фронта его консультативный (при участии законодателей) комитет, действовавший в качестве вспомогательного органа при ВС ЭССР.

Большинство эстонцев оценило "компромисс" как уступку "Интерблоку" и неспособность законодателей отстаивать интересы коренных жителей. Русскоязычное же население увидело в партийных аппаратчиках, которых было немало в составе парламента, своих надежных заступников. В этом и нужно искать причины успеха прежних коммунистических идеологов на только что происшедших в республике выборах нового состава эстонского парламента. В марте 1990 года рядовой русскоговорящий житель Эстонии оказался в патовой ситуации – ему пришлось выбирать из двух зол. И то, что они продолжили ход за коммунистической идеологией и ее "проводниками", не в и н а рядового русскоязычного человека, а его б е д а.

Думаю, что с учетом этого следовало бы несколько откорректировать Заявление Совета НТС по национальному вопросу от октября 1989 года в той части, которая гласит: "Однако попытки реализовать стремление отдельных народов к государственному суверенитету и выходу из состава Советского Союза при нынешней политической системе подавляются вооруженной силой" - добавить, что это не единственный способ, поскольку в арсенале подавления могут быть и те же забастовки (которые были в Эстонии инспирированы путем поддержки извне), и экономическая блокада или ухудшение экономических отношений (как это вытекает из ультимативного письма М. Горбачева и Н. Рыжкова, направленного ими в канун Пасхи литовским законодателям), и любой другой метод воздействия (ведь что-то преподнесут Латвия и Грузия)...

В период летнего (забастовочного) противостояния и последовавших осенью событий радикалы из КГЭ в качестве сформировавшейся политической силы еще не выступали, но не могли продолжать роль безучастного наблюдателя за процессом безудержной радикализации неэстонского населения. Ситуация же в эстонязычной общине была такова: решения ВС от 16.11.88 г. породили в "среднем" эстонце ожидание более конкретных и осязаемых шагов на пути к цели, провозглашенной законодателями. А тут еще проявились, по мнению многих эстонцев, бессилие и пассивность власти по отношению к русскоязычным забастовщикам. И эстонцы уже выходили из себя, жадно продолжая поиск цели. В итоге многие стремительно повернулись к идее комитета граждан. По логике того же "среднего" эстонца, это движение вместо неопределенности и туманных обещаний НФЭ предлагало конкретный и весьма понятный и простой путь возвращения независимости.

События стали набирать скорость. Хроника такова:

10.11.89 г. - представители трех организаций (в том числе ПННЭ и Общество охраны памятников старины) образуют Главный комитет граждан Эстонской Республики (ГКГЭ). Он провозглашает себя единственным правопреемником Эстонской Республики. Тогда же последовал призыв к эстонскому населению регистрироваться в качестве граждан Эстонской Республики. Некоренным жителям была предоставлена возможность регистрироваться в качестве ходатайствующих о таком гражданстве (до решения этого вопроса "законным правительством Эстонской республики").

Другую идею в те же примерно дни выдвинул СТК: созвать республиканское собрание депутатов всех уровней советов после выборов, которые назначались на 10 декабря 1989 г., и на этом форуме провозгласить себя законным представителем народа.

Изменялся и статус НФЭ. Под его "крышей" уже стало тесно многочисленным партиям и группам и они стали постепенно провозглашать о своем учреждении, не порывая пока связей с Народным фронтом.

Видя эту консолидацию приверженцев суверенности республики и, следовательно, выхода из СССР, русскоязычное население по-прежнему спланивалось вокруг ИД и ОСТК. И когда эти силы призывали бойкотировать выборы депутатов 10 октября минувшего года, призыв был поддержан. Некоторые из моих собеседников, комментируя итоги бойкота, очень пытались меня убедить: дескать, этот бойкот - что слону дробина! Как и тогда, вынужден и сейчас опро-

вергнуть подобный довод. Частично об этом сказано выше, но повторюсь. Не идеологическая обработка со стороны ИД и ОСТК повлияла на многие тысячи русскоязычных избирателей, проигнорировавших те выборы (хотя полностью это исключить нельзя, согласен). Но подоплека – в другом. В усилившейся межнациональной напряженности, в оскорблениях по адресу русскоговорящих жителей Эстонии. Чего им за последние месяцы не довелось услышать! И "мигранты", и "оккупанты", и "инородцы", и "чужаки", и "хамье", и "люди без родины"... Всего не перечислишь. Да и не для того пишутся эти строки, чтобы посеять новые зерна взаимных обид и подозрений. Но в том, что перечислено выше, и содержится "дробина" бойкота выборов со стороны русскоговорящей общины. Некоренное население осознало практическую опасность оказаться людьми второго сорта. Одно дело, когда ты сознательно эмигрируешь, представляя, что тебя может ждать на чужбине. Другое же дело, когда чужбиной вдруг оказывается твое окружение. А потому и возростало сопротивление тысяч и тысяч наших соотечественников. Да и можно ли считать по большому счету "оккупантами" внуков настоящих оккупантов, если уж сын и тот не может отвечать за отца?!

Сопротивление русскоязычной общины ничего хорошего и доброго не могло сулить коренному населению. Потому законодатели приняли, как мне думается, единственно верное на тот момент, хотя и половинчатое решение.

★

1989-й год позволил республике существенно обновить депутатский корпус местных советов. К тому времени предложение СТК о республиканском собрании народных избранников получило официальное одобрение. 2 февраля 1990 г. они и собрались в рассчитанном на 5 тысяч мест зале Горхолла. Дата была определена не случайно – она выпадала на 70-летие Тартусского мирного договора. Но это было не просто церемониально-торжественное мероприятие, а политическая акция. Она имела и глубокий смысл – лишить коммунистический режим в Эстонии власти и какого бы то ни было влияния в перспективе (до развала эстонской компартии оставалось чуть больше полутора месяца). И, не попади в тот вечер в зал искра эмоций, можно было бы только порадоваться за эстонцев. А искра эта не могла не попасть, достаточно проиллюстрировать ход собрания. Сколько раз в тот вечер (как впрочем и накануне, и в течение 1989 г.) цитировался второй параграф тартусского мирного договора:

"Исходя из... права всех народов... на свободное самоопределение... Россия признает безоговорочно независимость и самостоятельность эстонского государства и отказывается добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к эстонскому народу... из прежней принадлежности к России для эстонского народа и земли не возникает никаких обязательств в отношении к России".

подавляющим большинством была принята декларация, согласно которой

"собрание провозглашает: в целях независимости Эстонской республики и исходя из того, что Тартуский мирный договор продолжает действовать, Эстония через своих представителей начинает конструктивные переговоры со всеми сторонами, от которых зависит восстановление независимой Эстонской Республики де-факто".

Однако круг сторон, "от которых зависит", на том же собрании значительно расширился. И свидетельство тому – выступление депутата, представляющего русскоязычную общину. Ему не дали досказать, из-за чего в зале возник скандал (та самая "искра"). Закончился он тем, что все же слово предоставили. Но он уже на сей раз произнес не ту речь, высказал не те идеи, с которыми депутация русскоязычной общины пришла на собрание. Возникший в зале скандал заставил депутатов различных уровней советов (Таллинна, Коктла-Ярве, Нарвы и Силламяэ) заявить следующее: эта группа рассматривает только что принятую декларацию о независимости как "политический авантюризм и выход из СССР", поэтому подобное решение может быть принято только самим народом путем всеобщего референдума. Была также объявлена ответная мера: "...мы создаем комитет по защите прав меньшинства".

Через несколько дней название этой организации оказалось уточненным, и выяснилось, что "2 февраля группа депутатов... приняла решение о создании Комитета защиты Советской власти и гражданских прав в Эстонии" (КЗСВ), который имеет главной целью – "защиту политических и экономических прав граждан СССР в составе обновленной советской федерации и... путем нового государственно-территориального образования"⁵.

Вот так, от одной "защиты" к другой...

После этого собрания многие в республике считали, что изменение ситуации способно теперь обеспечить новый состав Верховного Совета. Многие надеялись, что ему удастся хоть в какой-то мере снять новое напряжение в межнациональных отношениях.

Тем временем, 3 февраля ГКГЭ выпустил Обращение к русскоязычным жителям, признав, что "разделяет озабоченность русскоязычных жителей Эстонии как перспективным положением Эстонии в целом, так и проблемами настоящего момента..." Этот документ завершался такими словами: "...Мир ждет от нас примера мирного перехода от тоталитаризма к демократии, и мы не вправе упустить этот шанс!"⁶.

А в повестку дня общественно-политической жизни Эстонии уже вышли два значимых события: первая сессия Конгресса Эстонии и выборы нового состава ВС Эстонии. Делегаты Конгресса были избраны от 557 тысяч коренных жителей и около 34 тысяч ходатайствующих о гражданстве. Конгресс Эстонии провозгласил себя законным восстановителем Эстонской Республики. Верховный Совет был объявлен структурой оккупационных властей СССР. Отметив далее необходимость "безотлагательно начать переговоры" по вопросам прекращения аннексии, "Конгресс Эстонии считает желательным установить переходный период с присутствием международных сил по поддержанию мира"⁷.

Затем прошли выборы нового эстонского парламента. В нем депутаты, поддерживающие платформу КЗСВ, ИД и ОСТК, получили 27 из 105 мест. Или же кратко: сторонники независимости и суверенитета в высшем законодательном органе республики получили необходимые им 2/3 голосов.

Единственным решением, которое парламент принял единогласно на первом же заседании (29.03.90 г.), было касающееся признания полномочий избранных депутатов. Затем началась острейшая парламентская борьба. Вспомним хотя бы, каким было отношение к офи-

циальному празднованию Дня независимости. Не случайно парламент напоминает, если судить по итогам работы двух первых сессий, эквилибриста. И это при всем том, что у республиканцев есть необходимое большинство в две трети. В чем же дело? Ответ прост: эстонские законодатели отчетливо осознают, что любое непродуманное до буквы, до запятой решение может взорвать в республике тот хрупкий гражданский мир, который, к счастью, все еще удается сохранить.

Нельзя не видеть и другой опасности – она в возможной трансформации в умах и настроениях русскоязычного населения. И опасность в том, что сейчас некоренное население поддерживает ИД, ОСТК и созданный ими КЗСВ за постоянно декларируемый лозунг защиты прав нацменьшинств. При любом изменении законодательства эстонским парламентом те же самые 600 тысяч жителей амбициозно станут защищать также и "гуманную" коммунистическую федерацию "равноправных республик-сестер"! А идеи эти пока не выдвигаются представителями того же Комитета защиты с о в е т с к о й власти и гражданских прав.

Но, может быть, я сгущаю краски, толкую о какой-то напряженности между обеими общинами? Отнюдь. Не далее, как по окончании работы первой сессии конгресса Эстонии, лидер Общества охраны памятников старины, член Комитета Эстонии (этот орган был избран конгрессом) Тривиме Веллисте открыто признал опасность гражданской войны. А другая выступавшая на той же пресс-конференции – также член Комитета Эстонии, редактор журнала "Куультур я элу" Сирье Эндре вынуждена была отвечать на вопросы западных журналистов об отрядах "кайтселиит" ("Оборонного союза") и причинах наличия в помещениях, где заседал конгресс, службы безопасности НФЭ...

Печально, что в числе тех, кто сеял зерна оскорбления и взаимного недоверия, не гнушался цинично и оскорбительно пройтись по адресу русского народа, оказался и довольно известный эстонскому народу избранный им в качестве народного депутата СССР, а ныне также лидер партии предпринимателей научный сотрудник Тийт Маде. Его прошлогодняя публикация в одной из скандинавских газет, которую затем использовала и наша отечественная пресса, была серьезным ударом по конструкции гражданского мира в Эстонии. Большой группе народных депутатов СССР – эстонцев пришлось специальным заявлением хотя бы частично дезавуировать мнение Т. Маде. Прошло 8 месяцев, и он получил из рук эстонцев-избирателей мандат депутата нового эстонского парламента.

Вывод напрашивается из складывающейся нынче в Эстонии ситуации вполне однозначный: русскоязычную общину упорно подвигают на смыкание с коммунистическим режимом империи. Но при этом авторы подобной подвиги поступают уж слишком безответственно: подобное смыкание окажется тем самым бумерангом, что выпущен из неумелых рук или безумцем. Обидно, что даже ведущие политики идеи эстонской независимости не думают об этом.

Как вы думаете, чем закончилось создание "кайтселиита"? Аналогичной мерой русскоязычных трудовых коллективов. Об этом было заявлено на митинге в Таллинне 14 марта нынешнего года – создать отряды и дружины рабочей самообороны.

Ну, а в ответ на принятое новым составом законодательного собрания Эстонии постановление о государственном статусе Эстонии

(от 30.03.90 г.) горсоветы Нарвы, Силламяэ и Кохтла-Ярве отказались ему подчиняться, а вдобавок обратились (03.04.90 г.) к президенту СССР с просьбой о защите...

Откуда же столь прочная неуверенность русскоговорящего населения и его острая реакция на любой шаг республики на пути обретения суверенитета и самостоятельности? Она проистекает из практических дел республики.

Довольно ощутимую лепту внес Закон о языке, который был принят ВС ЭССР в январе прошлого года⁸. С одной стороны, русскоговорящие граждане Эстонии осознали к моменту обсуждения законопроекта, что язык коренной нации нуждается в конституционных гарантиях. Но, с другой стороны, порядок использования эстонского языка и его взаимоотношения с другими вызвал массу недоуменных вопросов. Дошло на первых порах до того, что ряд учреждений Эстонии в переписке с коллегами из других республик использовал эстонский язык. Конфуз получился великий, поскольку всесоюзная пресса обнародовала такие факты, да еще и прокомментировала их. Представители русскоязычной общины почувствовали неуверенность: уж если за пределами республики пытаются навязать использование эстонского языка, что-то серьезное может произойти и здесь, в Эстонии.

Страх усиливался и таким существенным обстоятельством: отсутствием необходимой материальной базы для обеспечения закона. Поначалу, правда, правительство республики сумело изыскать средства для приобретения 1.000 пишущих машинок с соответствующим шрифтом. А как обстояли дела с базой для обучения русскоязычного населения языку коренной нации? Просматривая материалы январской сессии ВС Эстонии 1989-го года, я нашел ответ в выступлении прежнего первого зампреда правительства Эстонии Айна Сойдла. По поручению совета министров он рапортовал законодателям: "Наши предварительные расчеты показывают, что для этих нужд в ближайшие три года необходимо выделить из бюджета около 300-350 тысяч рублей ежегодно"⁹. Насколько серьезен такой подход, судите сами, произведя такой нехитрый расчет. За основу возьмем 330 тыс. рублей и разделим их на 600 тысяч человек из русскоязычной общины. Итог - около 57 копеек в год на душу! Не до смеха...

Но есть, говорили мне некоторые из собеседников в Таллинне, курсовая система обучения языкам (эстонскому, английскому, русскому и т. д.). Курсы обучения языку действительно есть, в год на них может обучаться до 500-600 человек. Плата за цикл (6 месяцев) - 25 рублей, в то время как в кооперативах - до 250 рублей в месяц! Это - выше, чем среднемесячная зарплата в республике.

Прошел год со времени принятия этого закона. И вот уже эстонская пресса констатирует, в частности, что

*"об организации государственной службы обучения языку говорить не приходится, поскольку нет ни средств, ни кадров, ни эффективных методик. Да и отведенные на претворение в жизнь этого закона сроки оказались нереальными, так как невозможно повернуть вспять процессы, длившиеся десятилетиями. Позже один из руководящих деятелей республики... признал открыто, что принятие закона было скорее актом политическим, т. е. заведомо было известно, что он не работает как закон"*¹⁰.

Подытожу размышления. Практика и события межнациональных отношений в Эстонии свидетельствуют вот о чем: если политика, направленная на удовлетворение пусть и объяснимых устремлений и

притязаний эстонского народа, влечет за собой в чем-то неизбежную эскалацию недоверия со стороны некоренной общины, то навряд ли следует такую политику оправдывать и поддерживать безоговорочно. Кому недостаточно событий в Карабахе или Молдавии, в ряде других очагов межнациональной напряженности в СССР, следует, возможно, вспомнить истоки межэтнических и межнациональных конфликтов на Шри-Ланке или в Болгарии, Югославии, а теперь уже и в Чехословакии.

Было бы наивно рассчитывать, что 600-тысячная русскоговорящая община безоговорочно примет законодательство, так или иначе влияющее на его правовое положение. И, как показывают приведенные примеры, сопротивление такое подспудно возрастает.

Есть ли выход из ситуации? Кажется, есть. Хорошо известен рецепт, зафиксированный в п. 3 статьи 21 Всеобщей декларации прав человека. Я имею в виду *р е ф е р е н д у м*. Согласно или нет с этим коренная нация, но, если она хочет выжить с учетом необратимости исторических процессов, его придется проводить не по законам приоритета коренного народа, а по нормам международной правовой практики. В противном случае, как стенка против стенки встанут в маленьком эстонском государстве два национальных гетто.

★

Нынешняя весна в Эстонии урожайна важными событиями общественно-политической жизни. Республика в движении. События же — разные по значимости и своей направленности. Но они позволяют считать, что ветви новой власти в этом Прибалтийском государстве слишком быстро захиреют, если будут наливаться яростью противоборства корни противостояния. Так что же будет потом — завтра, послезавтра? Пока вопросов больше, чем ответов. Весна же — время всходов. Какими они будут ныне в Эстонии?..

Москва-Таллинн-Москва, апрель

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. Окулов. "Народный фронт и крапленые карты", "Посев" № 12, 1989 г.; А. Сухотин. "Верхи не могут - низы не хотят", "Посев" № 3, 1989 г.; А. Окулов. "Референдум и национальный вопрос", "Посев" № 4, 1989 г.; В. Желягин. "Добровольное объединение независимых республик", "Посев" № 6, 1989 г.; Р. Редлих. "О национальном вопросе", "Посев" № 10, 1989 г.
2. "Воля", 1990, № 11 (1).
3. Вэлл Белл. "Эстония: выбор пути". "Русская мысль", 06.04.90 г.; "Советская Эстония", 18.11.88 г.
4. "Вечерний Таллинн", 27.11.89 г.
5. "Ленинское знамя" (г. Кохтла-Ярве), 09.02.90 г.
6. "Молодежь Эстонии" (г. Таллинн), 06.02.90 г.
7. Из декларации Конгресса Эстонии "О восстановлении законной государственной власти на территории Эстонской Республики" от 11.03.90 г.
8. Закон Эстонской ССР о языке. (Утв. ВС ЭССР 18.01.89 г. "Советская Эстония" (г. Таллинн), 22.01.89 г.
9. А. Эрек. "Хочешь мира... или размышления о недоверии". "Молодежь Эстонии", 21.02.90 г.

Переговорами или оружием?

Андрей ОКУЛОВ

"С населением, чуть превышающим половину общего населения СССР, РСФСР производит 63% электроэнергии страны, 91% нефти, 75% газа, 55% угля, 58% стали, 50% мяса, 48% зерновых, 85% бумаги и 60% цемента. Она широко субсидирует неэффективные отрасли промышленности во всех республиках. Сибирь поставляет в 3,5 раза больше сырья, чем вся остальная страна, большинство которого поставляется по ценам, ниже рыночных, в остальные республики. Цена нефти на внутрисоветском рынке, например, более чем в два раза ниже мировой. Столкновение с ценами мирового рынка может оказаться неприятным сюрпризом для прибалтов, не имеющих значительных природных ресурсов".

Брюс Нелан
"Тайм", 12 марта 1990 г.

Вести переговоры

Ландсбергис не стал прислушиваться к доводам "Тайма". Раздавленная сталинскими танками независимость, пятидесятилетняя социалистическая нищета, экологическое разорение и перспективы (пусть даже отдаленные) исчезновения литовцев как нации – весомые контраргументы.

"Социалистическая империя" – такой же нонсенс, как и "социалистический плюрализм". Империи не строятся на идеологии, из-за догм которой "метрополия" разорена больше "колоний".

Что бы сделал средний император на месте Горбачева? Он бы посчитал. Но не так, как посчитал Горбачев, представивший Литве иск в 33 миллиарда долларов за построенные на ее территории союзные предприятия. И школьнику понятно, что это вызовет ответный иск – за депортации, за ущерб, причиненный природе республики теми самыми предприятиями, которые просит оплатить Горбачев, и прочие последствия оккупации. А посылать десантников занимать здания обкомов, ловить по вильнюсским больницам дезертиров, гонять через литовскую столицу колонны танков и военных грузовиков (на фоне решительной поддержки "Саюдиса" большинством населения республики), а также ставка на микроскопическую компартию, оставшуюся на платформе КПСС, – все это просто несерьезно.

Что делать? Ситуация патовая. Литва может выпустить хоть десять деклараций независимости, но она обеспечивает себя энергоносителями только на 3%. Горбачев может поставить по десантнику на каждый квадратный километр литовской территории, но переубедить литовцев не отделиться – навряд ли.

Нормандские острова входят в состав Великобритании и подчиняются британской короне, но не британскому парламенту. Лондонское правительство ведет их внешнюю политику, но в Общий рынок они не входят. Английские фунты имеют свободное хождение, но наравне с этим на островах обращается собственная денежная единица. У Великобритании вообще нет конституции, а на Нормандских островах – есть... Автономия – в чем она заключается? Хотя речь идет уже не об автономии, а о независимости.

"Значит, полвека Советской власти как бы и не было, а нынешние наши правительства - наследники довоенных. В качестве митинговых лозунгов такая концепция, может быть, и работает. А вот на практике... Древние говорили: "нельзя дважды войти в одну и ту же реку". А уж здесь и подавно. Сороковой год не вернуть. /.../ Что начнется? Взаимные выставления счетов по убыткам и со стороны Союза, и со стороны Прибалтики, бесконечная торговля вокруг них. Далее - изменение нынешней льготной политики цен. По нашим подсчетам, теряем здесь миллиард с лишним. А начнутся еще трения между балтийскими республиками! Уже есть конкретный пример: Эстония требует от Латвии платить реальную стоимость за электроэнергию... И все это - при неустойчивом внутреннем положении, при борьбе крайних сил" (ак. М. Бронштейн, "Советская молодежь", 14.3.90).

Соединенные Штаты проявили довольно сдержанную реакцию и не спешат признавать новое государство до тех пор, пока литовское правительство не уладит свои дела с Москвой и не станет полноценным хозяином положения. При том, что США никогда не признавали оккупации Прибалтики. Но при этом в руках у американцев мощное орудие давления на Горбачева: экономические санкции, которые при нынешнем положении СССР далеко не пустой звук.

"Ставка на силу не даст ничего, кроме нового кровавого горя. Только равноправный диалог имеет будущее, если мы хотим оставаться на принципах демократии, самоопределения наций и нового мышления. Разумеется, если бы к началу нынешнего года мы располагали новым союзным договором, ход событий мог бы быть иным. Но у нас его нет, а за промедление, как и за все на свете, надо платить" (Дмитрий Казурин, "Московские новости", 25.3.90 г.).

Решение об отделении Литвы можно было предсказать еще два года назад, так же как предсказуемы сегодня аналогичные решения Латвии и Эстонии. События в Грузии движутся в том же направлении.

"Разве могут национальные вопросы решаться в комплексе? Все национальное - это область чувств, а потому индивидуально ранимо. В комплексе... Это все равно, что кохом решить все бракоразводные дела или производить одним методом операцию на всех больных сердцах. Ну что ж, ждем, что скажет Пленум ЦК. Мы - два миллиона советских немцев - никак не можем получить от ЦК и правительства ответ на гамлетовский вопрос: быть или не быть? От долгого ожидания рождаются апатия и сомнения" (Роберт Вебер, "Расплата за утопии", "Дружба народов", № 12, 1989 г.).

Литва решила не ждать.

В апреле перестройке исполнилось пять лет. При Ленине и Сталине национальный вопрос разрешался штыками и танками, при Хрущеве и Брежневе его формально не существовало, при Горбачеве наличие национальных проблем (после пожаров Сумгаита, Баку и Ферганы) уже не скрыть, но они "обсуждаются"...

На Первой сессии совета по межнациональным отношениям ("Дружба народов", № 12, 1989 г.) латыш Кнут Скуниекс сказал:

"Говорить на избранную нами тему довольно трудно. И потому отчасти, что при таком беглом обзоре процессов, происходящих в Советском Союзе, очень разное ставится на одну доску. Вскользь упоминаются Средняя Азия, Карабах, Прибалтика и прочее, и прочее. Но позвольте аналогию: тут смешиваются в одну кучу бронхит, аллергия и чихотка. Сваливаются вместе по одному только признаку, что люди кашляют".

Даже восстановив свою государственность, прибалтийские страны не смогут "полностью" отделиться от России и, переплыв Балтику, причалить, скажем, к Швеции.

Их будущее будет зависеть и от поставок сырья, и от отношения к трем миллионам русских, проживающих в Прибалтике, и от внешней ориентации трех государств. С ними можно вести переговоры.

А с кем вести переговоры здесь?

"Мы обращаемся к народным депутатам Палаты Национальностей, к Президиуму Верховного Совета СССР с просьбой об экстренной помощи: просим комиссию Съезда на внеочередном заседании рассмотреть вопрос о безопасности более чем 300-тысячного русскоязычного населения города Душанбе (из них 190 тысяч русских)".

Что к этому добавить? Разве что цифры. Мне пришлось видеть три дубликата этого обращения. Под одним из них – 300 подписей. Под вторым – около полутора тысяч, под третьим – 650.

"Железнодорожных контейнеров в Душанбе нет до октября. В двух городских больницах 260 русских врачей подали заявления об уходе (их не отпускают по актуальным соображениям: "не надо нагнетать..."). Чего уж "нагнетать"? Среди раненных за дни террора подавляющее большинство – русские, среди изнасилованных все – русские, среди покинувших Таджикистан за период с начала года 82% – русские" (А. Кружилин. "Услышьте нас!", "Литературная газета", 28.2.90 г.).

О том, как начались февральские волнения в Душанбе, советская пресса писала довольно обстоятельно: слухи о размещении в городе беженцев из Армении и о вселении их в квартиры, предназначенные для "очередников", вывели на улицы толпы погромщиков.

"Начать надо, наверное, с 13 февраля, когда все и завертелось. Причем, осмелюсь подчеркнуть, вполне "по-фергански": очень нетрезвая и, судя по видеозаписи, изрядно наркотизированная толпа численностью до 1500 человек, состоящая главным образом из молодежи в национальной одежде, затеяла беспорядки. Однако содержание их в тот день было иным, нежели в Фергане или Баку. «Это был великолепно срежиссированный спектакль с 14.00 до 22.00, – заявил мне подполковник МГБ Мурад Шанмов, – с поджогами, убийствами и всем прочим... Но поняли мы это не сразу». /.../ 14 февраля. Видеозапись беспристрадна, оценки специалистов исчерпывающие: в этот день НИКОГО из "вчерашних" на площади перед ЦК нет. Вышли другие люди: абсолютно трезвые... всех без исключения возрастных групп... с четкими политическими требованиями и без уголовно-погромных замашек...

Среди 4000 человек были едва ли не все сословия – исламские духовники, студенты, рабочие, школьники, интеллигенция. Не было, правда, ни одного, как говорят в Азии, европейца" (А. Кружилин. "Душанбе: плата за страх", "Литературная газета", 14.3.90).

"Вся Центральная Азия напоминает сегодня бочку с порохом, к которой уже подведен часовой механизм. Когда однажды социальная анархия соединится с исламской религиозной борьбой и ненавистью к русским, весь граничащий с Афганистаном регион может вспыхнуть. Москва оттуда далеко. Для таджиков Кабул, Герат, Бухара и Самарканд – города-побратимы, но никак не русская столица или Ленинград. Русские колонизаторы не принесли в этот край ни свободы, ни благосостояния. Те, кто виделся в двадцатых годах носителями светлого будущего (тогдашним юным поколениям), ненавидим внуками тогдашних утопистов как носитель неработающей коммунистической системы", – пишет влиятельная швейцарская газета "Нойе цюрхер цайтунг" (24.2.90).

Внимание всего мира приковано к Литве. Но Прибалтика сегодня – это общественность, организованная в "Народные фронты" и партии, это законно избранные правительства, с которыми можно и должно вести переговоры. С кем вести переговоры в Фергане и Душанбе?

"Кто-то мечтает о выходе из СССР, кто-то еще о чем-то... А мы не рассматриваем даже возможности выхода из СССР, поскольку для нас это было бы разрушением тюркского единства в Союзе. Мусульманам не выгоден развал СССР. От Азербайджана до Якутии, в том числе Казахстан, Башкирия, Туркмения, Татария, Крым, Северный Кавказ – все это тюркские земли". Так считает Хагани Гайыблы, турок, учащийся в Тартуском университете (газета "Вперед", 10.2.90).

А выгодно ли для остальных народов, населяющих нашу страну, оставление в ее составе мусульманских республик?

"Пять союзных республик многие годы находятся на дотации из госбюджета СССР, которая составляет около 20% их собственного бюджета, причем эта сумма в отдельных случаях значительно растет. По данным за прошлый – 1988-й и текущий (плановые дотации) годы суммы этих дотаций весьма и весьма значительны:

Туркменская ССР – 350 млн. руб. (1988) и 400 млн. руб. (1989).

Киргизская ССР – 600 млн. руб. (1988) и 510 млн. руб. (1989).

Таджикская ССР – 400 млн. руб. (1988) и 320 млн. руб. (1989).

Узбекская ССР – 1,9 млрд. руб. (1988) и 1,96 млрд. руб. (1989).

Казахская ССР – 2,5 млрд. руб. (1988) и 2,7 млрд. руб. (1989).

Как мы видим, в этом году сумма дотаций возросла более чем на 140 млн. руб. по сравнению с прошлым" (Геннадий Муриков. "За чей счет?", "Ленинградская панорама", 7.7.89 г.).

Против "метрополии"

Фергана и Душанбе – это только пролог. Экономическое положение в стране навряд ли существенно улучшится за ближайшие десять лет. Но азиатское население, по расчетам статистиков, за этот же срок превысит европейское.

"Сегодня лавина людского недовольства может сорваться от любого громкого возгласа. Отсутствие политических структур, способных в полной мере реализовать общественный темперамент в конструктивные формы, привело к бурному росту национальных и религиозных чувств. В мусульманских регионах СССР возврат к религиозному самосознанию дополнительно облегчается сходством догматизма, свойственного идеологии последних десятилетий, со строгой регламентацией жизненных установок, характерной для ислама. Один из ораторов в Махачкале показал на кумачовый транспарант в клубе, где проходил съезд: «Коммунизм – это труд, мир и счастье всех людей на земле», – и сказал: «Замените красную материю зеленой, а "коммунизм" – на "ислам", и все останется неизменным». Эти слова были встречены залом с восторгом" (Александр Минеев. "Зеленые отливы дагестанских кумачей", "Московские новости", 8.4.90 г.).

Дотации, которые за счет европейских республик, и в первую очередь – РСФСР, правительство накачивает в среднеазиатскую бездонную бочку, – не оказывают никакого благотворного влияния на регион. При этом:

"В некоторых привилегированных НИИ (только для местных) число докторов наук ныне достигло таких фантастических процентов, какие и не снились ни Ленинграду, ни Москве, как, например, в институте языка и литературы АН УзССР, где я работал. Там 50% из всего состава научных работников – доктора наук. Я пока ничего не говорю о реальном качестве специалистов.

Как же это могло произойти? Столь кратчайшие сроки – нации были почти поголовно безграмотными, а за 60–65 лет, с 1922 года, стали самыми учеными в мире?! Разве не поразительно, что по числу лиц с высшим образованием на душу населения русские оказались даже среди народов РСФСР на 16-м месте в городе и

на 19-м в селе" (М. П. Капустин. "От какого наследства мы отказываемся?", "Октябрь", № 5, 1988 г.).

Все это – прямое следствие ленинской политики развития национальных окраин – еще одна догма "Советской империи". Но если остальные просто не работают, эта – работает. Против "метрополии".

Чем выгодна Средняя Азия России? Хлопком? За счет сокращения льнопроизводства в исконно русских районах проживания. Самым высоким уровнем безработицы в СССР? Франция и Англия до сих пор расплачиваются за свои бывшие колониальные владения: не могут отказывать во въезде иммигрантам из бывших колоний – ведь они – "имперские подданные". А если завтра в европейскую часть страны хлынут безработные из Средней Азии?

Турок-месхетинцев переселяют в Смоленскую область. А кто позаботится о проживающих в пяти среднеазиатских республиках русских, украинцах, немцах? Тысячи из них начали уезжать из региона сразу же после принятия закона о языке, в будущем поток может только увеличиться.

Можно считать, что позиция Горбачева по отношению к Литве продиктована опасением "эффекта домино": после предоставления независимости одной республике, автоматически последуют аналогичные требования от других, а жесткий курс, взятый Москвой по отношению к Вильнюсу, может отрезвляюще подействовать на Таллинн и Тбилиси. Но поезд уже ушел – костяшки домино падают. Но то, что в одном регионе страны можно решить путем переговоров и экономических санкций, в другом будет решаться силой оружия.

"Российское государство должно быть построено как:

государство *национальное*, ибо оно

- оформляет жизнь и творчество нации как высшего социального единства нашего времени,

- отражает в своей политической системе национально-самобытные особенности, присущие российской нации,

- выражает волю нации, стремясь к достижению общенародного блага и общенациональных задач,

- способствует раскрытию творческих сил внутри нации,

- охраняет права и интересы нации вовне;

государство *союзное*, так как оно основано на равноправии и братстве народов России;

государство *общенародное*, так как в нем власть опирается не на сословие, класс, партию или замкнутую бюрократическую касту, а на всё население страны;

государство *правовое*, так как в нем всё, и, прежде всего, сама власть, подчинено праву и законности и нет места произволу и насилию;

государство *трудовое*, так как в нем труд является основной обязанностью всех трудоспособных граждан;

государство *солидаризованное*, так как в нем трудовая и национальная солидарность объединяет все общественные слои: в нем преобладают внутренние групповые противоречия, частные интересы подчиняются общим, а общие служат частным."

(*"Программа НТС"*, изд. "Посев", 1975)

Какое мне дело до всех до них?

Владимир БАТШЕВ

Трудно понять. Невозможно абстрагироваться и быть вне.

Хотя, действительно, какое мне дело до них – до их правящей незаконно партии, до их маразматической демагогии на всех отечественных диапазонах и во всех изданиях, до тупости и приспособленческой глупости? Если уж я против, – а я 25 лет против, – то надо бы не замечать: как столб или милиционера. Пусть заседают, решают, врут, сочиняют, играют в свои игры.

Но без меня.

Главное, жить – не по лжи.

Казалось бы, просто.

Вскочил в трамвай, в давке, в послерабочей толчее измайловского буднего дня, в вонищу и духоту, где перегаром разит отовсюду, и услышал за спиной двух работяг:

– Не, ты, Коля, не прав, ежели думаешь, что их всего восемнадцать миллионов. Их го-о-ораздо больше!

– Дык сколько же их, Петя? – не понимал второй.

– А вот считай: их восемнадцать миллионов, жен их – восемнадцать миллионов, детей – миллионов двадцать, да миллионов десять – родственников – братьев, сватъев, племяшей да корешей...

– Многовато...

– То-то я и говорю, что круговая порука у них, и так просто власть они не отдадут!

Я сначала подумал, что гегемоны говорят о бюрократах: в те дни взорвалось сообщение в прессе, что, несмотря на все сокращения, число бюрократов увеличилось до 18 000 000. Прямо закон Паркинсона какой-то! Но сойдя на горячий асфальт и пройдя под тополями на бульвар, я постепенно понял, что разговор шел не о бюрократах, а о коммунистах вообще.

Разница здесь небольшая. Бюрократ, то бишь чиновник, на 90% обязан быть членом партии, иначе он – не чиновник, не винтик центрального и местного аппаратов. Оставшиеся 10% – беспартийные чиновники общественных организаций (творческих союзов, советов ветеранов, прочих государственных формаций).

Интересуемся ИХ внутренней жизнью – кто там наверху? кого сняли? кого назначили? Да зачем интересоваться-то, милый?! Мне лично – что Ельцин, что Горбачев – одно. Разница – формальная. Общность – едина. И все их разногласия – не идеологические, а методологические в рамках КПСС и соответствующей доктрины.

2 марта бюро Гагаринского РК КПСС г. Москвы исключило из рядов своих персонального пенсионера С. Ф. Медунова. Так чему же ты радуешься, милый?! По нему тюрюга рыдает сколько лет, а он отделился партбилетом.

А кто вернет Кубани ее луга? Ее поля? Ее климат, в конце концов? Ведь не кто иной, как Медунов, приказал распахать все луга

под пшеницу: обещал "лично Леониду Ильичу" очередной миллион зерна. И распахали. И дали миллион. И получил "миллионер" Медунов очередной орден Ленина. Но на Кубани не стало скота: пришлось прирезать, ибо негде пасти. Пастбища-то исчезли!

Мы ездили с женой к ее родне под Динскую. Еще застали и козову, и овец, и птицу, и козу-дерезу с подпиленным рогом...

Через два года мы вздыхали, глядя на пустой хлев.

А знаменитое Кубанское "море"? Опять же высускивался краевой брежнев перед брежневым-центральный, опять плевал он на науку и народ...

Климат изменился. Не сразу. Но сегодня уже заметно. Я не говорю о заболоченности, о погибших пастбищах, о бездарной ирригации. Я о том волюнтаризме, который неизбежен при коммунистическом режиме.

Весною, когда ОНИ - может, впервые!? - почувствовали, что шатается коллективное кресло, попытались перейти в наступление. Вот такое объявление висело в метро:

"Товарищи пассажиры!

Если из вас кто-то видел 20 апреля сего года в вагонах электропоездов, следовавших от станции "Речной вокзал" до станции "Каховская" в интервале с 20 час. 32 мин. до 21 час. 28 мин., а также от станции "Беляево" до станции "ВДНХ" в период с 20 час. 22 мин. до 20 час. 54 мин., бесхозные полиэтиленовые пакеты черного цвета с изображением профиля женской головы и может сообщить что-то о лицах, которыми они были оставлены в метро, просим позвонить в любое время суток по телефону 224-68-04 или 208-14-83, либо обратиться в приемную управления КГБ по г. Москве и Московской области по адресу: ул. Дзержинского, дом 14".

А за несколько дней до появления объявления по Московской радиопрограмме сообщали в последних известиях, что на станциях "Павелецкая" и "ВДНХ" обнаружены "взрывные устройства", которые не сработали. Вероятно, что-то у НИХ не сработало, раз на этот раз обошлось без крови нового Затикьяна.

...Той зимой я работал грузчиком в овощном магазине. Имя мое уже двенадцатый год находилось в цензурных списках, рассчитывать на публикации под собственной фамилией не приходилось, юмористические рассказы, которые писал под псевдонимом, в то время давали мизерный доход от 3 до 7 рублей за штуку (да-да - их считали в редакциях на штуки!), и я, чтобы доставать детям витамины, работал грузчиком, благо за это мне отпускали по госцене дефицитные апельсины...

Но не в цитрусовых дело, а в том дне, когда у меня что-то екнуло, как звоночек, и я, неизвестно чем потревоженный, маялся, ходил по магазину, надоедал продавцам и директрисе, так что она наконец недовольно сказала:

- Да что же ты сегодня весь день как неприкаянный?

А вечером я узнал от жены, что на нашей ветке - нет, буквально на подходе к нашей станции, к "Первомайской", на пути от предыдущей, "Измайловской", - произошел взрыв в вагоне метро.

- Санитарные машины одна за другой идут, - сокрушалась жена.

- И как же ИМ людей не жалко...

Тут она посмотрела на меня, и мы оба поняли, кому это - ИМ - не жалко людей.

Позднее, услышав заявление А. Д. Сахарова о взрыве в метро, мы убедились, что у множества людей мозги повернуты в нужную сто-

рону. Многие в тот вечер вздрогнули, вспомнив пожар рейхстага и убийство Кирова.

Работал я в магазине через день. Когда пришел в очередную смену, директриса поманила меня в свою конуру.

— Ты что, сидел? — сразу спросила она.

Я промычал невразумительное. Не объяснять же.

— Интересовались тобой, — спешила выложить она сенсационную новость, — спрашивали, где ты был позавчера. Ну, я всю правду сказала: нигуда не уходил, весь день на глазах, я еще, мол, ему сказала: "Что ты сегодня как неприкаянный?"...

Я молчал. Я просчитывал, что ОНИ могут подумать о моей ма-яте. Какое мне дело до всех них? Никакого. А вот ОНИ могли ой как много заподозрить!

Слава Богу, не трепали мне нервы.

Нет, но какое же мне дело до всех до них? Не обывательское же:

— Коммунисты проклятые, помидоров нигде нет!..

Но помидоров, действительно, не было в Москве летом и осенью. Хотя было сообщение, что с 1 октября 1989 года помидоры будут стоить на 40 копеек дороже. Плохо, что дороже, но я согласен и на сорок копеек больше уплатить: были бы!

А вот мой приятель из Ногинского района Московской области ничему не удивляется. Да и чему удивляться, если в Москве талоны на сахар только с мая 1989 г. введены, а у них, в области, уже давно талоны на сахар, мыло и стиральный порошок, на мясо, на школьно-письменные принадлежности (читай — тетради), а в кое-каких районах — и на алкоголь. Приходится людям ездить на казенном и общественном транспорте в сопредельные районы, куда талонофикация на алкоголь еще не добралась.

Ладно, самогон я не гоню, сладкую жизнь устрою себе и на свои килограммы, а вот что делать, если июньский номер "Вестник Исполкома Моссовета" появляется в киосках "Союзпечать" 21 сентября? Или еще чудеса: 18 сентября мне приходит № 35 библиотечки "Огонька", а 30 сентября — № 29 той же библиотечки?

Ельцина похищают неизвестные типы, а меня больше интересует, почему наша прагматичная перестроилась? Наша, в смысле — за углом, куда я бельё отношу. Раньше как было? Пришел, заполнил квитанцию, сунул в узел с бельем, кинул в окошко, пришел через неделю — получил бельё, проверил, хорошо ли выстирали, и заплатил деньги.

Теперь прагматичная перестроилась. Я приношу бельё, а приемщица требует, чтобы я разложил бельё по порядку: наволочку к наволочке, полотенце к полотенцу, метками кверху. Потом чтобы заплатил деньги и пришел через три недели (три!) за бельем. Произвол? Вред? Нет, наши повседневные реалии.

А вы говорите — Верховный Совет!.. партконференция!.. будущий XXVIII съезд!.. фракции!.. платформы!..

Падчерица моя, Надежда, пошла в поликлинику: зуб заболел. Ей его так залечили, что начался парадонтоз — слава Богу не СПИДом заразили, но все равно неприятно, и главное — очень больно. Посылали от врача к врачу, спихотехника, отработанная годами, действовала безотказно.

Месяц она промучилась (бюллетень дали всего на три дня), наконец я не выдержал. Нацепил значок "Радио Свобода", подаренный другом давних боевых лет Евгением Кушевым, взял диктофон, куп-

ленный на заработанные марки в Мюнхене, и явился к заведующему поликлиникой № 187 Первомайского района города Москвы.

Сначала он не среагировал на значок, но через три минуты зрачки его расширились, и он мгновенно (не вру!) выписал Наде направление в Научно-исследовательский институт стоматологии. Я понимаю: легче спихнуть, отмахнуться, сбросить ответственность, чем отвечать самому. Но все же хорошо: расписавшись в собственном неумении, ребенка отсылали к специалистам.

Но ведь не у всех есть значки "Радио Свобода"!

Потому, когда веселая гуляющая молодежь пристала ко мне поздним вечером, прося закурить, и когда, отплевываясь кровью, я пришел домой со сломанным зубом, то наутро я не пошел в районную поликлинику. Дураков нет — все они в соседнем доме, говорит в таком случае мой товарищ. Я пошел в кооператив. Моих заработков, конечно, не хватает на постоянное посещение подобных заведений. Но я решился потратиться и был приятно удивлен, что всего за два сеанса и за 25 рублей мне поставили прекрасную (тьфу-тьфу!) коронку.

Хотя при нынешней инфляции разве 25 рублей — деньги?

А если бы я не пошел в кооператив? О, кроме опыта с падчерицей я имел достаточный опыт жены — бесконечное безумие очередей. К терапевту, к рентгенологу, к хирургу, к лечащему врачу... По правилам, утвержденным Минздравом СССР, лечащий врач не может сделать вам обезболивающий укол — для этого надо идти к хирургу. А у того очередь. А шприцы отнюдь не одноразовые... А если хирурга нет? Значит, нет укола. Значит, нет лечения. Значит, нет ни пломбы, ни коронки. Значит, нет зубов... Я рассказываю не о государственной районной поликлинике, а о платной хозрасчетной на 7-й Парковой улице в Москве.

Стоит ли удивляться, что наше население (исключая тех, кто отоваривается зубами в стоматологии 4-го Главного управления) сплошь беззубое?

И никакие Кашпировские, которые внушают с телеэкрана, что завтра можете безболезненно лечить зубы, не убедят человека Страны Перманентных Кампаний, что зубы можно вылечить без очередей и нервотрепки.

Сколько бы чудотворцев ни развелось (а как обычно в конце века появляется много чародеев — подобное наблюдалось и в конце прошлых веков), ни легендарная Джуна, ни Аллан Чумак, ни Кашпировский не заменят советскому человеку обыкновенной квалифицированной медицинской помощи.

Да, наше здоровье — не здоровье сильных мира сего!

Долго искали экологически чистый участок. В морях и лесах страны бродили ученые, пока не нашли такое место на Черном море — остров Сарыч. Навезли на камни чернозем, посадили траву, кусты, деревья... Одним словом, вилла генерального секретаря обошлась около 7 миллионов рублей.

Кинули кость и нижестоящим: объявили об открытии в бывшей брежневской даче в Ливадии Дома отдыха для ветеранов.

Успокоенная общественность — еще бы, ведь ветеранам отдали дачу! — не знает, что на брежневских кроватях будут спать прихлебатели его прихлебателя Мазурова, бывшего председателя Всесоюзного Совета ветеранов войны и труда — зав. приемной Голяков, его жена Антонина (прозванная за свои привычки "генералом Антошкой"), вы-

движенка и подруга секретаря ЦК КПСС Бирюковой, полная ничтожность из Харькова некая Козлова, бывший замминистра собес Бабкин (тот самый, что вместе с Домной Павловной Комаровой развалил всю систему социального обеспечения), три бывших генерала из ПУРа и прочие сотрудники аппарата Всесоюзного Совета ветеранов войны и труда. В этом Совете рядом с пятью профессиональными юристами-пенсионщиками получают дармовые деньги 60 (шестьдесят!) аппаратчиков.

Большинство из них – персональные пенсионеры, получающие кроме зарплаты 250 рублей и пенсии от 160 до 300 рублей, – персональную надбавку к окладу в размере 50%. Юрист-профессионал в том же учреждении получал 190.

Но вот "общественник" Киселев, бывший чиновник отдела культуры ЦК КПСС, постоянно рассказывает, как он распознал гнусную сущность Ю. П. Любимова; он считает, что государство сделало ошибку, позволив режиссеру вернуться.

Упомянутый Бабкин – ныне старший референт – знаменит был во время своей работы в Минсо тем, что после приема пенсионеров (раз в месяц) мыл долго руки и дезодорировал кабинет: считал, что от пенсионеров "исходит неприятный дух".

А какой гнилой дух исходит от самого Бабкина!

Многострадальную систему соцобеспечения разваливали спокойно и даже, я бы сказал, планомерно. Ее отдавали на откуп женщинам-секретарям обкомов в качестве повышения по службе.

Сначала разваливала Лыкова, которая и после ухода с поста министра курировала собес в Совмине РСФСР. Потом Комарова, впадшая последние годы в маразм, засыпавшая не только на заседаниях коллегии, но и на приемах. Домна Павловна отличалась фельдфебельской грубостью не только с подчиненными, но и с любым другим руководителем – партийным или государственным, ниже рангом. Хорошо уживались с ней лишь те, кто привозил из далей и весей свежую клубнику зимой, осетрину, шубы и мебель. Ее родственники были обеспечены не только пенсиями, но и всем необходимым. "В порядке исключения" она устраивала "нужным людям" персональные пенсии, которые намного превышали колхозную (28 рублей). Работы ни она, ни Бабкин не знали, все тяготы несли рядовые юристы. Но зато все управления и отделы Министерства были буквально пропитаны доносами, подсиживанием, склоками, шла мышьяная возня и бумажная война.

Правда о системе социального обеспечения была запрещена. Она и сейчас – "зона вне критики", лишь немного раскрылась.

Создание Всесоюзного Совета ветеранов войны и труда было созданием нового непонятного общественного организма (непонятного тем, что он не пользуется никакими правами, он – общественная организация, где, правда, за "общественную" работу получают деньги), куда пристраивают всевозможных высокопоставленных пенсионеров. Сюда стали "бросать" сокращенных под видом борьбы с бюрократизмом: из горкома и обкома КПСС, ВЦСПС (ныне Всесоюзный Совет ветеранов получил права отдела ВЦСПС), ведомств, Министерства обороны и Главпура.

Выплывший из небытия бывший член Политбюро К. Т. Мазуров, кстати, не получал зарплату на посту председателя Совета. Ему хватало 500 рублей пенсии, 250 рублей депутатских и оставленных ему привилегий – дачи, машины, "кремлевки", поликлиники. Даже

выделенные ему два (почему два, а не один?) участка в садовом товариществе "Ветеран" под Истрой в живописном местечке Холмы он великодушно отдал... своим дочерям.

Таковы наши ветераны. Те, что имеют 750 мест (если не ошибаюсь) на Съезде народных депутатов – то есть 750 мест занимают краевые, областные, районные мазуровы, комаровы, бабкины, лыковы, голяковы, киселевы...

Не могут без маленькой, но власти.

Сейчас модно говорить о покаянии. Журналист А. Караулов опубликовал в "Театральной жизни", "Огоньке" и "Московских новостях" цикл интервью с бывшими вершителями наших с вами судеб. Так вот, НИКТО из них не кается – ни Егорычев (первый секретарь МГК КПСС), ни Шелест (первый секретарь ЦК КПУ), ни Семичастный (председатель КГБ), ни тот же Мазуров.

Нет. И не будут.

Как и бывший глава кинематографа Ермаш, обнаглевший до того, что в "Советской культуре" выступил с двумя полосными мемуарами о том, как он, видите ли, помогал Андрею Тарковскому!..

Нет предела бесстыдству. Нет. И не будет предела ИХ бесстыдству. Потому что ИМ нет дела до нас.

Но вот перестройка набрала темп, и гласность добралась до главы ветеранов. Пришлось К. Т. Мазурову рассказать в фильме "Человек на трибуне", как он под именем генерала Трофимова руководил советской оккупацией Чехословакии в 1968 году.

– Кому назначаются персональные пенсии? – спрашивают.

– В основном – мерзавцам, – отвечаю, – решением Совета министров в последние годы персональные пенсии назначены Комаровой, Бабкину, Галине Брежневой, вдове умершего Мазурова...

– По случаю потери кормильца, 60 рублей?

– Если бы! Специальное СЕКРЕТНОЕ постановление Совета Министров вынесено о назначении вдове Мазурова персональной пенсии в 200 рублей...

Гласность гласностью, а во Всесоюзном Совете ветеранов создан секретный человек и секретная комната с запертыми секретными сейфами для подобных секретных постановлений.

Бедный-несчастный Мазуров помер в декабре 1989 года, неждавший выхода на экран фильма о его героической роли в деле оккупации сопредельных стран. В его сейфе оказались скромные сбережения:

1. Серьги бриллиантовые, в один карат.
2. Кольцо с изумрудом.
3. Перстень с 6 бриллиантами и рубинами.
5. Брошь в форме ландыша, с 6 бриллиантами.
6. Кольцо бриллиантовое в один карат, в форме розочки.
7. Кольцо арабское с сапфиром, в виде виноградной лозы.
8. Серьги с 8 бриллиантами, реставрированные.

Не знаю, какие еще ценности окажутся в сейфе нового вождя ветеранов войны и труда, бывшего замминистра обороны, одного из вдохновителей другой оккупации – Афганистана, Маршала Советского Союза Н. Н. Огаркова, который с 16 марта 1990 года возглавляет сию общественную организацию.

Впрочем, какое мне дело до всех до них?

Москва, апрель

Саратов пробуждается, Муренеску остается

Андрей ДЕРЕВЯНКИН

Тихи ли улицы Саратова?

"Пока мы у власти, вопрос о том, будет митинг или нет, решать будем мы", — заносчиво заявила зам. председателя саратовского горисполкома А. В. Россошанская будущим народным избранникам на заседании клуба-семинара кандидатов 3 февраля 1990 г.

Казалось, время замерло. Где-то митингующий народ свергал первых секретарей, где-то манифестанты возлагали венки из колючей проволоки к гебистским особнякам, где-то уже вздымались волны забастовок... Казалось, все это происходит где-то там, за границей. Саратов, один из крупнейших культурно-промышленных центров Поволжья, оставался недвижим. Город, насчитывающий почти миллион жителей, 12 вузов, имеющий развитую промышленность, молчал. Молчал, как молчала Румыния или молчит Албания. В партийно-гебистских ведомостях экстремистами здесь числились Народный фронт, "Мемориал". Какой эпитет прилагался, скажем, к Демократическому Союзу или НТС, мы не знаем.

Существует традиционный вопрос: в чем причина такого положения — в отсутствии активной оппозиции или жестокости репрессий? Следует отметить, что разнообразием общественных движений Саратов не обделен. Есть здесь и анархисты, и эсдеки, и даже представители Национал-Демократической партии Грузии. Но если, скажем, в Горьком, Куйбышеве или Красноярске те же дезовцы без особых столкновений с властями давно пользуются возможностями выступать в университетских аудиториях или даже проводить санкционированные митинги и соответственно увеличивать число своих сторонников, то в Саратове, чтобы быть уволенным без промедления с работы, вовсе не требуется быть дезовцем и вести антикоммунистическую пропаганду. Можно, например, лишиться звания профессора за участие в деятельности вполне легального клуба кандидатов в народные депутаты ("политическая ошибка"), как это произошло с В. Н. Южаковым, преподавателем ВПШ. В концлагерь, слава Богу, не запирают, но ассортимент повседневных репрессий у КГБ и без того достаточно широк. Еще Ленин указывал в свое время, что эффективность кары прежде всего в ее неотвратимости (В. И. Ленин. ПСС, т. 4, с. 412—413). Неотвратимость для каждого инакомыслящего, массовость таких пакостей, как лишение работы, жилья, административные аресты, задержания, штрафы, в Саратове проявляются очень наглядно.

Среди этого зстоя местного значения наши открытые акции, от распространения листовок до демонстраций, больше походили на дерзости по отношению к властям, чем на общение с "массами". Такой была, например, демонстрация 26 ноября прошлого года в защиту политзаключенных "перестройки". Планируя эту акцию, мы, разумеется, предвидели эти чрезвычайно-военные меры. Уже за несколько часов до начала митинга на сравнительно небольшой по размерам площади Чернышевского находилось несколько пожарных машин, во-

енно-полевая радиостанция, автобусы с громкоговорителями, множество гебистов и милиции с овчарками плюс отряд милиции особого назначения. А сама площадь попросту огорожена вместе с находящимся на ней памятником "великому демократу" Чернышевскому. Сама демонстрация, а точнее, скручивание и заламывание, была непродолжительной. Всё, как в Москве весной 1987 или летом 1988 года.

Сие от них не зависит

Но даже советское не все подконтрольно обкомовскому начальству. Невозможно, например, пресечь поступление в Саратов центральной советской прессы. Как сказал щедринский ретивый начальник, пожелавший закрыть Америку: "Но, кажется, сие от меня не зависит". Невозможно также и предотвратить проведение той же общенациональной кампании по выборам депутатов РСФСР и местных советов. Хотя и утрированная, убого-демократическая кампания, да все же не традиционная сталинская. А ведь всякая инициатива, не санкционированная партийными органами, опасна возможностью всяческих уклонов, а последствия их непредсказуемы... Опасения властей в дальнейшем подтвердились.

Группа независимых от парткомов кандидатов в депутаты, движимых перестроечным энтузиазмом, 13 января 1990 г. собралась в помещении института "Гипропромсельстрой", чтобы организовать клуб-семинар кандидатов. Одним из инициаторов этого был В. Н. Давыдов, директор Поволжского филиала Всесоюзного НИИ статистической информации. Окончательно клуб-семинар кандидатов оформился 20 января, объединив более 150 кандидатов в депутаты и их доверенных лиц. Параллельно с этим представители многих клубов избирателей попытались 17 января провести в одной из аудиторий университета учредительное собрание Ассоциации клубов избирателей. Могут засвидетельствовать – собравшиеся, среди которых было около 20 кандидатов в депутаты, были в основном сторонниками Горбачева, "хорошего социализма" и "умеренного прогресса в рамках закона". Они меньше всего походили на антисоветчиков. Но от фобии всяческой крамолы аппарату несть покоя – приказом ректора университета Богомолова собрание в намеченной аудитории было запрещено. Втиснувшись в маленькую классную комнату, не теряющие оптимизма поклонники перестройки все-таки провозгласили создание Ассоциации. Два дня спустя, выступая во Фрунзенском райкоме КПСС, третий секретарь В. Борзилова сообщила, что в университете состоялся шабаш экстремистов, на котором выступали А. Никитин (Народный фронт), В. Горбачев ("Мемориал") и А. Маркушев (председатель профкома, доцент университета).

22 января клуб-семинар кандидатов (КСК) проводил в НИИ "Микроб" свое очередное заседание. Выяснилось, что кандидатов беспокоит прогрессирующая апатия избирателей по отношению к советам, выборам, кандидатам – равно бюрократам и небюрократам. И тут выступил В. Н. Давыдов, предложив необычное для Саратова мероприятие – массовую встречу кандидатов с избирателями на площади Революции. Предложение кандидатами было подхвачено. Тут же была составлена и двадцатью двумя кандидатами подписана заявка в горисполком на проведение этой встречи. Непредусмотренная активность будущих парламентариев озадачила местное начальство. Пло-

шадь Революции с водруженной на ней исполинской бронзовой статуей Ленина работы Кибальникова – традиционное место осенне-весенних партийных парадов, и вдруг на этом форуме какое-то полунформальное массовое собрание...

Следующий КСК, состоявшийся 3 февраля, пришлось посетить предгорисполкома Агапову и его заместителю Россошанской. Расходившиеся кандидаты в депутаты стали приставать к товарищам из совета, упрашивая разрешить встречу на площади. Пытаясь образумить КСК, предгика Агапов указал на невозможность этого мероприятия ввиду того, что большая часть милиции, весь спецназ и даже училище МВД уехали в Баку и митинг "охранять" некому. Но поскольку переубедить КСК не удалось, председатель Агапов пообещал рассмотреть поданную заявку, а принятое решение 6 февраля опубликовать в областной газете "Коммунист". Горисполком сдержал свое слово и 6 февраля со страниц "Коммуниста" устами Россошанской заявил:

"Слухи о якобы готовящемся митинге в Саратове не имеют под собой почвы. Обращались ряд кандидатов в депутаты в избирательную комиссию и исполком городского совета с уведомлением о своем желании провести массовую встречу с избирателями. Это уведомление рассмотрено в соответствии с Законом о выборах народных депутатов РСФСР и местных советов. Кандидатам в депутаты предложено встретиться с избирателями во дворцах культуры и клубах города".

Было оказано воздействие на подавших злополучную заявку. В результате 10 февраля кандидаты Давыдов, Бевзюк, Бобрицкий, Проскурняков, Макаровская, Фирсаков, Миних, Лейман, Федоров через тот же "Коммунист" обратились к избирателям с призывом не приходить на встречу на пл. Революции, дабы исключить всякие провокации. Местом встречи также были названы клубы и дворцы культуры по районам города.

Уже вечером того же 10 февраля на КСК, состоявшемся в "Типросельстрой", упомянутым кандидатам пришлось отпираться от этого призыва перед лицом своих товарищей, потребовавших объяснений. В конце концов присутствующие, по-видимому, удовлетворились заверениями отступников в том, что они того призыва вовсе не писали, не подписывали, это власти без их ведома подставили подписи. На этом же КСК вновь присутствовали власти, но в преддверии митинга уже в расширенном составе: 1-й секретарь горкома КПСС Головачев, предгорисполкома Агапов, зам. Россошанская, прокурор города Александров, референт 1-го секретаря обкома КПСС по неформальным организациям Фролов и Косыгин, нет, не тот Косыгин, а полковник Косыгин, главный милиционер города, начальник ГУВД. Власти пустились во все тяжкие, чтобы удержать кандидатов от опрометчивого шага. Полковник Косыгин известил присутствующих, что согласно имеющимся у него сведениям мафия и некоторые экстремистские группы готовятся учинить в ходе митинга погром*. Воз-

* Слухи о погромах - не единственная "информация", распространявшаяся органами КПСС перед митингом. Один из кандидатов в депутаты уверял меня, ссылаясь на данные, полученные из партийных кругов, что саратовский ДС для спаивания митингующих закупил водки на 2000 рублей. Кроме того, активные участники митинга должны получить от ДС вознаграждение по 50 рублей каждый, ДС заплатит также штрафы за всех привлеченных к административной ответственности.

звав к благоразумию, полковник призвал воздержаться. В том же духе высказался прокурор Александров. Зампредгорисполкома Россосанская сообщила некоторые подробности: на 11 февраля намечаются еврейские погромы. Саратовское еврейское культурное общество обращалось в горисполком за помощью.

Как всегда наиболее информированными оказались органы соввласти. Никто из общественников или просто граждан Саратова слыхом не слыхивал о предстоящих погромах. Тем не менее выступления советских работников вызвали возмущение, были расценены как провокационные, подстрекательские, направленные на разжигание межнациональной розни. Кандидат полковник Чернявский (Саратовское химучилище) стал выяснять у Агапова, на каком основании жителям Екатеринбургского района области, его избирательного округа, местные власти запретили выезжать в Саратов 11 февраля. Удовлетворительных ответов получено не было.

Клуб-семинар в своей решимости провести митинг остался непоколебим. Условились – на встрече с избирателями по дворцам культуры отправится только небольшая часть членов КСК, большинство явится на площадь к народу. Было предусмотрено – если не удастся пройти на площадь – увести людей к зданию филармонии, а оттуда вниз по взвозу Бабушкина на набережную Волги, где и провести митинг.

”Долой обком!”

К 11 февраля площадь Революции была... арестована. По всему периметру самой большой площади Саратова было установлено дощатое ограждение. Как явствовало из надписей на изгороди, на площади велись дренажные работы. Памятник основателю советского государства также был обнесен двухметровым забором. Сам бронзовый Ленин оказался в стальных лесах. Табличка на заборе гласила: ”Ремонт”. С раннего утра было великое множество милиции. Аж рябило в глазах от красных околышей. Казалось, что милиционеры сами пришли митинговать.

Неоднократные настойчивые разъяснения властей через газеты и по телевидению, что митинг на площади не состоится, имели свой эффект – сотни саратовцев в тот день пришли к площади. Забор – вот что увидел народ, многие впервые за десятилетия почувствовали свое жалкое, униженное положение подневольных шудр, удел которых заборы да загоны. Но время нынче другое. Все больше и больше людей прибывало на прилегающие к площади улицы и скверы, разбиваясь на группы в несколько десятков, в несколько сот человек. В районе музея Радищева одна из групп попыталась прорваться через забор на площадь, но была встречена дубинками спецназа. Почти одновременно в разных местах и у горисполкома, и у кинотеатра ”Ударник”, и у музея Радищева вспыхнули митинги.

И уже мало кого занимали выборы, ради которых сюда пришли. Неуклюжие маневры дубоватых властей накалили страсти. Слышались требования немедленной отставки обкома и его первого секретаря Муренина, слышались протесты на действия властей, сорвавших митинг. Среди митингующих можно было видеть активистов самых разных общественных движений и течений – социал-демократов, дезовцев, мемориальцев, анархо-синдикалистов, народофронтовцев... Милиция в происходящее не вмешивалась. Самая многочисленная групп-

па, отмитинговав на набережной, тысячной толпой двинулась к обкому. Во главе шествия развевался бело-сине-красный российский национальный флаг. Вбирая в себя по пути другие митингующие группы, обрстая прохожими, народная масса грозно валила по центральным улицам. Над головами плыли плакаты: "Долой обком", "Нет выборам без выбора", "Долой КПСС", "Долой Муренеску".

Такого еще в Саратове не было никогда. Никогда еще официальной ухоженной улице Советской и высокомерному обкому не приходилось видеть так близко Народ. А он, вчерашний раб, во всю силу трехтысячных легких уже скандировал: "Долой обком! Долой обком!.." Отделенный от людей только цепью милиции, обком молчал, строго глядя на толпу глазами окон. Противостояние завершилось только после того, как начальник областного УВД, член бюро обкома, генерал Шинкаренко и какой-то серый инструктор приняли у митингующих резолюцию, осуждавшую произвол властей и требовавшую немедленной отставки обкома.

11 февраля встряхнуло Саратов от спячки. Народ стал разгибаться, почувствовав свою значимость, силу. В ходе митинга окончательно оформился Саратовский народный фронт, из народа выдвинулся так называемый "Комитет 11 февраля", сыгравший значительную роль в митинговой борьбе.

Во что вылился "контрмитинг"

Для пребывающих в состоянии анабиоза саратовских обкомовцев митинговая волна, надо полагать, оказалась неожиданной. Окрыленные успехом неформалы решили развивать наступление: была подана заявка в горисполком на проведение следующего митинга 18 февраля на той же площади Революции. Заявка была подписана представителями КСК, "Комитета 11 февраля", Саратовского народного фронта. Власть же решила ударить по неформалам их же оружием: по всем предприятиям, учреждениям Саратова было разослано предписание членам КПСС явиться на митинг 18-го, сбор у райкомов. В канун митинга в "Коммунисте" появилось следующее извещение:

"К сведению саратовцев. Исполнительные комитеты Саратовского областного и городского Советов народных депутатов, учитывая инициативу ряда трудовых коллективов г. Саратова и области, приняли решение о проведении 18 февраля 1990 года в 12 часов в г. Саратове на площади Революции митинга трудящихся с участием руководителей области, города, общественных организаций и неформальных объединений".

В этом же номере пространнейшая, на полторы страницы, статья 1-го секретаря обкома КПСС К. П. Муренина, озаглавленная "Учиться, учиться и еще раз учиться работать!"...

18 февраля площадь Революции была разгорожена, но Ленина все-таки оставили за забором в лесах. Как мне объяснил один очень информированный неформал, Ильича запрятали в клетку для того, чтобы сподручнее было в случае чего стирать с монумента следы пачкающих покушений. С утра на площадь стали прибывать автобусы с "представителями трудовых коллективов" из районов области. Одновременно с милицией и курсантами училища МВД площадь заполняли колонны под красными, фабричной работы, транспарантами: "Вернуть уважение к закону", "Мы за порядок, мы за дисциплину", "Решения февральского пленума ЦК КПСС поддерживаем", "Позицию

обкома поддерживаем". На ветру полоскались государственные флаги СССР и РСФСР. Митинг открылся в 12 часов. На трибуне – партийные, советские руководители области во главе с товарищем Мурениным. У микрофонов – ветераны труда и партии, председатели колхозов, секретари райкомов. Одобряли и клеймили. Клеймили и одобряли. "Вот э-э-то нар-о-од, – восхищался один ветеран, охватывая жестом толпу. – Он ска-а-а-жет сегодня свое слово. Это не жалкая кучка экстремистов!" Изредка идейно-крепкие речи муренистов перемежались истерическими взвизгами привезенных из сельских райкомов ненавистников немецкой автономии. Огорошенная толпа вначале внимала речам молча, затем засвистала, заревела на речи партийцев. Но многоваттные, многодецибельные динамики покрывали негодование пятитысячной толпы. Продолжалось это примерно два часа, пока отстоявшие "колбасную" очередь неформалы не просочились на трибуну. Я уверен, что Муренин с товарищами не один раз в душе проклял и Горбачева, и "перестройку", выслушивая дерзкие речи неформалов, просто истрадававших граждан. И тут только, наверное, на трибуне заметили, что кроме красных флагов и красных транспарантов на площади развеваются бело-сине-красные стяги и вздымаются вызывающие лозунги: "Советы без коммунистов", "Долой обком", "Обком к ответу", "Долой КПСС". А красного становилось на площади все меньше и меньше. Вскоре не было видно ни одного казенного плаката. За отгул, видно, привезли людей в воскресенье мерзнуть на площади, поддерживать обком. Люди дисциплинированно отстояли положенное, зарабатывали отгул – и разошлись.

Толпа тем временем, шумно выражая свое одобрение, практически единогласно принимала резолюции самых разных неформальных организаций, сходявшиеся в главном: "Нет – власти партийных комитетов", "Нет – обкому", "Нет – КГБ", "Нет – выборам без выбора". Когда в конце концов слово было предоставлено Муренину, он выглядел жалко. Вышел к микрофону без шапки. На лысину падал снег. "Ну, наверное, будет каяться", – подумал я и ошибся. Муренин стал говорить. Речь его производила жуткое впечатление. Есть такие тяжелые психические заболевания, когда речь больного, грамматически правильно построенная, совершенно лишена всякого смысла, содержания. Но ведь этот несомненно здоров. Нет, все-таки профессионально-кастовая деформация психики, интеллекта у них налицо. Эти до нелепости мертвые брежневско-чаушесковские обороты, эта мертвая монотонная речь. Толпа, вначале с интересом притихшая, некоторое время удивленно молчала и вдруг взорвалась оглушительным: "Долой!", "В отставку!", переходящим из рева в скандирование. Минут пять Муренин продолжал говорить, потом замолчал... Кажется, он понял... На этом митинг закончился. На следующий день "Коммунист" сообщил о митинге: трудящиеся города и области единодушно поддержали политическую платформу обкома КПСС...

Для поношения митингов и митингующих под рубрикой "Размышления публициста" были вытаснены различные саратовские "авторитеты". Например, саратовский поэт Николай Палькин, сочинивший в свое время известную песню "Травушка-муравушка зелененькая":

"Может быть, митинг – горе от ума? Не потому, что ума много, а потому, что он плохо работает. Как говорится, ум за разум зашел... Взять много митингующего: какой лик, какие глаза, какая одухотворенность. Но куда что девается, когда человек сливается с толпой. Распаленный в крике рот, взгляд, источающий бешеную злобу, машущие кулаки. Прав писатель Евгений Носов: у толпы нет лица".

Обком не хочет уходить

А обком не спешил уходить в отставку. Многочисленные резолюции и митинги впечатления на него не производили. К митингу 25-го вновь одновременно готовятся обком и неформалы. Вновь мобилизуются "представители трудовых коллективов", секретари парткомов. По городу организованно распространяются слухи о подготовке властями к митингу пресловутых отрядов рабочей милиции, вооруженных стальными прутьями, трубами и т. п. По городу расклеиваются тысячи листовок от КСК, Народного фронта, "Комитета 11 февраля", призывающие граждан сорвать планируемый властями гидасповский митинг. Обком продолжает игнорировать требования его отставки. 24 февраля четверо членов "Комитета 11 февраля" Олег Карпов, Олег Жарков, Мурат Гатаулин, Виталий Чиркунов начинают проводить голодовку у здания обкома, требуя от властей уважения народной воли, выполнения принятых резолюций. Через три дня голодающие, задерганные милицией, прекращают эту акцию.

25 февраля митинг начался примерно так же, как и неделю назад. Те же первомайские транспаранты, примерно те же ораторы: председатель облсовпрофа Рогожин, директор объединения "Волжанка" Федотов, зампредгорисполкома Степанов, зампредоблсполкома Разжигаев, 1-й секретарь горкома КПСС Головачев... Только уж на сей раз неформалов к микрофону близко не подпускали. Бойко, сплоченно руководящие товарищи вели митинг. Норковые шапки, толпившиеся у самой трибуны, выражали свое одобрение каждому оратору в отдельности и курсу областной парторганизации и КПСС в целом. Казалось, ни норковые шапки, ни трибуна не замечали присутствия на площади 10 тысяч человек, множество плакатов, призывавших их, пиявок, уйти. И тогда люди пошли прочь от трибуны на другой конец площади, где начался действительно народный митинг. Снова звучали требования передачи власти от партократии демократически избранным народным представителям. Слышались слова "забастовка", "бойкот". Постепенно почти вся десяти тысячная людская масса перешла на этот импровизированный митинг. Всего лишь 300-500 человек, зажатых плотной цепью милиции и курсантов МВД, внимали речам чиновных ораторов. Говорило прошлое, не желающее уходить.

На неформальном митинге отзвучали последние речи, и эти тысячи, нет, не колонной - мощным потоком двинулись по центральному в городе проспекту, заполонив его от края до края. Родные российские флаги, просветленные лица, тысячегласное "Долой!" Все это было как во сне. 25 февраля в шестви по проспекту Кирова приняло участие 15 тысяч человек.

Что дали Саратову эти митинги? Обком в отставку не ушел, советы всей власти не получили, и по-прежнему всем управляют парткомы. Казалось, вся энергия митинговавших пропала зря. Нет, не зря. Митинг - это лучшая народная школа политической борьбы, уступающая, пожалуй, только забастовке. И здесь, в Саратове, люди впервые за долгие десятилетия ощутили себя людьми, почувствовали, что они - Русский Народ, и воочию увидели, кто им противостоит. Пусть обком, советы, парткомы остались те же - люди стали другими. Власть эта им уже не подходит, они ее уже не заслуживают. Время близко. Власть эта упадет с них, как обветшалые пуги.

г. Саратов, апрель

ГДР: выбор сделан

М. СТРАНСКИЙ

Итак, выборы в народную палату бывшего рабоче-крестьянского, ныне просто восточногерманского государства, отгремели. Расклад победителей и побежденных, вся относящаяся к выборам цифирь читателям, конечно, уже известна, и мы не станем ее повторять. Поговорим лучше о том, что открылось оку стороннего наблюдателя, когда развеялся дым избирательной битвы.

Каравай, каравай, кого хочешь выбирай!

Первым делом бросается в глаза сокрушительная неудача правозащитных движений и гражданских инициатив, которые стояли у истоков осенней революции, первыми бросили вызов тоталитарному государству Хонеккера и породили народное движение, которое на первых порах, как казалось, надувает их политические паруса. Три группировки такого рода - "Новый форум", "Демократия сейчас" и Движение за мир и права человека, объединенные в избирательный блок "Союз-90", набрали в общей сложности менее трех процентов и в народной палате будут представлены скорее символически. Не станем искать объяснения этому феномену в фатальных речевках вроде того, что "революция пожирает своих детей". Кого пожирает, а кого и не пожирает! Смысл явления в другом: начиная революцию, эти движения, рекрутировавшиеся в основном из числа городских интеллигентов, разошедшихся с тогдашней СЕПГ, но сохранивших общесоциалистическую фразеологию, совершенно не знали, не понимали и не принимали сокровенных помыслов населения ГДР. Помните: страшно далеки они от народа?.. Вот и эти оказались страшно далеки. Гораздо дальше, чем все остальные, включая Партию демократического социализма, получившую все, что ей причиталось по прогнозам, и даже несколько сверх того. ПДС, агитируя за себя, о перспективах социализма особо не распространялась, а напирала больше на естественный страх социально слабых слоев за свое будущее. Сильная оппозиция, защищающая интересы слабых, - так ПДС рекомендовала себя избирателям и такой видит свою фракцию в Народной палате ГДР. ПДС смирилась с тем, что отныне сидеть ей на скамье оппозиции, так как ни одна левая партия, не говоря уже о правых, иметь с ней дела не желает. Опыт других парламентских демократий подсказывает, что переход коммунистических партий в оппозицию - лишь первый шаг на пути к политическому измелчанию.

Наоборот, страшно близки к народу оказались кандидаты консервативно-центристского "Союза за Германию", в состав которого входят Христианско-демократический союз, новосозданный Немецкий социальный союз и движение "Демократический прорыв". До абсолютного большинства консерваторы не добрали каких-нибудь двух про-

центов, но и так им отдало свои голоса в два с половиной раза больше избирателей, чем получили социал-демократы, их главные конкуренты. Такой поворот дела оказался для многих сюрпризом (для кого приятным, для кого и не очень), а ведь и у этой сенсации есть весьма простое объяснение. Дело в том, что в воскресенье, 18 марта, центральным вопросом, вокруг которого велись и в который упирались выборы, были исключительно темпы и формы предстоящего воссоединения обеих Германий. Не сам вопрос о единстве — он уже решен всеми в положительном смысле, — а только темпы и формы его достижения. "Союз за Германию" выступал за скорейшее (до конца текущего года) включение Восточной Германии в состав Западной на основании 23-й статьи действующей Конституции ФРГ, предусматривающей такой акт, именуемый "аншлюсом". При этом Конституция ФРГ естественным образом распространяется на всю территорию Германии, включая ее восточные земли. Социал-демократы ратовали за поэтапное, рассчитанное на годы, сближение обеих немецких государств, при сохранении некоторой начальной самостоятельности восточных земель (а земельное переустройство ГДР предусмотрено всеми партиями) и при условии неперемнной выработки новой конституции для нового германского государства. Иначе говоря, по замыслу СДПГ, на месте нынешних двух Германий должна возникнуть третья, чем-то отличная от обеих. Неожиданно внушительным большинством восточные немцы дали на этих выборах понять, что третьего не дано, что лучшей Германией, чем нынешняя Западная, в природе не бывает, а если и бывает, то искать ее можно сообща и не спеша на уже существующей здоровой основе. На это решение населения ГДР международная биржа ответила повышением обменного курса западногерманской марки — будущей валюты единой Германии.

А консултант ЦК КПСС по немецким делам Николай Португалов, опрошенный о советской реакции на итоги выборов в ГДР, ответил так: "Результаты выборов оказались для нас полной неожиданностью. Но мы принимаем выбор, сделанный восточными немцами". Правильный ответ, заслуживающий похвального отзыва.

От избирательных кампаний в других странах Центральной Европы прошедшие выборы в ГДР радикально отличаются массированным участием в них западногерманских политических партий. Собственно, формально такое участие было запрещено решениями "круглого стола", но степень реального влияния ФРГ на восточногерманскую действительность такова, что в ГДР не нашлось силы, способной принять решения осуществить. Западногерманские партии взяли на себя не только изготовление и распространение пропагандистских материалов для своих восточногерманских единомышленников, но и прямое ведение "плакатной войны". В предвыборной кампании приняли участие все уважающие себя политики ФРГ. Держателем своеобразного рекорда оказался канцлер ФРГ Коль, агитировавший за христианских демократов: шесть его выступлений в ГДР собрали в общей сложности миллион слушателей. Достаточно посещаемыми были также митинги с участием почетного председателя обеих германских социал-демократических партий и Социнтернационала Вилли Брандта. По существу, делая выбор между восточногерманской мелкой сошкой, избиратель воспринимал местные партии как филиалы соответствующих материнских политических организаций в ФРГ. Только так можно понять разительную победу ХДС — партии, существовавшей на птичьих правах и раньше, в качестве подручного СЕПГ. Восточный

немец просто не хочет своим выбором создать в стране политический ландшафт, в корне отличный от западногерманского, не видя в том резона – в единой Германии политический спектр непременно совместится с тем, что сложился в ФРГ.

Если же говорить о собственных затратах восточногерманских партий на предвыборную борьбу, то тут рекордсменом предстает однозначно ПДС – ее расходы составили пять с половиной миллионов марок. Если учесть, что социал-демократы раскошелились лишь на полмиллиона марок, а остальные наскребли и того меньше, приходится сделать вывод, что у бывших коммунистов в загашниках кое-какие монеты остались. Как, впрочем, и другие резервы влияния на политическую жизнь страны.

”Штази”: жизнь после смерти

Политическая сцена ГДР, как она сложилась в результате выборов в Народную палату, оказалась в значительной степени парализованной. Причина паралича, который разбил совсем еще молодую парламентскую систему ГДР, проста: ни одна из партий не может с уверенностью сказать, что ее партнеры по переговорам или собственные руководители переживут без потери лица нынешнюю полосу разоблачений. Политики всех мастей разоблачаются в сотрудничестве с восточногерманской госбезопасностью, пресловутой ”штатс-зихерхайт”, именуемой в народе уменьшительно, но едва ли с любовью – ”штази”.

Разоблачительная кампания началась еще до выборов и тогда воспринималась как прием предвыборной борьбы. Политический удар пришелся по ”Демократическому прорыву” – весьма уважаемому оппозиционному движению, близкому к Евангелической церкви, немало сделавшему для победы осенней революции в ГДР. Председатель партии Вольфганг Шнур после непродолжительных отпираний был вынужден признать достоверность улик, согласно которым Шнур являлся многолетним сексотом восточногерманской внутренней разведки. Отличный адвокат, защищавший диссидентов и не одному человеку в ГДР помогший оформить свои выездные дела, Вольфганг Шнур одновременно был платным осведомителем охраны, ”их” человеком в штабе оппозиции – этот прискорбный факт характеризует, наверное, не только несостоявшегося политика, прочившего в премьеры, но и всю гедезовскую дореволюционную действительность. Пикантным аспектом этого скандала оказалось и то обстоятельство, что, участвуя как лидер влиятельной оппозиционной группировки в работе ”круглого стола”, Вольфганг Шнур возглавлял именно комиссию по ликвидации органов государственной безопасности. Никогда так и не выяснилось, кто же был тем источником, из которого просочились в прессу сведения, почерпнутые из хорошо засекреченных досье ”штази”. В результате скандала многие избиратели перенесли свои симпатии с ”Демократического прорыва” на его консервативных партнеров по ”Союзу за Германию”, сам же ”прорыв” оказался скорее ”прорухой”, набрав лишь 0,9% голосов.

Буквально наутро после выборов прессу обеих Германий стали распирать и лихорадить сообщения о существовании неких улик – не то косвенных, не то прямых, – доказывающих причастность к госбезопасности двух руководителей фактически победившей на выборах

партии - Христианско-демократического союза: ее председателя и нынешнего премьер-министра ГДР Лотара де Мэзера и генерального секретаря ХДС Мартина Кирхнера. Оба в самых решительных выражениях отвергли эти обвинения, но какой толк в опровержениях, когда члены комиссии "круглого стола" по ликвидации органов госбезопасности в ответ на запросы журналистов лишь загадочно ухмыляются? Западногерманская газета "Зюддойче цайтунг" поведала читателям, что, по ее сведениям, демократические группировки в ГДР еще в январе этого года стали получать анонимки, полные намеков, дискредитирующих лидеров восточногерманской христианской демократии. А еженедельник "Шпигель", имеющий репутацию органа, который ради красного слова не пожалеет и отца, сообщил, что получил анонимное послание, конкретизирующее обвинения в адрес де Мэзера, практически в день выборов; следовательно, лишь сроки типографского производства не позволили ему вовремя "разоблачить" восходящую звезду восточногерманской политики.

В принципе социал-демократы ГДР могли бы испытывать от моральных затруднений своего главного оппонента не запрещенное в политике чувство злорадства. Но они не могли позволить себе этого неблагородного чувства после выхода в свет очередного номера все того же неутомимого "Шпигеля", где помещены откровения не названного по имени офицера восточногерманской безопасности, который якобы в течение десяти последних лет лично курировал в качестве платного осведомителя председателя восточногерманской социал-демократической партии Ибраима Бёме. Тот, разумеется, тут же поместил в официальной прессе ГДР опровержение. Но это и другие опровержения возымели лишь ограниченное действие в смысле восстановления доверия к демократическим партиям, так как члены Комиссии по ликвидации органов безопасности, разбирающие деловые бумаги "конторы", продолжают загадочно ухмыляться. Стало ясно, что подозрение в сексостстве перестает быть личным делом одного-двух политиков и падает на весь депутатский корпус ГДР. Собственно говоря, не забрызганными грязью в результате этой разоблачительной кампании парадоксальным образом оказались только депутаты от партии демократического социализма, бывшей СЕПП.

Демократическая печать и в ГДР, и в ФРГ видит в этой разоблачительной, а по существу очернительной кампании, политические козни самой "штази", некие проявления ее посмертной активности. Ведь формально Министерство государственной безопасности ГДР перестало существовать, оно расформировано, а его аппараты распылены по другим ведомствам. Но в народе упорно подпитываются фактами слухи о том, что 80 тысяч штатных сотрудников этого ведомства не переквалифицировались в управдомы, они где-то кучкуются, время от времени высывая рожки, дезорганизуя нарождающуюся демократическую жизнь страны. Ганс Энгельгарт, последний министр госбезопасности ГДР, сообщил по телевидению, что его "контора" курировала по меньшей мере 100 тысяч платных внештатников и располагала компьютерным досье на 5 миллионов восточных немцев. Это каждый третий в сегодняшней ГДР...

Кроме платного осведомительства, в ГДР практиковались и другие виды работы с населением: существовал обширный корпус персональных стукачей, информаторов, работавших сдельно или на условиях аккордного порядка, просто доносчиков-энтузиастов, осу-

ществлявших слежку за своими согражданами безвозмездно, по принципу ленинских субботников. По данным главы разведывательной службы ФРГ Бёдена, до двух миллионов жителей ГДР в то или иное время плодотворно сотрудничали с госбезопасностью.

В заключение мне хотелось бы процитировать пассаж из печатного материала, на первый взгляд не имеющего ничего общего с обсуждаемой темой. Это интервью с заместителем председателя Комитета госбезопасности Литовской ССР Эдмундасом Бальтинасом, как оно напечатано газетой "Советская Литва" за 28 февраля с. г.

"Среди организаторов общественных акций последних месяцев мы видим зачастую одни и те же лица, — пишет советский коллега восточногерманских чекистов. — Среди них есть люди, от услуг которых мы отказались из-за их низкой нравственности и склонности к провокациям. Мы хотели бы заявить открыто: если они не изменят своего провокационного поведения, мы обнародуем документы об их недостойном поведении в прошлом. Это наше официальное предупреждение".

Если отвлечься от комичности ситуации, когда сам гебешник называет "недостойным поведением" те же действия, которые при вербовке наверняка именовал "службой родине" или чем-нибудь вроде этого, то сокровенный смысл угрозы сам по себе вовсе не комичен. Он показывает, что дурной пример заразителен.

Венгрия: после выборов

И. КОШУРНИКОВ

Впервые проведенные спустя 43 года свободные парламентские выборы во втором туре завершились ошеломляющей победой Венгерского демократического форума. После выборов в Венгрии, также впервые за 43 года, будет сформировано некоммунистическое правительство, в которое, по всей вероятности, войдут правоцентристские партии под руководством ВДФ. Потенциальными коалиционными партнерами Форума считают Партию мелких хозяев, получившую на выборах 11,4%, то есть 44 парламентских места, и Христианско-демократическую народную партию, которой удалось получить 21 место в венгерском парламенте (5,44%). Принимая во внимание 164 парламентских места Демократического форума (42,49%), эти три партии будут иметь благоприятное с точки зрения нового венгерского правительства парламентское большинство.

Это большинство будет недостаточным лишь при принятии конституционных законов или при изменении венгерской конституции, для чего в настоящий момент необходимо парламентское большинство в 2/3 (около 66% голосов). Если ВДФ и его коалиционным партнерам удастся протолкнуть закон, отменяющий необходимость в 2/3 голосов для изменения конституции, то оппозиция в новом венгерском парламенте станет пассивным наблюдателем. В этом случае повторится ситуация, которая наблюдалась в Венгрии между первой и второй

мировыми войнами, когда на бумаге была многопартийная система, но фактически лишь в качестве декорации для одной правящей партии.

Второй тур, вернее его результаты, ошеломил не только венгерское общественное мнение, но и зарубежных наблюдателей. Мало кто считал, что Союз свободных демократов на основании результатов первого тура, в котором ВДФ удалось получить лишь незначительное преимущество в 3-4%, сможет опередить и пробиться на первое место. Однако и такого значительного поражения ССД никто не ожидал. До последнего момента руководство ССД считало, что им удастся получить около 1/3 голосов избирателей. На это они с полным правом и могли претендовать. Что же заставило венгерского избирателя во втором туре отдать свой голос за кандидатов от Венгерского демократического форума? Перечислим возможные причины.

1. Общеизвестно, что большинство избирателей голосует за самую сильную политическую партию. Преимущество ВДФ в первом туре, очевидно, привлекло ту часть избирателей, которая до сих пор колебалась. Особенности венгерской избирательной системы оказались в пользу самой сильной партии.

2. Нужно учесть агрессивную избирательную кампанию, которая проводилась Форумом в течение двух недель после 25 марта. Руководство ВДФ удачно играло на националистических чувствах венгров, сумело использовать кровавые события в Тыреу-Муреше (Трансильвания), открыто обвинило ССД в космополитизме и антинародности, подогревало антисемитизм, распространяло в громадном количестве листовки, брошюры, в которых пыталось дискредитировать кандидатов от ССД и все его руководство, распространяя измышления об их якобы коммунистическом прошлом, еврейском происхождении, коррупции и т. д.

К сожалению, католическая церковь Венгрии тоже подключилась к этой пропаганде. Во многих католических церквях были развешаны плакаты, на которых верующим рекомендовалось голосовать за ВДФ или две остальные партии национального центра. В платных газетных объявлениях католическая церковь призывала верующих не голосовать за кандидатов от ССД, которые якобы отрицают христианские ценности венгерского общества. Странно, что они в то же самое время забыли указать на тот факт, что среди кандидатов от Союза свободных демократов было больше священников, чем среди кандидатов других партий. Среди кандидатов от ССД было пять священников: католический, протестантский, униатский, баптистский и раввин.

3. Tактической ошибкой руководства Союза свободных демократов можно считать тот факт, что партия не реагировала и не дала ясного ответа на нападки и измышления противников, не проводила соответствующей контрпропаганды против Венгерского демократического форума и его кандидатов. Венгерские избиратели восприняли эту сдержанность как признание распространяемых активистами ВДФ обвинений.

4. Недостатком предвыборной кампании явилось и то, что спор между двумя самыми крупными партиями велся не на основании сопоставления их программ. Значительную роль в этом сыграли венгерские средства массовой информации - телевидение, радио и ведущие газеты, которые под давлением правительства Немета и комитета по контролю над телевидением и радио (в который входят представи-

тели ВСП и партий национального центра) до минимума ограничили политические дискуссии между лидерами партий. На основании же проведенных выхолащенных, нейтральных дискуссий венгерский избиратель вряд ли получил полное представление о действительной разнице между программами Венгерского демократического форума и Союза свободных демократов.

5. Очевидно, что часть избирателей была напугана радикализмом программы Свободных демократов и поэтому предпочла умеренную программу Венгерского форума. В результате этого за Форум, очевидно, проголосовала значительная часть бывших членов ВСП и нынешних членов ВСП.

Объяснить это можно, наверное, тем, что в создании Венгерского демократического форума значительную роль играли Имре Пожгаи и народно-демократическое крыло ВСП/ВСП, а также тем, что Форум — единственная венгерская партия, в которую в значительном числе вошли бывшие венгерские коммунисты.

6. Слабость венгерской политической культуры. С европейской точки зрения, Венгрия никогда не была страной с европейскими демократическими традициями. Либеральные ценности и уважение человеческой личности не пользовались таким приоритетом, как популистская риторика, игра на национальных чувствах и идея национального коллективизма. С этой точки зрения, экономическая программа Форума во многом сходна с экономической программой режима Хорти. Населению легче принять программу так называемого "социального рынка", с определенным ограничением частной инициативы, чем программу Свободных демократов, провозглашающую свободные рыночные отношения.

С другой стороны, явное нарушение свободы печати (негласная цензура телевидения, радио и центральных газет со стороны ВСП, Демократического форума и других партий национального центра, входящих в комитет по контролю над средствами массовой информации) не вызвало открытого возмущения у широких масс венгерской общечественности, а осталось лишь борьбой Союза журналистов Венгрии, Союза свободных демократов и Союза молодых демократов. Для остальных политических сил и значительной части населения вопрос свободы средств массовой информации остался второстепенным.

Если говорить о будущем, то у наблюдателя нет особых причин для оптимизма. Освободившиеся от коммунистических уз восточноевропейские страны попадают под иго национализма. Это в значительной степени затруднит диалог Венгрии с Румынией из-за венгерского национального меньшинства в Трансильвании, с одной стороны, и сотрудничество с Чехословакией из-за проживающего в Словакии венгерского меньшинства, с другой. В свете этого маловероятно создание восточноевропейской экономической унии, в которую бы вошли Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Югославия. Существующие противоречия, по всей видимости, воспрепятствуют этому.

Новый венгерский режим, кажется, удовлетворится сменой коммунистической элиты на элиту националистического толка. Он наверняка возьмет под свой полный контроль телевидение, радио и печать. В экономике же тактикой малых шагов постарается в какой-то степени модернизировать венгерское хозяйство, избегая при этом вызвать широкое народное недовольство радикальными экономиче-

скими реформами, без которых невозможно возрождение и эффективность венгерской экономики.

Ближайшее будущее покажет, по какому пути пойдет молодая венгерская демократия: присоединится ли к Европе или завязнет в балканском болоте.

Будапешт, апрель

Коммунисты - с корабля!

М. СЛАВИНСКИЙ

Массовые выходы из партии и из комсомола стали сегодня темой многочисленных газетных статей и радиопередач: "Почему я не стал коммунистом?" ("Вечерняя Одесса"), "Отказники" ("Правда Востока"), "Бездумно поднимала руку" ("Горизонт"), "Выход из партии - выход ли?" ("Вечерняя Москва"), "Сдаю комсомольский билет" ("Ленинградская правда"), "Продолжается развал комсомола" ("Атмода") и т. д. За последний год коммунисты утратили свое ведущее место почти во всех странах земного шара, где они до сих пор безраздельно властвовали. Из 12 государств, связанных "неразрывными узами марксизма-ленинизма" с Советским Союзом, шесть так называемых "народных демократий" Восточной Европы узы эти порвали и от главенствующей роли КПСС отказались. Шесть других сателлитных стран из Третьего мира начинают постепенно, по примеру Никарагуа, от радужных посулов марксизма-ленинизма отказываться.

Аналогичные процессы наблюдаются и в компартиях крупных западных демократий. Французская компартия, набиравшая после второй мировой войны до 33% голосов на выборах, скатилась теперь до 10%. Самая мощная европейская коммунистическая партия, итальянская, сейчас срочно меняет не только политическую программу, но даже свое название.

Подобное явление происходит и в Советском Союзе. Вот несколько зарисовок.

"Впервые за последние несколько десятилетий Дзержинская районная партийная организация столкнулась с таким фактом: число исключенных и выбывших из партии коммунистов превысило количество вновь принятых в кандидаты в члены КПСС" ("Вечерняя Москва, 10.12.1989).

"На состоявшейся недавно пресс-конференции в обкоме КПСС, например, сообщалось, что только за апрель, май, июнь нынешнего года (1989-го - М. С.) в Ленинградской партийной организации добровольно расстались с партийными билетами 2100 человек" ("Ленинградская правда", 8.8.1989).

"Возникло такое явление, как выход из партии немалого числа ее членов, причем процесс этот идет нарастающими темпами" ("Горизонт", февраль 1990).

По каким же причинам люди решаются сегодня на такой шаг, автоматически зачислявший их, еще три года назад, в ряды "политически незрелых элементов"? Шаг, навсегда закрывающий путь вверх по служебной лестнице? Шаг, делающий их, в зависимости от места работы, "невъездными"?

Выходы по бытовым соображениям

Теперь многие публично признают, как и почему они пополняли "славные ряды". "Вступила в партию неосознанно, в период застоя. Теперь поняла, что не хочу быть членом КПСС"; "Хочу выйти из состава КПСС по семейным обстоятельствам". "Реального авторитета у партии нет. Меня только попрекают тем, что я коммунист".

Выходы из партии часто объясняются служебными соображениями и возрастающими трудностями каждодневной жизни. В складывающейся обстановке люди не видят перспектив, ощущают полную беспомощность. И дело не только в страшной инфляции и пустых полках магазинов, что дефицит продуктов питания нарастает, что постоянно нет товаров первой необходимости. В стране на всех уровнях - полное отсутствие ответственности и, как следствие, - страшнейший дефицит внимания к человеку. Процвetaют ложь, равнодушие, увертки, и никто не несет за все это никакой ответственности.

"Прошу исключить меня из партии по личным мотивам, - пишет в партбюро свив-щик Молодечненской кондитерской фабрики И. Юшко. - Не могу согласиться с тем, что в рядах партии много людей, у которых нет чести и совести. Не знают предела искривления ее линии. За ними - приписки, нарушения законности (...) Поэтому я ухожу от таких коммунистов" ("Советская Белоруссия", 6.6.1989).

Если в молодости членство в партии сулит некоторым карьеру, хороший заработок и даже номенклатурные привилегии, человек, уже вступивший на жизненный путь и достаточно твердо на нем стоящий, приходит часто к выводу, что в партии не нуждается. Она сулит ему лишь нудные обязательства и материальные убытки.

Вот типичная позиция токаря цинкового завода, не желающего и далее платить партвзносы (а у иных это приличная сумма):

"Лучше матери отошлю... Насмотрелся, как мучаются в Сибири старики: кусок мыла по талону, килограмм сахара - и живи как хочешь... Мне, коммунисту, стыдно в глаза им смотреть" ("Правда Востока", 5.12.1989).

Чем беднее и беспомощнее члены партии, тем больше и беспощаднее бьют по ним партийные обязательства. Это касается пенсионеров, кои, по статистике десяти первых месяцев 1989 года, составили около трети подавших заявление о выходе. В "Вечерней Москве" (10.12.-1989) характерная история. Алевтина Бокина состояла в партии 25 лет. Затем умер муж. На руках осталось пятеро иждивенцев, в том числе больная 79-летняя мать. Однако никто ее тяжелого положения понять не захотел. Бокину дружно заклеили позором. На собрании секретарь парторганизации заявила: "Я осуждаю Бокину. В такой трудный для партии час надо поддержать ее авторитет..."

Почти 24 миллиона человек в СССР получают пенсию до 60 рублей в месяц, среди них - 11 миллионов одиноких престарелых людей, нуждающихся в помощи ("Аргументы и факты", № 40, 1989). И вот, таким людям предъявляют грозные требования - "Поддержать авторитет партии, бороться за чистоту и крепость ее рядов!"

Что же удивляться, что многие хотят "потерять" такую партию.

Выходы по политическим причинам

Большинство выходов из партии объясняется чисто политическими причинами, теперь прозревают многие.

"Некоторые коммунисты свой уход из партии мотивируют тем, что при вступлении в партию не знали ее подлинной сущности, а узнав – ужаснулись" ("Вечерняя Одесса", 6.9.1989).

Другие, наоборот, прекрасно представляли себе, куда вступают, но заманчивые жизненные перспективы перевешивали:

"В партию меня вступать агитировали и не раз. Если честно, это мне льстило, но я видел, какая по качеству тогда партия, кто в ней и почему... Это была партия карьеристов и конъюнктурщиков" ("Вечерняя Одесса", 9.8.1989).

Но кто бы по какой причине в партию ни вступал, сейчас идет интенсивный отсев. По данным комиссии партийного контроля при ЦК КП Латвии, выход из рядов КПСС становится если не массовым, то по крайней мере очень заметным явлением. Кривая выходов весьма крутая. В 1986 году это сделал 51 человек, в 1987 – 86, в 1988 – 352. В 1989 эта цифра подошла к 3,5 тысячам. Аналогичная тенденция наблюдается и в других республиках. В Белоруссии количество выбывших из рядов КПСС возросло с 4313 в 1987 году до 4893 в 1988. Только в Минской области за 1988 год с партийными билетами расстались 1615 человек, в том числе 329 кандидатов в члены КПСС.

И вот характерные высказывания:

"Все предыдущие годы я бездумно поднимала руку за все начинания КПСС. Значит, я была среди тех, кто довел страну до застоя. Я слепо верила партии, а теперь оказалось, что верила терроризму Сталина" ("Горизонт" № 2, 1990).

"Прошу исключить меня из рядов КПСС, – пишет А. Арсеньев, работник автопарка "Иманта", – так как партия потеряла авторитет у народа. Я не вижу смысла пребывания в ее рядах" (там же).

"Тридцать лет меня убеждали, – пишет в заявлении член КПСС с 1959 года Е. Архипов, – что партия наш рулевой, что вожди и лидеры приходят и уходят, но партия всегда ведет советский народ по верному пути. Куда вела и куда привела? В тупик. К социальному и национальному развалу, к экономической разрухе. Только партия должна отвечать за это. Нужна многопартийная система. КПСС должна доказать свое право быть лидером. Прошу считать меня выбывшим из членов КПСС" ("Вечерняя Москва" 19.12.1989).

В беседах и дискуссиях, коих, если судить по газетам, сегодня происходит множество, бросается в глаза растущее неверие партийцев в успех борьбы за перестройку, беспомощность перед силами рутины и кривды в партии.

Так, член жилищно-коммунального управления производственного объединения "Белорускалий" Н. Усенок, сдавая партбилет, пишет в свою организацию:

"Продолжение борьбы считаю бесполезным. Плетью обуха не перешибешь (...) Я потерял всякую веру в справедливость и надежду на изменения перестроечных процессов в лучшую сторону. Исходя из этого, я принял решение выйти из рядов КПСС" ("Советская Белоруссия", 6.6.1989).

Подлило масла в огонь недавнее резкое повышение зарплаты партийному и советскому аппарату. В то время, когда 24 миллиона человек получают пенсию ниже 60 рублей в месяц, а 500 тысяч вообще не имеют права на пенсию, многочисленные партийные чиновники будут получать месячную надбавку в 180 рублей к 300 рублям старого оклада.

"Первый секретарь Слуцкого горкома партии Зенон Кузьмич Ломать считает резкое повышение зарплаты аппарату непростительной ошибкой, которую надо немед-

ленно исправить, - писал 28 февраля 1990 г. корреспондент "Литературной газеты" по Белоруссии. - Я знаю немало других партийных и советских работников, которым, как они доверительно говорят, «стыдно перед людьми» получать надбавку".

Но большинство аппаратчиков мужественно свой стыд пересиливают... Что ж, ров между партией и народом еще углубился.

Стремительное бегство из рядов КПСС сочетается с резким падением числа подписок на партийную периодику. "Огонек" (№ 47, 1989) сообщил такие данные:

	<u>Подписка на</u>	<u>Подписка на 1990 г.</u>	
	<u>1.1.1989</u>	<u>Кол-во</u>	<u>% к 1989</u>
"Правда"	9 728 900	6 480 500	66,6%
"Коммунист"	930 200	571 200	61,4%
"Партийная жизнь"	810 700	535 800	66,1%

Партия оказалась сегодня между двух огней. Она подвергается критике и слева, и справа. Одни - сталинисты - обвиняют руководство в пассивности, в неумении отстаивать свойственные партии принципы, в чрезмерном либерализме. Другие обвиняют в консерватизме, в том, что партия полностью срослась с бюрократическим аппаратом. В этом отношении общего языка больше нет. Результат как бы подытожил столяр объединения по торговле продовольственными товарами Московского района города Риги Р. Гаренчик:

"Духовность народа - это не лицемерная группа людей, узурпировавшая власть и именующая себя КПСС. Эта организация проводила и проводит политику геноцида духовности народа, планомерно физически и морально уничтожая ее. Результат этой деятельности налицо - бедственное состояние всего унитарного государства" ("Горизонт", № 2, 1990).

Рабочие и военнослужащие покидают ряды КПСС

Поскольку, как известно, чрезмерной скромностью КПСС никогда не страдала, то с самого своего рождения присвоила себе помпезное определение "авангарда рабочего класса". К концу 1980-х годов, этот "авангард" в СССР насчитывал уже около 20 миллионов членов, что для передового отряда явно многовато. Так или иначе, но за последний год началось довольно стремительное бегство как раз рабочих. Беседуя с корреспондентом журнала "Горизонт", председатель партийного контроля при ЦК КП Латвии С. Пальора заявил: "Как это ни печально, большинство ушедших из партии составляют именно рабочие".

То же самое о положении в столице сообщила "Вечерняя Москва":

"Около 47% выбывших с начала года из партии составляют рабочие (цифры приводятся по Дзержинской районной организации, но таков же примерно процент и по городу в целом). За этот же период в новом пополнении рабочие составили лишь 17% от общего числа кандидатов в члены КПСС. А ведь еще недавно, на XXVII съезде, приводились такие данные: среди каждых ста новых членов партии - 59 рабочих" ("Вечерняя Москва", 19.12.1989).

Удивляться тут не приходится. Сейчас происходит естественный процесс отхода от партии значительного числа рабочих, зачислен-

ных только для подкрепления мифа о том, что КПСС якобы является партией рабочего класса. Совершенно аналогичные явления происходят и в деревне. Так, "Сельская жизнь" от 10 января 1990 г. привела пример вышедших из КПСС колхозников, которых "в свое время «угор-ворили» вступить для поддержания на должном уровне так называемой крестьянской прослойки".

Не менее тревожно для партии стремление многих военнослужащих покинуть ее ряды. Ведь армия, в конечном счете, – последний оплот режима. Как показали события на Кавказе и в Средней Азии, к ней прибегают тогда, когда никакие другие воздействия уже не имеют силы. Вот некоторые "газетные страдания".

"К категории выбывших примыкают и те, кто уже получил от партии все, что нужно было, и теперь они им вроде как и ни к чему. Среди них в последнее время все чаще стали встречаться офицеры-отставники" ("Вечерняя Москва", 10.12.1989).

"Часто решают расстаться с партией бывшие военнослужащие. Один из них, отсылая партбилет, сделал следующую приписку: «Я верил Сталину, верил Хрущеву, а потом Брежневу. Сейчас я не верю никому»" ("Советская Белоруссия" 6.6.1989).

В прошлом году, – добавляет газета, – по республикам оказалось 15 таких "отказников".

Иные бывшие командиры и воспитатели, отслужив в армии и неплохо устроившись на "гражданке", с неимоверной легкостью расстаются с партбилетом: он им уже ничего не дает, лишь налагает обязанности. Причем бросают партию не только рядовые, но и представители высшего офицерского состава.

Ушел в отставку в звании подполковника В. Кажаяев, получил место станочника в производственном объединении "Борисовдрев". Его даже избрали секретарем цеховой парторганизации. Однако Кажаяев от секретарства отказался и заявил, что вообще не видит смысла находиться далее в рядах партии. Ушедший в отставку майор В. Шостацкий мотивировал свой выход из партии абсолютным несогласием с ее решениями. Еще более откровенным был Г. Пархоменко. Он тоже высказал немало претензий в адрес партии, а кроме того, признал что вступил в нее только для того, чтобы успешно закончить Военную академию связи и продвигаться по служебной лестнице. После выхода на пенсию в звании майора он не пожелал больше находиться в рядах КПСС. Отказался платить партвзносы и был исключен из партии подполковник В. Вечер, ныне диспетчер МАЗа.

Уходы из партии неоспоримо доказывают, что в глазах все возрастающего числа ее членов она не только несет ответственность за все преступления, совершенные за последние 70 лет, но еще и привела страну к полному экономическому краху. Такую партию необходимо решительно отстранить от власти.

Развал комсомола

Как писла "Ленинградская правда" (5.12.1989), судя по статистике, единичные случаи выхода из комсомола переросли сегодня в массовое явление. Так, перед XX съездом ВЛКСМ в рядах комсомола насчитывалось 42 миллиона человек, сейчас же – не более 36 миллионов. За десять первых месяцев 1989 года только ленинградская организация потеряла 81 тысячу человек. В частности, весьма негативное отношение к комсомолу сложилось в студенческой среде.

Например, в одном только Ленинградском политехническом институте за прошлый год насчитывалось 150 "отказников". Не меньшее число уходов отмечено и в других вузах.

Комментируя образующуюся в среде молодежи полную духовную опустошенность, Людмила Разумовская писала:

"Удушающая брежневская атмосфера выработала в нас не стремление к борьбе и самоутверждению, а привычку к отстранению и устранению, к бездействию и рефлексии (...) Поколение наше находится в состоянии сидящего между двух стульев - мы и не в социуме, и не в духе (...) И мы несчастны не потому, что не имеем колбасы или жилья - хотя это само по себе в наш век чудовищно и оскорбительно, - мы несчастны потому, что подобны стаду без пастыря, которое идет в пропасть. Мы потерянное, заблудившееся стадо" ("Ленинградский литератор", 21.10.1989).

Совершенно несомненно, что определенный процент молодежи покидает комсомол просто из протеста, разувверившись в способности этой организации защищать её интересы. Однако большая часть сдает комсомольские билеты по идейным мотивам. Идеи и программа этой организации больше не привлекают, а чаще даже отталкивают. А равнодушие - самый страшный яд для любого политического движения.

Отвечая на вопрос корреспондента "Ленинградской правды" "Можно ли прийти к выводу, что комсомол стоит на грани краха?", заведующий организационным отделом ГК ВЛКСМ сказал: "Наверное, это очень сильно сказано, но по сути вы правы".

Как сообщила независимая социологическая служба "Панорама", комсомольская организация Государственной публичной исторической библиотеки приняла решение о самороспуске. Фактически развалилась комсомольская организация на геологическом факультете МГУ. После того, как факультетская организация приняла решение о перерегистрации своих членов, вновь на комсомольский учет встали лишь около 400 человек из 1174 бывших на факультете комсомольцев. В Новочеркасском политехническом институте из рядов ВЛКСМ в полном составе вышла учебная группа IV курса ФСТ во главе с председателем студенческого профкома института.

Процесс распада докатился и до Коми АССР. В Эжве приняли решение о самоликвидации 5 первичных комсомольских организаций. В Сыктывкаре из 24 первичных организаций на промышленных предприятиях 4 самоликвидировались, а 12 находятся на грани распада и практически прекратили свою деятельность. В Сыктывкарском госуниверситете на физико-математическом факультете в комсомольской организации остались лишь 94 человека из 430.

Партия и комсомол разваливаются. Но процесс этот может продолжаться еще долго, так как они не только пронизывают общество, но и держат сверху до низу в своих руках бразды правления страной, тесно переплетаясь с КГБ. Даже после отмены статьи 6-й Конституции партия может, как это было при Сталине, владычествовать в стране. Российская общественность должна понять, что способствование дальнейшему процессу распада КПСС, удаление его от командных постов на всех уровнях и замена новыми, демократическими государственно-административными структурами является сегодня центральной задачей, заслоняющей все остальные поводы внутренних разногласий.

Что придет на смену?

Борис ПУШКАРЕВ

Распад коммунизма признан сегодня в мире как свершившийся факт. Теперь самый важный вопрос: что придет ему на смену? Свободные выборы, прошедшие этой весной в Восточной Европе, показали силу партий, в корне отрицающих тоталитарное наследие и группирующихся вокруг христианских демократов. Показали они и слабость социалистических группировок, ищущих "новый путь" между "капитализмом" и коммунизмом, и отсутствие на политической арене партий фашистского толка (прежде столь существенных и в Германии, и в Венгрии); наконец, то, что за остатки компартий проголосовало 16-17% избирателей.

В России коммунизм просуществовал существенно дольше, чем в Восточной Европе, парламентские традиции были слабее, и выздоровление неизбежно будет более длительным. Смена режима еще только предстоит, мартовские выборы 1990 года еще не были свободными, и вопрос: "участвовать в них или не участвовать?" остро стоял в оппозиционных кругах. Аргументы "против" сводились к тому, что пока сохраняется основная структура коммунистической власти в центре, оппозиция в местных или республиканских Советах, с одной стороны, - бессильна, а с другой - своим присутствием как бы легитимирует власть. Аргументы "за" сводились к тому, что эту цену можно заплатить за трибуну, которая даст оппозиции возможность обращаться к своему народу, что лучше хоть и в чужом "парламенте", но иметь людей своих, а не чужих, что это шаг в направлении демонтажа тоталитарного строя.

Следующие шаги предполагают, с одной стороны, наличие цели - куда идти, то есть наличие политической программы, а с другой, - людей, стоящих за этой программой, то есть политических партий. Программный документ НТС "Путь к будущей России", принятый в ноябре 1987 г., повлиял на создание в мае 1988 г. Демократического Союза (ДС), первого прототипа открытой оппозиционной партии. За истекший год рост неформальных политических групп принял бурные темпы. Не все из них нашли возможность выставить кандидатов, но многие написали программные документы. К весне 1990 г. пакет политических программ будущего России составил уже весьма объемистую папку. В нашем журнале нет возможности все их публиковать и подробно разбирать, да это и преждевременно: партии и программы находятся в стадии становления. Но можно дать выборочный обзор группировок, противостоящих "стагнатам" и ленинцам.

Платформа блока "Демократическая Россия"

Существенным достижением вышеназванных группировок на территории РСФСР было создание 20-21 января 1990 г. блока под названием "Демократическая Россия". В учредительной конференции блока участвовало 116 кандидатов в народные депутаты РСФСР и более

50 кандидатов в депутаты областных, городских и районных Советов. На конференции также присутствовали представители Межрегиональной ассоциации демократических организаций (МАДО), Московского и Межрегионального объединения избирателей (МОИ), Московского народного фронта и Народного фронта РСФСР (Ярославль), Социал-демократической ассоциации, Клуба избирателей при АН СССР, "Мемориала", "Московской трибуны", писательского объединения "Апрель", армейской организации "Щит" и других. Вошел в блок и Виктор Аксютин, основатель Русского Христианско-Демократического Движения, в котором участвуют многие члены НТС в России. Программа блока "Демократическая Россия" ценна как "общий знаменатель" порой весьма разнородных группировок, как основа их согласия. Поэтому мы ее излагаем подробно. Выделив эту основу, можно при характеристике других групп говорить об их отличительных чертах.

Введение к платформе блока "Демократическая Россия" говорит, что причины кризиса страны не в том, что разрушаются старые порядки, а в том, что они своевременно не замещаются "новой властью, новой экономикой, новыми ценностями".

"Чтобы в новые Советы пришли новые люди - смелые и независимые, компетентные и ответственные, нужны четкие политические ориентиры, необходима общая платформа демократических сил".

"Мы - убежденные сторонники гражданского мира, а не гражданской войны, к которой сознательно или бессознательно подталкивают те, кто занят поиском врагов в нашем обществе, кто взвинчивает истерию ненависти. Мы отдаем должное инициаторам перестройки и хотели бы видеть в них союзников, а не противников.

Однако положение быстро меняется. Консервативные элементы аппарата, поборники равенства в нищете, люди, разжигающие зоологический шовинизм, быстро организуются и выступают теперь единым фронтом. Реформаторы из партийно-государственного руководства, к сожалению, не всегда остаются тверды по отношению к их нажиму.

В то же время в политику втягиваются массы людей, начало формироваться независимое рабочее движение, страну потрясли шахтерские забастовки, во время которых были выдвинуты демократические политические требования. Перемены, начатые сверху и блокируемые влиятельными силами, в том числе в высших эшелонах власти, поддерживаются теперь снизу.

В этих условиях демократы ...могут и должны стать самостоятельной политической силой. В одних случаях обеспечивать поддержку реформаторам, в других - выступать с критикой их непоследовательности, политических ошибок и экономических просчетов, в-третьих, - предлагать собственную альтернативу"... Съезд народных депутатов РСФСР должен сделать "то, чего пока не удалось достичь на общесоюзном уровне - взять на себя всю полноту государственной власти в РСФСР" и провести преобразования в области права, экономики, социальной и национальной политики.

В области права блок считает необходимым принять новую Конституцию РСФСР, соответствующую международным стандартам, в частности, Декларации прав человека ООН; упразднить статью 6-ю и лишить власти партийные комитеты КПСС всех уровней, прекратить их контроль над всеми учреждениями, включая армию, "правоохранительные органы" и дипломатическую службу; "гарантировать гражданам России безусловное право объединяться в партии, организации, союзы; установить для общественных организаций заявительный, а не разрешительный порядок регистрации. Преследованию в судебном порядке... подлежат лишь те из них, которые потворствуют насилию, проповедают идеи расовой, национальной, религиозной, социальной исключительности и вражды".

"Отказаться от двухступенчатой структуры Съезд - Верховный Совет... Немедленно ввести в силу в России последовательно демократический закон о печати, предусматривающий предоставление права бесцензурной издательской деятельности общественным организациям и частным лицам... Провозгласить реальную, а не на словах свободу совести; распространить на религиозные общины общественных организаций; вернуть храмы верующим. Съезд должен ограничить функции КГБ задачами защиты государства от внешней опасности и террористической деятельности, поставить КГБ, МО, МВД под эффективный контроль выборных органов власти".

В области экономики блок решительно против "тех, кто озабочен в первую очередь распределением и перераспределением имеющегося национального дохода", и за тех, "кто добивается создания экономического механизма, способного его наращивать". "Пора сделать практические выводы из того, что доказано мировым опытом. Современная высокоразвитая экономика, работающая на потребителя, а не на показатели плана, в любом варианте включает:

- рынок как основной регулятор хозяйства;
- систему государственных рычагов экономического регулирования, находящуюся под демократическим контролем;
- экономическую самостоятельность предприятий;
- эффективную антимонополистическую политику;
- многообразие и юридическое равенство разных форм собственности: государственной, акционерной, кооперативной, частной и т. д.
- мощные механизмы экологической безопасности и социальной защиты.

Болевая точка нашей экономики - продовольственная проблема. Нельзя дальше откладывать решения ВОПРОСА О ЗЕМЛЕ. Мы предлагаем:

- тот, кто может и хочет работать на земле, должен получить безусловную свободу выбора формы владения хозяйством, равно как и гарантии, что никогда более не повторится трагедия "раскулачивания";
- надо узаконить передачу земли в бессрочное владение или частную собственность тем, кто занят или желает заняться сельскохозяйственным трудом;
- поток государственных капиталовложений и кредитов, бесплодно расточаемых и пожираемых органами управления на селе, должен быть переадресован в руки тех, кто станет хозяином земли, а не поденщиком".

В области социальной политики блок сознает, что переход от непроизводительного хозяйства к производительному не может пройти безболезненно для тех, кто сегодня занят - часто не по своей вине - непроизводительным трудом. Блок считает необходимым "предусматривать:

- законодательное закрепление права граждан на гарантированный минимум дохода, учитывающий изменение индекса цен;
- замораживание цен и сохранение государственных дотаций на основные виды продуктов питания и потребительских товаров до тех пор, пока сам рыночный механизм не обеспечит приемлемый уровень цен;
- установление гласного контроля над общественными фондами потребления и распределением государственного жилого фонда;
- реализацию программ трудоустройства, переобучения и компенсации трудящимся, задетым ... перестройкой экономики и сокращением аппарата управления.

Нужные для этого средства могут быть получены за счет резкого сокращения непроизводительных расходов, в особенности военных, и привлечения внешних ресурсов, в разумных пределах, а не работой печатного станка. Необходимо также немедленно ликвидировать все привилегии номенклатурных работников - не столько как средство решения наших экономических проблем, сколько как элементарное нравственное требование..."

В области национальной политики блок исходит из того, что "все народы СССР в равной мере оказались жертвами системы то-

тального разрушения личности, природы и культуры. Русский народ ... наравне с другими народами, ущемлен в своих национальных чувствах. Его оскорбляет отождествление с тоталитарным режимом, растворенность в национально безликих общесоюзных структурах..." Лишение русских собственной государственности затрудняет отношения с народами других республик. Поэтому демократический блок предлагает "провозгласить и законодательно определить суверенитет Российской Федерации. По новому Союзному договору, в ведении Союза могут находиться лишь те права, которые добровольно переданы ему республиками". Все Союзные законы должны ратифицироваться республиками, а в рамках Российской Федерации должен вестись интенсивный поиск различных форм автономии.

"Чтобы отвести опасности неконтролируемого развития событий и восстановления диктатуры в любом идеологическом оформлении, мы призываем кандидатов в депутаты и избирателей поддержать платформу избирательного блока Демократическая Россия".

Не трудно усмотреть, что платформа блока укладывается в рамки программных документов НТС, в частности, резолюции Совета НТС "Не перестраивать, а строить заново" ("Посев" № 4, 1989), хотя последние во многих отношениях (разделение властей, местное самоуправление, безусловная необходимость полнокровной конкуренции, крестьянской собственности) идет дальше. Интересно, что и НТС, и блок настаивают на том, что без материальной базы, созданной рыночным хозяйством, невозможно достичь успехов в области социальной политики. В плане идейного обоснования, платформа блока ссылается на "гуманистические идеи нашего великого современника Андрея Дмитриевича Сахарова", но в остальном составлена беспредпосылочно. Поэтому ее можно отнести к течению либерально-демократическому. Соответственно, документы, отражающие христианско-национальное мировоззрение, можно назвать национально-демократическими, а гуманистический социализм и анархизм – социалистическо-демократическими.

Другие либерально-демократические программы

Близка к "Демократической России" по всем основным пунктам программа Б. Н. Ельцина (см. "Советская Молодежь", 6 февраля 1990). Он выделяет важность строительства в России "самостоятельной республики с высокоэффективной экономикой", передачи земли в собственность крестьян с правом наследования, создания коммерческих банков и бирж, как и Российской академии наук, телевидения и радио. Отметим его предложение по военному вопросу: "Союзу ССР – профессиональные Вооруженные Силы, России – территориальные ополчения (срок службы – 10 месяцев, место службы – в республике, где был призван)". Интересно, что книга Ельцина "Против шерсти", вышедшая недавно на Западе, была встречена критикой довольно скептически, как лишенная конкретной политической программы.

Народные фронты (НФ) на территории РСФСР, которых на февраль 1990 насчитывалось более 100, представляют собой весьма разнородный конгломерат демократических сил. В Ленинградский НФ, например, любой может вступить путем самозаписи. Московский НФ выпустил свои "Программные положения" в марте 1989 года (см. "Новости Народного Фронта" № 3). Они тоже тесно перекликаются с плат-

формой блока "Демократическая Россия", что не удивительно, так как в работе над тем и другим участвовал С. Б. Станкевич, талантливый юрист. Из положений, которые не вошли в более поздний документ, можно выделить такие:

"Московский НФ способствует возрождению и развитию русского национального самосознания, культуры и исторических традиций русского народа, а также других народов, проживающих на территории Москвы ... развитию связей с русской диаспорой за рубежом... Перспективой советского военного строительства должна стать профессиональная наемная армия разумной численности при сохранении всеобщей воинской обязанности на случай непосредственной угрозы".

Более резко, чем позднейшая платформа блока, "положения" Московского НФ выступают "против попыток отмены социальных гарантий", таких, как "дешевый транспорт, бесплатная медицина и образование", не предлагая в то же время никаких источников их финансирования. Целый раздел "положений" посвящен демократическому контролю над состоянием окружающей среды посредством "закона об экологической гласности", проведения программ экономии энергии вместо увеличения ее производства, организации потребительских обществ.

"Тезисы программы Российского Народного Фронта" (В. А. Иванов, май 1989) в первом своем разделе посвящены мерам освобождения народа "от пропагандистского оболванивания"; среди них — "восстановление исторических названий городов, прекращение вмешательства государства в дела церкви, культ честности, порядочности, доброжелательности и добросовестности". Дальнейший раздел посвящен многопартийности и институтам правового государства, в том числе введению суда присяжных и независимых профсоюзов. Раздел, касающийся экономики, предлагает оставить в руках государства не более 30% средств производства, остальные передать групповым и частным владельцам; отменить пятилетние планы, закрыть в 1–2 года все отраслевые министерства, перейти в 6–8 лет на свободно конвертируемый рубль.

"Широкая публикация современных зарубежных экономических теорий. В отличие от политэкономии социализма все давно уже продумано и, главное, проверено практикой... Широкое обучение молодых или способных еще думать экономистов в центральных зарубежных экономических институтах".

В разделе "Социальная сфера" предлагается, среди прочего:

"Экономическая помощь слабоимущим не через бесплатные услуги и льготные цены, а через выделение денег из различных (в том числе госбюджетных) фондов помощи".

Здесь можно заметить, что с точки зрения народного хозяйства, менее накладно выдавать субсидии малоимущим лично, чем целым отраслям, за продукцию которых большинство могло бы платить рыночные цены. По национальной и внешней политике заслуживают внимания такие цитаты:

"Чем больше самостоятельности будет у республик, тем более они будут стремиться к объединению. В противном случае они будут стремиться к отделению". Именно из-за "мировой революции", агрессивной идеологии и наших бесконечных грязных арресий... нас так ненавидят и боятся во всем мире, и от этого в первую очередь страдает сам советский народ".

В интервью с А. Углановым ("Аргументы и факты", № 7, 1990) В. А. Иванов добавил, что "Насильственный большевистский переворот в октябре 1917 г. члены РНФ считают национальной трагедией, нарушивший естественный ход развития России", и что наиболее идейно близкими организациями к РНФ являются Демократический Союз (ДС), демфракция Московского Народного Фронта (МНФ), кадеты, Христианско-демократический союз, Народно-Трудовой Союз, социал-демократы.

Существует и Партия городских и сельских хозяев, исходящая "из факта, что только экономически независимый индивидум может быть свободным политическим субъектом". Она выступает "за плюрализм собственности, за плюрализм идеологий", за "право использования наемной рабочей силы". В партии "не обязательно непосредственное членство; основную поддержку партия ждет... во время предвыборных кампаний и выборов" (листовка ПГСХ, 10.10.1988).

Программа национально-демократического толка

Виктор Аксютин пишет в своем предвыборном обращении "Обновление России" ("Русская мысль", 2 февраля 1990):

"Пришло, наконец, время заговорить беспартийному большинству, выразить ему свою политическую платформу... Диктатура коммунистической идеологии и партии... является первопричиной всех бедствий нашей страны... КПСС может получить моральное право на участие в политической жизни только после всенародного покаяния... Во имя самосохранения обществу необходимо решительно отказаться от коммунистической идеологии и настроиться на восприятие тех вечных ценностей, которыми создается человечество, на которых основана тысячелетняя культура России... Мы обязаны бороться за скорейший массовый доступ к духовной русской культуре и отечественной богословской, философской, политической, экономической мысли... Нам следует обратиться не к лозунгам идеологов безумия и беспамятства, а к положительному опыту творцов русской христианской культуры".

Далее следует определение патриотизма из "Пути к будущей России" НТС и схема первоочередных государственно-правовых мер, аналогичная платформе демократического блока. Но Аксютин идет дальше, подразумеваемая переходный характер этой платформы.

"Целью законотворческой деятельности верховных советов всех республик должно быть создание условий для волеизъявления граждан о формах государственного устройства страны. Подготовка Учредительного Собрания для решения этих вопросов. Разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Независимое, гласное, непосредственное судопроизводство, обеспечивающее равенство сторон. Суд присяжных. Прямые всенародные выборы главы государства и глав союзных республик. Двухпалатные законодательные органы страны и республики: Палата Народных Представителей, выбираемая на основе прямого представительства, Палата Самоуправлений, составленная на основе ступенчатого представительства. Наиболее полно волеизъявление общества может осуществляться при гармоничном сочетании прямого представительства, ступенчатого представительства и всенародного голосования (референдума)... Полномочная центральная государственная власть подкрепляется полным местным и общественным самоуправлением".

В этих положениях четко слышен язык Программы НТС.

"Перестроечное пятилетие показало, что идеологическая система не способна на последовательные и плодотворные реформы. Как некогда в Смутное время земское движение спасло страну и народ, так и ныне независимая общественность способна

воссоздать собственные организации и возродить органичную государственность... На краю пропасти мы обязаны осознать, что все зависит от личной инициативы, ответственности каждого из нас и общих усилий. Не ждать от номенклатуры нашего раскрепощения, но явочным порядком утверждать принципы новой жизни: мы свободные граждане в свободном государстве и хозяева в собственной стране. Явочно проводить в жизнь принципы свободы совести, слова, союзов, собраний, демонстраций, забастовок и добиваться их законодательного закрепления".

Далее следуют положения о многоукладной экономике, государственном, общественном и частном секторе, аналогичные "Программе НТС", и выдвигается мысль, что избавиться от излишка денег в обращении надо продажей государственного имущества:

"равноправие видов собственности возможно только после преобразования большей части "государственной" собственности в коллективную и индивидуальную. Необходимо ввести в оборот часть основных фондов, продавая в коллективную и частную собственность средства производства, землю, жилье, строительные материалы, сырье - непосредственно и через акции. Стоимость основных фондов, вводимых в хозяйственный оборот, должна быть не меньше дефицита государственного бюджета страны. Только система интенсивной организации экономики, основанная на собственности, владении и принципах рыночного хозяйства, позволит преодолеть фатальный развал хозяйства, справиться с лавинно растущей инфляцией и дефицитом госбюджета..."

Уместно заметить, что в технике приватизации "основных фондов" следует продумать и другой путь: аннулирование денежных излишков крутой денежной реформой по примеру Германии 1948 года, с одновременной безвозмездной передачей всего жилищного фонда в собственность живущих в нем, а предприятий - в руки трудящихся на них. В таком варианте рынок, допустим, недвижимости заработает не выкупом у государства, а покупкой жильцами жилищ друг у друга, при более равных исходных позициях.

"Необходимо, - продолжает Аксютин, - создать государственную и независимую общественную программы поддержки малоимущих слоев населения... Создание христианских благотворительных организаций и учреждений; обителей и обществ сестер милосердия, богаделен, лечебных учреждений, домов-интернатов для инвалидов, общин для бывших наркоманов..."

Создание независимой общественной комиссии для составления списка экологически вредных объектов и зон. Принятие Верховным Советом России решения по выводам этой комиссии. Создание законодательства по опыту цивилизованных стран, регулирующего экологические проблемы..."

Полное и взаимовыгодное национальное самоопределение, переход к новому типу межнациональных отношений возможен только после преодоления монополии коммунистической партии на власть. Прежде чем размежеваться, надо объединиться. Совместное создание правового государства откроет возможность каждому из нас свободно выбрать свою судьбу. Ряд референдумов позволит пересмотреть административное деление РСФСР, ибо границы автономий сегодня столь же произвольны, как цены. Наши глобальные проблемы мы решим только всем миром".

Декларация Национально-Демократического общества "Свободная Россия" и другие документы общества (Петербург, 1989, 18 стр.) интересны прежде всего своим обоснованием необходимости национального возрождения: рост мирового единообразия, обусловленный технологическими факторами,

"таит угрозу гибели цивилизованного общества от энтропии из-за отсутствия достаточной дифференциации между культурами. Масштабное проявление этой судьбоносной для всего человечества борьбы между силами унификации и живого многообразия мы видим сегодня в СССР, где стремление к национальному возрождению народов стало реальным противовесом режиму... Особенность трагедии русского народа... в том, что, истощив свои силы в многолетнем противоборстве тоталитарному строю, он был превращен в инструмент интернациональной тоталитарной системы, которой предназначалось охватить собой весь мир. В интересах этой системы, с помощью беспощадного террора по отношению ко всему лучшему, честному, трудолюбивому, Россия была доведена до вопиющей духовной, культурной, хозяйственной, общественной безынтности... Тиски деспотизма могут обеспечить внешнее единство конгломерата наций и народностей, лишенных органического внутреннего единства. Но, чем больше политической свободы и идейной многозначности, тем большую роль играют силы органической интеграции на основе общности исторической памяти, религии, культурных традиций, предохраняющих общество от непонимания, вражды и распада. Социум, лишенный такого рода целостности, не может быть связан воедино силами одних правовых норм.

К сожалению, в нынешних российских условиях идея правовой демократии и идея национального возрождения оказываются не только мало связанными, но и резко противопоставляемыми, а общедемократические и национально-патриотические круги обнаруживают тенденции к конфронтации. Одним из шагов к соединению этих идей, к осознанию демократии как формы национального возрождения, а национального возрождения как цели демократического процесса является создание общества "Свободная Россия". Общество ставит перед собой задачу действенного сочетания либерально-демократических и национально-патриотических установок.

Для русского народа важнейшей задачей... является соединение национально-возрожденческого и демократического движений, разделяемых ныне, прежде всего, их собственными крайностями и извращениями (от национал-большевизма в первом до национального нигилизма во втором)".

В противоположность перечисленным выше группировкам, которые Россию видят лишь в пределах РСФСР, общество "Свободная Россия" оставляет открытым вопрос русскости или российскости. "Мы не предпрещаем вопросы о границах России, о роли собственно русского народа в жизни страны". Они должны быть решены согласием "всех этнических групп, связанных общностью исторической судьбы и — что необходимо ясно понять — общей виной соучастия в преступлениях эпохи... христианская идея соборности имеет для нас смысл и национально-духовного родства, и всемирно-человеческой солидарности".

Не менее интересно в материалах "Свободной России" и четкое разделение долгосрочных задач обновления России, и задач "переходного периода" — понятия, которое всегда присутствовало в политических документах НТС. Задачи такого рода надо рассматривать именно как задачи переходного периода, в котором "объективной необходимостью" является "временное сосуществование" советских форм организации общества "с нозыми, признанными восстановить нормальное и достойное развитие нашей страны".

Среди первоочередных переходных мероприятий "Свободная Россия" видит:

"... Реальное отделение Церкви от государственного аппарата и его контроля, выход церкви за пределы храма, неограниченное расширение деятельности церковных приходов на поприще религиозного просвещения и благотворительности.

- Развитие свободной церковной печати на равных правах со светской.
- Предоставление Церкви права преподавания всем желающим, в том числе детям и молодежи, основ вероучения...
- Организацию Российской Академии наук, Института Русского Народа, Центра изучения российской истории и культуры... Давно назревшей задачей является введение развернутого курса Российской истории во всех средних учебных заведениях страны.
- Восстановление национально-государственной символики России на уровне Российской Федерации.
- Возвращение исторических имен... городам и селам, подвергшимся переименованию в советский период".

Мероприятия в области государственно-правовой подобны платформе демократического блока; но ударение ставится на "эмансипации" собственно государственного начала от какой-либо идеологичности или партийности, в том числе и в форме "социалистической" фразеологии". "Свободная Россия" считает нереальным "немедленный" переход к "формам государственного и общественного бытия, которые характерны для Западной Европы и Северной Америки". Что касается перехода к рыночному хозяйству, более сильный акцент ставится на "безоговорочном праве частной собственности на землю с правом ее наследования", "праве найма работников", "использовании иностранных вложений и займов для приобретения и производства малой сельскохозяйственной техники", поощрении "организации крестьянских кооперативов по переработке сельскохозяйственной продукции" и "накоплении капитала в стране". Однако процесс нормализации экономики не должен "вести к механическому дублированию стандартов «общества потребления»". Предвидятся "сильные и независимые профсоюзы" и мероприятия по охране среды обитания, в частности, создание законодательных органов экологического надзора на центральном и местном уровне.

"Завершить переходный период... может созыв на многопартийной основе форума народных представителей, всенародного Земского Собора или Учредительного Собрания, который сформулирует принципы государственного устройства страны. Конкретная форма государственной власти (президентская республика, конституционная монархия и т. д.) должна получить окончательную санкцию путем всенародного референдума или плебисцита".

Мимоходом надо заметить, что хотя общество "Свободная Россия" стоит за "максимальное использование традиционной российской терминологии" и жалуется, что "русский язык превратился в мертворожденную новоречь денационализированной номенклатуры", документы самого общества пестрят выражениями "не предрекаем априори", "дисперсно расселенные национальности", "консенсус всех этнических групп", "стимулирование организации", "эффективный старт". То, что подобные слова вошли в обиход наших социологов, — не оправдание. Начинать надо с самих себя, и тут нам есть чему поучиться хотя бы у чехов, которые такого языкового смещения не допускают.

В разделе "Общественно-политические принципы деятельности" "Свободная Россия" пишет: "Либерализация режима, начавшаяся во второй половине 80-х годов, обнаруживает, что здравомыслие и патристические силы находятся не только вне системы власти, но и внутри...". В связи с этим среди выступлений "конструктивных сил в правящем слое" (термин, выдвинутый НТС в 1978 году) следует отметить слова А. С. Ципко, бывшего последние три года консултантом ЦК:

"Несомненно, что перестройка должна быть прежде всего возрождением России. Это важно для всех республик, всех народов СССР. Если центр страны будет здоров, если в Москве, Питере, Нижнем Новгороде, Твери люди будут жить как люди, руководствоваться здравым смыслом, а не демагогией своих областных руководителей... то появится надежда на сохранение нашего государства. Поэтому важно быстрее вернуться к тому, к чему еще можно вернуться, что осталось от старой России, вернуть исконные права православной церкви, возродить народные промыслы, ... свободного крестьянина, традиции, символы старой России..." ("Литературная газета", 17 января 1990).

Под шапкой "После коммунизма" газета "Нью-Йорк таймс" (1 апреля 1990) цитирует Ципко в том смысле, что снос коммунистической идеологии как руководящей силы в советской жизни начался:

"Горбачеву удалось создать новые структуры, параллельные старым, и стать на них одной ногой. Теперь ему предстоит перенести вес на эту ногу, а другой - отбросить старые".

Программы социал-демократического толка

Внутрипартийная борьба вокруг нового устава КПСС за так называемую Демократическую платформу, требующую, формально, лишь допущения внутрипартийных фракций, является по существу борьбой против "партии нового типа", за превращение ее в партию (партии) в традиционном смысле этого слова.

Как можно было ожидать, с углублением кризиса внутри КПСС вне ее возникли группировки, отстаивающие демократический социализм западноевропейского образца. Учредительный съезд социал-демократов состоялся в Таллинне в январе 1990 года, значительные группы к тому времени были в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Таллинне, Ташкенте, Перми, Челябинске, Владивостоке.

Перед нами "Альтернатива", орган Социал-Демократического Союза (СДС) № 1, Минск, сентябрь 1989: "На повестку дня встал вопрос о кризисе власти. Это дает полное основание считать нынешнюю ситуацию в стране как революционную... необходимо прямо назвать основную причину всех наших несчастий: нарушение объективных законов развития общества. Эти законы прежде всего предполагают наличие конкуренции во всех сферах человеческой деятельности: в политике, в экономике, в идеологии. Результатом такой конкуренции является наличие альтернативы, многовариантности развития общества... Право выбора конкретного пути в конечном счете остается за народом".

Исходя из этих сугубо немарксистских мыслей, "Материалы к программе СДС" отстаивают политические права и свободы по схеме, схожей с платформой "Демократическая Россия", полную свободу всех форм собственности, включая частную, и аналогичные социальные мероприятия. Единственные "социалистические" следы в материалах - сомнительный термин "планово-рыночный механизм" и "передача земли... в арендное пользование [!] трудящимся на основе деловой собственности". Традиционное для социал-демократов стремление к правовой защите рабочих выражено в требованиях: облегчения труда женщин (о них мало кто говорит в своих программах), месячного отпуска и 39-часовой рабочей недели для всех. Возражая против приоритетов белорусских националистов, "СДС выступает за возрождение нашей республики на принципах уважения и развития национальных культур, традиций и обычаев всех наций и народов, населяющих Белоруссию".

Несколько неожиданным было появление на современной политической арене Конференции анархо-синдикалистов (КАС, до недавнего времени Союз Независимых Социалистов). КАС имеет отделения в 14 городах (данные на осень 1989 года). Журнал "Набат" (№ 1, Харьков, сентябрь 1989) – под лозунгом "По-горбачевски "перестройка", а по-нашему Народная революция!" – старается оправдать переименование организации "восстановлением справедливости" по отношению к движению, подавленному большевиками в 20-х годах. Цитируется Бакунин: "Свобода без социализма – это привилегия и несправедливость, социализм без свободы – это рабство и скотство". В журналах КАС "Набат" и "Община" много внимания уделяется попытке обелить анархическое движение Махно. Забывается о том, что его партизаны решающим образом помогли победе большевиков на юге России в 1919 году, как и о том, что у анархистов была возможность не пропустить поезд Ленина из Петрограда в Москву в марте 1918 года. Но относительно программы на будущее справедливо указывается на

"губительность принципа централизма. Нельзя из единого центра планировать и регламентировать хозяйственную, политическую и общественную жизнь страны. Только ... автономия, независимость местных органов самоуправления от центра могут вывести нашу страну из состояния кризиса". "Мы не против многопартийности и не за нее, так как считаем, что это не панацея от всех бед. Ни многопартийная, ни, тем более, однопартийная система не в состоянии передать власть из рук касты профессиональных политиков и бюрократов в руки самого народа. Нам нужны беспартийные Советы..."

Умалчивая о том, что в результате этих соображений создана как-никак партия анархо-синдикалистов, говорится, что

"мы не утописты и признаем необходимость эволюции, переходных периодов. Поэтому на сегодняшний день мы боремся за передачу подлинной власти в центре и на местах Советам, восстановление советской власти в ее первоначальном значении, за конфедеративное устройство общества, за постепенную передачу средств производства в руки тех, кто на них работает, за широкое развитие внесоциалистических и внепартийных форм инициативы". "Анархизм – это федерализм, самоуправление, беспартийность, ... это путь неприятия борьбы за власть, это нравственный выбор... дай нам Бог выполнить взятые на себя обязательства".

Прочитав эти слова, вспоминаешь, что НТС – российские солидаристы, в 1930-40-е годы тоже увлекались идеалом беспартийного народовластия, но затем под влиянием действительности признали необходимость существования партий, отстаивая при этом важность "внегосударственных и внепартийных форм инициативы". Но это не снимает вопроса о том, что непрерывно растущая государственная, притом многоступенчатая (в США местная, штатная, федеральная, в ФРГ местная, земельная, федеральная, общеевропейская) бюрократия, необходимая при современной технике, ложится тяжелым грузом на общество и в свободных странах, и что вопрос прямого народовластия, поднимаемый нашими анархистами или "зелеными" на Западе, – далеко не тривиален. Отрешимся от конфликтов эпохи Гражданской войны: здесь есть серьезная тема для совместных размышлений о будущем. Государственникам есть чему поучиться у анархистов, а анархистам – у государственников, если те и другие любят Россию и те верховные ценности, которые создали ее.

Рождение свободных профсоюзов в СССР

Роман РЕДЛИХ

Солидаристическая мысль с самого начала была озабочена проблемой труда и преодоления отчуждения. И российский политический союз солидаристов не случайно называется Народно-Трудовым. В главе 6 "Программы НТС" сказано:

"Труд есть жизненная необходимость для человека; он удовлетворяет материальные и духовные потребности личности и лежит в основе тех благ, без созидания которых невозможна жизнь общества.

Всякий полезный труд ценен для общества: физический или умственный, труд исполнителя или организатора, труд матери и домохозяйки...

Только труд, основанный на свободной воле и призвании, высоко производителен и приносит трудящемуся нравственное удовлетворение. Поэтому свобода и осмысленность труда являются не только залогом его производительности, но и необходимыми предпосылками для построения нового общественного строя.

Наемный труд, справедливо вознаграждаемый и правильно, согласно законам, организованный, свободен от эксплуатации..."

Все это, конечно, так, но декларировать все это могут не только солидаристы. Выражать добрые пожелания легко, осуществлять их — труднее. Да и прежде чем осуществлять, надо оценить меру их осуществимости, найти возможности и пути их воплощения в жизнь, разобраться в вопросе. Ну что ж, попробуем.

Профсоюзы при капитализме

Защиту интересов трудящихся в современном капиталистическом обществе берут на себя профессиональные союзы и социалистические партии.

Эти последние, однако, уже в начале нашего века распались на социал-демократические и коммунистические. Социал-демократы (которых коммунисты стали именовать "социал-предателями") во второй половине нашего века стали общепартийными левыми партиями; коммунистические, где смогли, стали строить социализм.

Последствия для рабочего класса неутешительны, о чем читатель, впрочем, и без нас знает.

Профсоюзы же из первоначально небольших и незначительных ассоциаций, объединявших рабочих определенных предприятий в так или иначе ограниченных регионах, переросли в сложные и разветвленные организации с могущественным централизованным аппаратом, охватывающим целые государства и целые отрасли производства.

Современные профсоюзы в индустриализованных странах располагают немалыми средствами и способны выдерживать любое давление

со стороны любого капиталистического концерна. По словам главы американского союза текстильщиков Дубинского, они, профсоюзы, "нуждаются в капитализме, как рыбы в воде". Ведь в конечном счете современные капиталистические профсоюзы — это мощные фирмы, торгующие различными видами наемного труда. Они заботятся и об улучшении условий труда своих членов, но повышение заработной платы (из которой им платят членские взносы) было и остается их важнейшей задачей.

Разумеется, это произошло не сразу, и профсоюзное движение до сих пор несет на себе груз своего революционного происхождения. Большинство профессиональных союзов и до сих пор ориентируется на левые партии, и многие профсоюзные деятели и до сих пор с возмущением отвергают даже самую мысль о том, что, в сущности, они такие же "менеджеры", такие же деловые люди, как и руководители капиталистических предприятий. Руководители христианских профсоюзов охотно говорят о социальной справедливости и любви к трудовому народу. Социалисты и коммунисты во главе профсоюзов по-прежнему бичуют капитализм, толкуют о преимуществах социалистического хозяйства и требуют национализации предприятий.

Дело от этого не меняется, и разговоры о миссии профсоюзов во многом напоминают разговоры о миссии свободного предпринимательства в эпоху зарождения капитализма, особенно в колониальных странах. Отметим мимоходом, что, например, во Франции требования улучшить положение трудящихся труднее всего, оказывается, провести как раз на государственных предприятиях. И забастовки в общественном и государственном секторах народного хозяйства случаются чаще, чем в частнокапиталистическом секторе.

В условиях свободного предпринимательства на долю профсоюзов выпадает тем не менее весьма важная функция. По словам английской исследовательницы Джоан Робинсон:

"профессиональные организации вовсе не чужеродное тело в экономике индустриального общества. Напротив, они — важнейшее звено в ее механизме. Давление профсоюзов, противодействующее монополистическим тенденциям крупной промышленности и снимающее часть прибыли в пользу своих членов, необходимо в интересах внутреннего рынка. Оно становится одним из непереносимых условий возможности прибыли. Сильное и организованное рабочее движение снимает одно из самых опасных внутренних противоречий капитализма".

В мире, в котором физическая работа все больше перекладывается на плечи механических устройств, а квалифицированный труд становится все более ценным элементом хозяйствования, отношения между капиталом и трудом не сравнимы с теми, которые имели место во времена Маркса и Энгельса, в эпоху, когда профессиональное рабочее движение только зарождалось.

Не все, но все же многие лидеры профсоюзов тем не менее и сейчас еще придерживаются теории классовой борьбы, противодействуя введению начала солидарности в современное предприятие. Позиция их в этом отношении вполне подобна позиции капиталистов старого стиля. Противостояние труд-капитал кажется им необходимым условием их деятельности.

Солидаристы думают, что эти профсоюзники ошибаются. Трудящиеся, разумеется, нуждаются в профессиональных организациях, представляющих и защищающих их интересы. Но интересы эти должны быть правильно поняты. Время, когда, по словам Коммунистического

манифеста, пролетариату было нечего терять, кроме своих цепей, давно прошло, и современному члену профсоюза в развитой капиталистической стране очень даже есть что терять. Современный квалифицированный рабочий – ценный специалист, продающий не свою физическую силу, а свое умение и трудовые навыки. Он понимает, что и как нужно делать, и вполне способен оценить целесообразности процесса хозяйствования в его целом. Он созрел, чтобы включиться в этот процесс не только в качестве бесправного исполнителя. Он нуждается не только в достойной оплате труда. Он может и должен стать полноправным соучастником и сохозяином того дела, в которое он вкладывает свою энергию. В этом, а не в прибавочной стоимости – проблема нашего века.

Профсоюзы при социализме

В период расцвета социалистического строительства на вопрос, чем отличаются советские профсоюзы от западных, полагалось отвечать, что им не нужно отстаивать свои права и интересы перед частными владельцами и предпринимателями, которых у нас нет, что они действовали сначала в условиях диктатуры пролетариата, при которой им досталась почетная роль приводного ремня от партии к массам, а затем в условиях общенародного социалистического государства, лишённого классовых противоречий и озабоченного в первую очередь благосостоянием трудящихся масс, в силу чего интересы этих масс – а следовательно и профсоюзов – с интересами государства полностью совпадают.

В период наступившего сейчас окончательного загнивания социализма разоблачать эти фикции больше нет надобности. Зарождающиеся в последние годы объединения трудящихся по найму, как, например, польская "Солидарность" или стачечные комитеты в нашей стране, ведут свою деятельность в обстановке, принципиально отличной от плюралистической демократии современного капитализма. Они с первого шага становятся перед необходимостью тягаться не с конкурирующими между собой самостоятельными предприятиями, а с монопольным властителем всей экономической жизни, социалистическим государством. Принципиально другая задача требует и принципиально другого подхода. Защищать теперь нужно не интересы какой-либо отдельной группы трудящихся, а всего трудового населения.

И совершенно логично, что любой трудовой конфликт, любая забастовка, выходящая за узко местные рамки, неизбежно приобретает политический характер и защищает интересы не только самих бастующих, но и трудового народа в целом, ставя требования не к дирекции того или иного предприятия, но к государственной власти, с которой и ведутся переговоры и заключаются соглашения.

Опыт "Солидарности" в Польше

Так протокол соглашения, заключенного в Польше между правительственной комиссией и Межзаводским стачечным комитетом Судостроительного завода им. Ленина в Гданьске 31 августа 1980 г. содержит следующие политические требования:

1) "Признание свободных, независимых от партии и от работодателей профсоюзов, согласно ратифицированной Польшей Конвенции № 87 Международной организации труда относительно свободы ассоциаций".

3) "Соблюдение свободы слова и печати, гарантированных Конституцией ПНР; недопущение репрессий по отношению к независимым печатным изданиям; обеспечение представителям всех вероисповеданий доступа к средствам массовой информации".

6) "Принятие действенных мер, чтобы вывести страну из кризисной ситуации, для чего нужно: а) опубликовать без утаек полную информацию о социально-экономическом положении страны; б) предоставить возможность всем слоям населения участвовать в обсуждении программы реформ".

12) "Введение принципа подбора руководящих кадров не по партийной принадлежности, а на основе их квалификации. Ликвидация всех привилегий для милиции, госбезопасности и партаппарата посредством уравнивания семейных пособий и прекращения продажи товаров через закрытые распределители".

Политическая нагрузка имеется, конечно, и в некоторых других пунктах, из 21, вписанного в Соглашение. Но приведенные здесь четыре уже достаточно показательны. Со стороны Межзаводского стачечного комитета соглашение подписал Лех Валенса, а со стороны правительственной комиссии – заместитель председателя Совета министров ПНР Мечислав Ягельский, – правда, без намерения выполнить подписанные им обязательства.

Возникновение "Солидарности" и подписание соглашения с нею было бы невозможно без помощи со стороны возникшего еще до нее неформального "Комитета общественной самозащиты" (КОС) и других организаций польского политического подполья. В изданной в то время "Посевом" брошюре "Солидарность" поляк Анджей Поморский писал:

"КОС (КОР), редакция "Работника" и другие оппозиционные круги заслужили благодарность не только от общественности, но и от партии за то, что парткомы не горели, а заседавшие в них «слуги народа» не дрожали от страха перед гневом пролетариата... «Они научили нас, как бороться за наши права», – сказала о своих советниках из КОСа член стачечного комитета Анна Валентинович" (та самая, из-за увольнения которой началась забастовка на верфи им. Ленина).

Общенародный характер польской "Солидарности" однозначен и ясен был с самого начала. Здесь нет надобности излагать ее историю. Предпринятая 13 декабря 1981 г. генералом Ярузельским попытка уничтожить ее вооруженным вмешательством оказалась безуспешной, и "Солидарность" в настоящее время – решающая политическая сила в Польше. Подписанный еще до этого Исполнительным Бюро Совета НТС документ "Об организации рабочего движения" (см. "Посев" № 1, 1981 г. или брошюру "Солидарность", с. 247) начинается со слов:

"Создание в Польше свободного профсоюза «Солидарность» – историческая победа польского народа. Польские рабочие доказали, что организованной волей можно добиться реальных успехов даже в условиях тоталитарной диктатуры. Что бы ни произошло в дальнейшем, польские события 1980 года открыли новую страницу в истории борьбы народов коммунистических стран за свободу. Это обязывает нас сделать выводы из польского опыта, опыта организации рабочего движения".

Приведем здесь еще заключительный пятый пункт того же документа Исполнительного бюро НТС, поскольку, на наш взгляд, он содержит основное направление пути к освобождению труда в нашей стране.

"5. Основа успешных действий рабочего движения - его организованность. Основной метод борьбы, выработанный испокон веков, - забастовка. Необходимое условие для расширения движения и согласованности действий - информация.

Путь к созданию организованного рабочего движения через закрытую низовую работу, через создание на важнейших предприятиях страны подпольных комитетов рабочей солидарности. Это - кропотливый, требующий терпения повседневный труд... Этого не достичь открытыми декларациями и обращениями к советскому правительству. Этого не достичь апелляциями к Западу, от которого помощи все равно не будет. Руководители рабочего движения должны выступать открыто лишь тогда, когда у них есть уверенность, что их выступление будет поддержано забастовкой.

Забастовка - независимо от умеренности выдвигаемых требований - всегда дает ценный опыт, учит работе с людьми, укрепляет веру в свои силы. Любая, даже самая незначительная забастовка вызывает у партийных властей растерянность и страх. Чем больше забастовок, чем большее число рабочих в них участвует, тем неувереннее и уступчивее будет власть, однако существенных результатов можно добиться, если забастовки будут сливаться в непрерывный процесс по всей стране, а это зависит от степени организованности рабочего движения, от эффективности связи между бастующими и от масштабов распространения информации.

Поэтому одна из основных задач рабочих комитетов - изготовление и распространение рабочих листовок и газет, которые информировали бы трудящихся данного завода или района о фактах бесхозяйственности, о нарушениях охраны труда, о положении с жильем и снабжением, о состоянии общежитий, о манипуляциях с нормами, о положении в ПТУ, о конкретных ущемлениях интересов рабочих, о фактах произвола на тех или иных предприятиях, о преследованиях за критику партийного начальства и т. п., особенно важна информация о фактах борьбы рабочих в разных местах страны, подробности о целях и результатах происходящих забастовок - информация об этом должна распространяться как можно быстрее и шире.

Важную роль в распространении такой информации, а также в осмыслении различных юридических, организационных, тактических и политических проблем рабочего движения может и должна играть интеллигенция. Эти материалы должны выйти на страницы общероссийского самиздата.

Конечная цель рабочего движения - создание независимого профсоюза. Профсоюз создается не актом его провозглашения. Он вырастает из конкретной деятельности рабочего движения, из единства усилий рабочих комитетов и групп, из рабочей солидарности.

Исполнительное Бюро Совета
Народно-Трудового Союза российских солидаристов".

Рабочее движение в СССР до лета 1989 года

Не углубляясь в историю борьбы народа с советской властью, хочется отметить, что борьба за свободу труда как в сельском хозяйстве, так и на фабриках и заводах, никогда не прекращалась. При Сталине тоже доходило до бунтов; мы только не знаем о них, и думаем, будто их не было. Чем жестче была диктатура, тем беспощадней была расправа над участниками и тем меньше оставалось от нее следов.

Даже об имевших место уже в послесталинское время забастовках, бунтах и восстаниях до сих пор приходится судить лишь по отрывочным и нередко искаженным сведениям. Примером может служить восстание 1-3 июня 1962 года в Новочеркасске, о котором в советской печати заговорили только через 27 лет, поместив в "Комсомольской правде" статью "Новочеркасск 1962". Об одновременных с этим восстанием забастовке и митингах в Иванове, однако, молчат до сих пор. И только когда вместе с социализмом рушится и передовое учение о руководящей роли авангарда рабочего класса и вышли из обращения фикции о трудовом энтузиазме советского народа, а заодно и об отдельных "нетипичных для нашего строя" лодырях, летунах, прогульщиках, бракоделах, вредителях, саботажниках и прочих врагах народа, кончилась эпоха активной несвободы и началось возрождение гражданского общества. Объявленная Горбачевым гласность послужила тут мощным катализатором. Но движение началось много раньше.

В цитированной уже нами брошюре "Солидарность", в главе "Стихийные выступления рабочих в СССР" перечислено 25 забастовок, названных в журнале "Посев" за 1979-82 гг. В самиздатской "Хронике текущих событий", а затем - уже в условиях перестройки, - в "Экспресс-хронике" А. Подрабиника сообщений о забастовках можно найти еще гораздо больше. Все они, однако, носили ограниченный по месту и требованиям характер и не были связаны между собой. Тем не менее, едва ли не большинство их достигало успеха, пусть зачастую неполного и неустойчивого. За последнее десятилетие, можно смело сказать, значение стачки как орудия борьбы за требования рабочих было широко осознано, а вопрос о создании свободных профсоюзов встал на повестку дня.

"Свободный профсоюз трудящихся" и СМОТ

Первая попытка создания свободного профсоюза трудящихся в СССР была предпринята шахтером из Донбасса, сменным мастером В. А. Клебановым зимой 1977-78 года (устав был принят 1 февраля 1978). Эта попытка была довольно типичным проявлением распространившегося тогда по стране правозащитного движения, и не случайно она возникла в среде так называемых "жалобщиков", ходоков, приезжавших в Москву "за правдой". При Брежневе такие "ходоки" стали буквально осаждать высшие партийно-государственные инстанции - ЦК КПСС, Совет министров, президиум Верховного совета, прокуратуру СССР, Верховный суд, редакции центральных газет.

В "Вольном слове" № 30 (приложение к журналу "Посев") опубликован устав и 10 различных документов "Свободного профсоюза трудящихся". В этих документах фигурируют 200 трудящихся из 156 населенных пунктов страны. Организация работала под правозащитным лозунгом "Соблюдайте собственную конституцию". Члены и кандидаты Союза трудящихся подписывали документы и действовали совершенно открыто, и не прошло и года, как большинство активных членов Свободного профсоюза было арестовано. Судьба многих из них неизвестна и до сих пор. После этих арестов Союз трудящихся прекратил свою деятельность.

После разгрома клебановского "Свободного профсоюза трудящихся" было предпринято еще несколько попыток организации неза-

висимого профсоюза правозащитного типа, которые к концу октября 1978 г. привели к созданию "Свободного межпрофессионального объединения трудящихся" (СМОТ).

Учтя, что предыдущая свободная профсоюзная организация была разгромлена из-за полной открытости, СМОТ принял решение работать по полузакрытой системе. На пресс-конференции по случаю создания объединения 28 октября 1978 г. были сообщены лишь фамилии членов Совета представителей СМОТ, списки же его членов не сообщались. Таким образом, в случае ареста одного из членов Совета на его место мог включиться другой член объединения, остававшийся до того времени анонимным.

СМОТ смог распространить ряд протестов, писать письма и заявления в официальные органы. Характерно для его работы выпущенное в 1979 году и подписанное 419 сочувствующими "Заявление СМОТ", в котором между прочим сказано:

"Все граждане, а не только избранные, имеют право на достойную оплату своего труда. Все граждане, а не только элита, имеют право на квалифицированную и гуманную медицинскую помощь. Все граждане, а не только дети правящей касты, имеют равное право при поступлении в высшие учебные заведения... Трудящиеся страны при столкновении на производстве с фальшью, демагогией и несправедливостью администрации, должны иметь право на критику и протест вплоть до забастовок".

Как и клебановский "Свободный профсоюз", СМОТ - детище своего времени. Он укладывается в правозащитное движение, значение которого для горбачевской гласности и горбачевской попытки перестроиться "в рамках социализма" (а значит, по-существу, ничего не меняя) еще ждет достойной оценки.

И до гласности, и в ходе гласности делались и другие попытки создания свободных профсоюзных объединений, которые тоже нужно рассматривать как выражение стремления оппозиционной интеллигенции найти опору в трудящихся массах. Но также и стремления, по меньшей мере отдельных трудящихся, воспользоваться помощью интеллигенции.

Сдвиги и перспективы

В докладе министра внутренних дел В. Бакатина II съезду народных депутатов СССР (см. "Известия", 27 декабря 1989) указано, что "в прошлом (1988) году проходило 194 митинга. В текущем (1989) - уже 400. Только в период с февраля по ноябрь прошли забастовки на 1500 предприятиях с участием 1,4 миллиона человек". Не будем спрашивать, откуда взялись эти цифры, какое именно поведение работающих по найму квалифицируется как забастовка и какой именно вид собрания считается митингом. Завышены или занижены представленные министром цифры, в конечном счете второстепенно. Важно, что забастовки в 1989 году имели место не на нескольких десятках предприятий, как можно было бы подумать, суммируя сообщения "Экспресс-хроники" и других самостоятельных изданий, а по меньшей мере на многих сотнях предприятий, в среднем по тысяче рабочих каждое.

Доклад Бакатина Съезду народных депутатов о числе митингов и забастовок - дело до сих пор небывалое. Представленные в нем

данные недостаточны, но сам факт их опубликования свидетельствует о том, что мощная волна забастовок горняков Кузбасса, Донбасса и Воркуты в корне изменила политическое положение рабочего класса. Сейчас уже никто не заявит, что забастовки в СССР "лишены смысла", а интересы рабочего класса и государства "совпадают". Не лишены и не совпадают. И во весь рост стоит вопрос о создании свободных профсоюзов трудящихся, способных быть не приводными ремнями от партии к массам, а отстаивать интересы рабочего класса от его самозванного авангарда.

Больше того, как я уже писал в "Посеве" № 10, 1989:

"Немногом больше месяца после окончания июльской забастовки на 3-й конференции вырванного из стачечных комитетов Союза рабочих Кузбасса, 5-6 сентября в Кемерово был принят Устав, согласно которому «Союз рабочих Кузбасса - общественно-политическая организация, цель которой - добиваться истинного народовластия путем передачи всей власти народу, реализующему ее через Советы народных депутатов, способствовать созданию правового государства, навсегда исключаящего диктатуру как отдельной личности, так и какой-либо организации». Цель поставлена совершенно ясно, и сделать ее фиктивной сегодняшней власти не под силу. Время фикций прошло. А попытку явившихся на обсуждение секретаря обкома Мельникова, председателя облисполкома Лютенко и прокурора области Селезнева отложить принятие Устава конференция отвергла. Устав был принят. Союз рабочих Кузбасса самооформился".

Политическая направленность ассоциации с таким уставом выражена совершенно недвусмысленно, и, составляя его, авторы, конечно, понимали, что борьба за рабочее дело в социалистическом государстве есть борьба политическая.

Соответственно этому то же собрание помимо Устава приняло еще и резолюцию "О полной передаче государственной власти в центре и на местах Советам народных депутатов" с требованиями:

1. Рассматривать статью 6-ю Конституции СССР как отвергающую статью 2-ю той же Конституции и лишающую действительной власти Советы народных депутатов.

2. Созвать 2-й Съезд народных депутатов в октябре 1989 г.

3. Призвать Съезд народных депутатов СССР внести изменения в Конституцию СССР, исключив из нее статью 6-ю".

Со сходными политическими требованиями выступили стачечные комитеты Воркуты и Донбасса. До выполнения их, однако, еще далеко. Митинги, забастовки, создание стачечных комитетов, перерастающих в самостоятельные профсоюзы - еще только начало борьбы. Разумеется, власть будет стараться овладеть деятельностью зарождающихся союзов, будет стараться ввести в них своих людей, будет создавать свои конкурирующие организации, будет пытаться оживить работу казенных профсоюзов. Все это уже делается. Но все это не снимает совершенно ясного значения союзов трудящихся как делателей общенародного дела. Вот четыре высказывания:

Б. Ельцин (на собрании межрегиональной группы народных депутатов 9-30 июля): "Стачечные комитеты оказались зародышами реальной власти народа. Во многих местах, где проводились забастовки, сложилось двоевластие, когда советские, партийные и профсоюзные органы лишь номинально оставались источниками власти. Фактически регионами управляли стачечные комитеты".

Г. Попов (там же): "Массовые выступления рабочих при участии и под руководством народных депутатов (Попов имеет здесь очевидно в виду, что председателем регионального рабочего комитета Кузбасса стал депутат ВС СССР Т. Авалиани - Р. Р.) показали, что в народе есть силы, которые могут стать базой революционно-правового варианта".

В. Селюнин (в интервью радиостанции "Свобода" после посещения Союза трудящихся Кузбасса): "создается какая-то организация, которая может стать такой альтернативной силой, альтернативной структурой, и если мы такую структуру получим где-то к весне-лету, то она могла бы, может быть, взять в свои руки руководство страной. Не представляю, чтобы теперешняя партийная структура владела положением в стране долго. Тогда понадобится такая структура, которой народ может верить".

С. Григорьянц (в интервью "Посеву" № 1, 1990): "А в 1989 году уже появилось как мощная сила рабочее движение, забастовочные комитеты, которые по сути дела управляют и Новокузнецком, и Воркутой. Это сила - которая просто способна поставить ее, власть, в такое положение, когда режим в стране может существенно измениться".

Ложка дегтя

Верно. Свободные союзы трудящихся при известных условиях могли бы стать альтернативой к теперешней партийной структуре. В них есть и необходимый для этого авторитет своего рода второй народной власти, и стремление к дисциплинированному "революционно-правовому варианту", и к "существенному изменению существующего положения".

Путь к нему, однако, не легок, ибо главная трудность на нем - отсутствие в новых рабочих союзах классово-ограниченных интересов, определяющих задачи профсоюзов в современном капиталистическом обществе. Профсоюзы такого типа вероятно появятся и в России, но только после того, как "режим в стране существенно изменится", то есть после слома политической и экономической монополии КПСС. До этого слома и установления политических и экономических свобод союзы трудящихся, в своем качестве альтернативной силы, вынуждены бороться прежде всего за отстройку новой российской государственности.

С одной стороны, в них заложены элементы трудовых союзов, примерно, как они задуманы в Программе НТС (глава 9). С другой - как мы уже видели, - эти союзы - зачаток противостоящей КПСС оппозиционной политической силы, призванной мыслить и действовать в категориях национальной государственности.

И тут открывается поле соперничества разнообразнейших устремлений, оценок и взглядов, а в отстаивании их вливается черный деготь лицемерия, интриг, провокаций, необоснованных обвинений, недобросовестных передержек, а то и прямой фальсификации и лжи.

Создать стачечный комитет и организовать забастовку, обеспечив при этом элементарную дисциплину, - не самая трудная задача постоянно действующего профсоюза. Регулярные отношения, постоянное взаимодействие не только с администрацией государственного, а значит, заведомо несамостоятельного предприятия, но и неизбежная доля зависимости от местной партийной и советской власти, гораздо сложнее и требуют тактической гибкости и умения найти и осуществить компромисс везде, где это возможно и целесообразно.

Забастовка — очень эффективное оружие, но забастовка — это и всегда крайняя мера, это событие, вокруг которого разгораются страсти, разворачивается политическая игра, а в конечном счете тоже начинаются поиски компромиссных решений, особенно если дело идет о поддержке других бастующих, о забастовке солидарности.

Полноценный компромисс предполагает принципиальную порядочность входящих в него сторон, элементарное доверие друг к другу и, главное, готовность исполнить взятые на себя обязательства. К сожалению, коммунисты — плохие партнеры для компромиссов. На уступки они идут только вынужденно и нередко стараются потом уклониться от исполнения принятых обязательств. Так, польская "Солидарность" шестнадцать месяцев безрезультатно добивалась исполнения подписанного в Гданьске соглашения, после чего, ставший между тем генеральным секретарем ПОРП, генерал Ярузельский в ночь на 13 декабря просто переставил всех активистов "Солидарности". И тем дело и кончилось бы, не начнись всеобщая перестройка как последний этап загнивания социализма.

Так и у нас: государство вовсе не спешит с исполнением обещаний, данных Советом министров СССР в постановлении № 608 горнякам, участникам летней волны забастовок. Между тем сроки исполнения обещаний зафиксированы в постановлении № 608, и шахтеры Печерского угольного бассейна с полным основанием возобновили в октябре 1989 г. прерванную было забастовку. Возобновили — и остались в одиночестве. А на вопрос "почему не бастует Кузбасс?" ответил в интервью газете "Смена" № 49, 1989 председатель регионального комитета союза трудящихся Кузбасса, уже упомянутый нами выше депутат ВС СССР Т. Авалиани.

Интервью выдержано целиком в духе ВЦПС. Читателю объясняется, что класс-гегемон, несмотря ни на что, поддерживает свой авангард и лидера перестройки Горбачева. В нем Авалиани утверждает, будто "в частности, сибиряки в июле искренне возмущались, что донецкие шахтеры тоже начали бастовать. С жиру, мол, бесятся!", будто "и я, и мои товарищи к забастовке на Воркуте относимся негативно", да еще и заверил при этом, что "Кузбасс молчит, потому что понимает, что сразу решить все невозможно".

Вполне возможно, что бравший интервью корреспондент "Смены" А. Кусургашев, владея методом социалистического реализма, написал не то, или не совсем то, что ему говорил Авалиани, а то, что он должен был сказать. В советской печати такое бывает и теперь. Но, что соглашаясь на интервью, как и не раз до того, Авалиани искал компромисса с властью, очень похоже на правду.

Во время летней забастовки Авалиани, насколько нам известно, держал себя достойно, и его недаром избрали председателем Комитета. Да и на 3-й конференции Союза рабочих Кузбасса он не поддержал первого секретаря обкома Мельникова, старавшегося заблокировать принятие устава Союза.

Но обстановка меняется. Допускаю, что Авалиани вынужден несколько изменить свои взгляды в поиске компромисса с хозяевами. Не спорю, что там, где интересы и цели расходятся, а сосуществование и взаимодействие неизбежны, приходится прибегать к компромиссам. Но, идя на компромисс, нужно ясно видеть предел возможных уступок и соотношение собственных целей и целей партнера. Так что, даже если Авалиани и не говорил этих слов, то должен был,

давая интервью, понимать, кто и как им воспользуется, и не забывать, что эксплуататоры в нашей стране искусны в коварстве.

Разумеется, постановление № 608 Совета министров СССР министры дали не по своей охоте. Оно было выбито неожиданной для них июльской забастовкой. Вот что говорят о нем в феврале горняки Донбасса (по материалам "Ежедневной гласности"):

- Расскажите о цели вашего приезда в Москву.

И. Крылов: - После серии шахтерских забастовок в середине прошлого года была избрана независимая шахтерская комиссия в количестве восьми человек, которой поручено добиваться выполнения всех пунктов Постановления № 608 Совета министров СССР. Полномочные представители шахтеров с 12 сентября прошлого года постоянно находятся в Москве. В это время был создан стачечный комитет в ЦК профсоюза угольной промышленности (власти после недолгого периода полной растерянности решили перехватить инициативу). Именно профсоюз угольщиков обеспечивает нам контакты с правительством и места в гостинице.

- Чего вы успели добиться за прошедшие месяцы?

С. Савюк: - Практически ничего. Я считаю, что постановление № 608 в принципе невыполнимо. Требования по улучшению социально-бытовых требований шахтеров и их семей невозможно выполнить без осуществления кардинальных преобразований политических структур страны. В частности необходимо отменить статью 6-ю Конституции СССР, признать незаконным совмещение постов генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Верховного Совета, ввести многопартийную систему государственного устройства.

У нас была беседа с председателем Совета министров Н. Рыжковым - она состоялась в один из первых дней нашего пребывания в Москве. Рыжков обещал решить наши проблемы практически в одночасье. Однако прошло много месяцев, а воз и ныне там. Накануне январского пленума около шестидесяти шахтеров беседовали почти три часа с М. Горбачевым. В ответ на прямые вопросы генеральный секретарь долго говорил на общие темы или, ссылаясь на свою некомпетентность, отсылал в Совет министров. Впечатление от беседы - удручающее".

Тактика коммунистических хозяев применительно к еще не окрепшему у нас свободному рабочему движению по сути дела проста. Власти хотели бы оседлать это движение, заставить его считаться с казенными профсоюзами негласно управлять им, а по меньшей мере разрушить связывающую его рабочую солидарность, внести разноречия и раскол и тем для себя обезвредить.

К тому же, - чего нельзя переоценить, - не свободные комитеты трудящихся, а ВЦСПС покрывает своей сетью все предприятия страны, располагает многомиллионными средствами и крепко держит людей больничными доплатами, санаториями, домами отдыха, распределением всякого рода дефицита. Ему есть чем отблагодарить человека, оказавшего ему услугу.

Нам пишут из Воркуты:

"В. Б. Уткин (представитель шахты «Центральная») один из самых опасных соглашателей, так как остальная публика в основном недалекая, пустая внутри; он же, наоборот, не глуп, умеет аргументировать, подкупает своим простым видом и ведением разговора. Очень опасен он той позицией, которую предлагает. Так было, к примеру, с предложением провести двухчасовую забастовку, которое исходило именно от него. Вроде бы возмущается наглым попранием заключенного в июле соглашения, вроде бы и за возобновление забастовки ратует. Но двухчасовую, чтобы выпустить пар с отчаявшихся на улучшение жизни своей шахтеров. То есть

возмущение и недовольство, которое ежедневно накапливалось в душе у простого шахтера, должно было, по его замыслу, не взорваться в огромном порыве, а хлопнуть бумажным треском конфетти, небольшой хлопушки..."

Подводить итоги достигнутому российским рабочим движением, пожалуй, еще рано, но с шахты Воргашорской на Воркуте уже пишут:

"Небольшой анализ прошедшего забастовочного вихря можно дать в виде плюсов и минусов, то есть достигнутые и недостигнутые цели.

/+/- Самый большой плюс - социально-политическое раскрепощение огромной серой массы рабочих. Масса стала думать и действовать, а главное, четко понимать, что мы живем по-свински благодаря существующему строю. Это - самый ценный капитал. Наверное уже ничем не остановить начавшееся брожение в большей части «броуновское», но из которого уже выделяется сознательная сила активных рабочих.

/+/- Созданы определенные рабочие организационные структуры, пусть примитивные, слабые, глупые, но в противовес официальной власти, во всяком случае, вопреки ей. Этот процесс имеет свое движение к прогрессу: создаются на базе стачкомов союзы трудящихся, рабочие организации и т. д. и т. п. Это хорошо, это результат активности. Люди стали понимать, что спасение утопающих - дело рук самих утопающих. И создают, по образу и подобию своему, в соответствии с желаниями, организационные структуры.

/+/- Имеется определенный положительный результат от прошедших забастовок, вырван ряд важных и не незначительных льгот. Шахтер теперь понял, что на власть можно и нужно давить, и вследствие этого осознал более четко и определенно, что он как рабочий может постоять за себя.

/+/- Существующая власть напугана и довольно сильно; а кое-где и дала трещину (то есть заменены во время забастовок наиболее одиозные фигуры аппарата). Это даёт возможность на послабления с их стороны, хотя и таит в себе массу опасностей.

Теперь минусы, хотя это тоже плюс, просто нереализованный неудавшийся максимум.

/-/- Как стало отчетливо ясно, забастовку поднять было легко (главное, чтобы не тряслись у самого колени от страха, чтобы было личное мужество): приехали с ребятами на первый наряд, толкнули речь, заткнули рот парторгу, начальникам и остановили шахту; поехали с ребятами на другие шахты и т. д. и т. п. Самый подвох как раз здесь: забастовку поднять легко, а вот власть удержать трудно. Практически все мы, за небольшим исключением, остались за бортом установившихся структур, отчасти замотались с огромной текучкой забастовочной, исполнений требований по постановлению № 608 СМ СССР, короче, недооценили силу коммунистических перевоплощений".

Верно! Закрепить из достигнутого в результате забастовок удалось не много. Действительно распространяемый на Воркуте журнал "Наше дело" печатается примитивно-самиздатским способом в количестве 20-м февраля и выходит тиражом в 10 тысяч экземпляров, но вместе с тем МНИА Инфо-ВЗГЛЯД сообщает из Кемерово, что "первый официально разрешенный номер независимого печатного органа Союза трудящихся Кузбасса - "Нашей газеты" - получают жители кемеровской области", что газета датируется 20-м февраля и выходит тиражом в 10 тысяч экземпляров, что она обозначена № 1, но уже до нее без разрешения, малым самиздатским тиражом, было выпущено 9 номеров.

Это лишь маленькая, но победа!

"Готовы действовать мирным и организованным способом"

Леонид ГОРДОН

Настоящая статья составлена на основе беседы с доктором исторических наук, старшим научным сотрудником Института рабочего движения АН СССР Леонидом Абрамовичем Гордоном. Беседу наш корреспондент провел в Париже во время международной конференции на тему "СССР - кризис системы".

Явление независимого рабочего движения - один из важнейших этапов перестройки. Конечно, он таит новые опасности и угрозы, но вместе с тем потенциально несет в себе чрезвычайно мощную силу. Независимое рабочее движение, может, лучше сказать - самостоятельное движение, не составляющее часть монолитной государственной системы, является прежде всего нормальным фактором социально-экономического устройства немонопольного типа, устройства, в котором планирование сочетается с рынком, со свободной игрой экономических сил и т. д. В этих обстоятельствах представляется иллюзией мысль о том, что можно добиться наилучших экономических решений, исходя только из каких-то рациональных соображений (допустим, наукой), выясняемых где-то в центральных органах. Как бы демократично ни решались эти вопросы, они не приведут к оптимальному решению просто потому, что социально-экономическая система - это система, где процессы идут не рационально, а социально, где соотношение групп давления, представляющих разные интересы, пусть не противоположные, но разные, дает в конце концов наилучшее решение.

70-летний опыт наш, 40-летний опыт других социалистических стран показывают, что отсутствие самостоятельного рабочего движения приводит к тому, что решение ищется вовсе не научно обоснованным образом, а просто оказываются непредставленными интересы труда. Недостаточно представлены интересы труда и чрезмерно - интересы, скажем, текущие интересы производства, военно-промышленного комплекса, государства и т. д. Отсюда десятилетиями сохраняется у нас чрезмерная норма накоплений, недостаточная оплата труда, в конце концов бьющая по самому экономическому производству, по трудящимся. Но это имеет громадное значение в длительном историческом плане. Если же говорить о сегодняшних обстоятельствах, то, может быть, сегодня развитие самостоятельного рабочего движения еще важнее как возможность разрешения моментных противоречий перестройки.

В этом виде социальных преобразований заключены очень глубокие противоречия. Ведь такая реформа должна осуществить решительное преобразование общества, перестроение самых его корневых основ. Но это надо сделать по возможности мирным образом, во всяком случае без кровопролития. Да еще в значительной мере руками этих самых "элит", которые должны быть заменены. Кажется, что это почти неразрешимая задача. И действительно, очень многие реформы

именно по этой причине не удаются, но иногда они все-таки удаются. И вот тут дело видимо в том, что в каждой реформе, в каждой стране находятся какие-то конкретные исторические сочетания сил, которые позволяют это осуществить.

До сих пор в нашей перестройке действовали, пожалуй, две-три основные силы, которые толкали перестройку вперед. Прежде всего, это реформаторы в руководстве партии во главе с Горбачевым. С этого все началось, затем присоединилась некая самостоятельная деятельность прессы, средств массовой информации, поддержанная значительной частью интеллигентных активистов. Того, что мы называем гласностью, оказалось достаточно, чтобы начать и двинуть перестройку, но недостаточно, чтобы перевести ее за перевал, туда, где начинается спуск в следующую долину. Скажем, пакет решений 1987 года реально остался невыполненным.

Представляется, что самостоятельное рабочее движение, во всяком случае его демократическая ветвь, дает ту новую дополнительную силу, которая может быть, позволит разрешить эту проблему. Так представляется по следующим причинам. Рабочее движение отличается необычайной мощью, мы все почувствовали летом 1989 года, как заколебалась земля и стало ясно, что просто сопротивляться этому невозможно: это не интеллигентские разговоры и даже не призывы руководителей реформистской части партии. Второе, и это чрезвычайно важно: рабочих, которые сейчас составляют большинство народа, отличает от интеллигенции и от старого крестьянства их колоссальная внутренняя способность к организации. Когда Пушкин говорил о том, что страшен русский бунт, бессмысленный и беспощадный, это было актуально для народа, для которого организованность была еще очень несвойственной. Вот пока, и это самое замечательное, рабочее движение того типа, о котором я сейчас говорю, шахтерские забастовки прежде всего, показали, что здесь нет никакого намека на бунт, есть мощная организация, готовая стремиться к компромиссу, готовая действовать мирным и организованным способом.

Причем замечательно, что такая организованность преобразует поведение каждого отдельного человека. Кто станет отрицать, что алкоголизм, увы, достаточно распространен в шахтерских районах? Для многих шахтеров, как, впрочем, и для многих других жителей нашей страны, эта дурная страсть очень характерна. А вот когда они объединяются, то оказывается, что невозможно продать ни одной бутылки водки! Кто-то в Кузбассе пытался это делать - неясно кто, но кто-то пытался. И это было остановлено рабочими, действовавшими в этом случае, кстати, совместно с милицией. И борьба с алкоголизмом очень напоминает действия "Солидарности" в Польше. Отличие в том, что в Донбассе и Кузбассе это осуществлялось вместе с милицией.

И наконец третье обстоятельство: возможности рабочего движения осуществлять реформы. Значительная часть организованного рабочего движения отчетливо стремится к проведению социально-экономических и демократических реформ. Если вы возьмете 46 требований, которые составляют суть протоколов, заключенных между правительством и шахтерами летом 1989 года, то на первых местах там вовсе не проблема прибавки к зарплате. Большую и основную часть их требований составляют самостоятельность шахт, изменение цен, возможность продажи сверхплановой продукции, наконец, тре-

бования развить все формы собственности, обеспечить их сосуществование и соревнование, включая и государственную, и акционерную, и кооперативную, и индивидуальную. С этой точки зрения, то, что было до сих пор, делалось в пользу реформ, а не во вред.

Разумеется, надо предвидеть и негативные стороны рабочего движения, и те опасности, которые оно таит. Обычно здесь всегда на первый план выдвигают экономический ущерб, связанный с забастовками. Отрицать экономический ущерб было бы глупо. Но в том, что пишут в печати, зачастую все это гигантским образом преувеличивается. Все-таки ущерб, который наносят забастовки, абсолютно не сравним с тем ущербом, который приносят системные пороки, то есть отказ от реформ. Это — непоставимые величины. Самое большое, в чем можно обвинить шахтеров, — они потребовали в Кузбассе, чтобы им дополнительно выдали 6,5 тысяч тонн мяса. Вообще-то за такой труд, как у них, это вполне справедливо. Но ведь это аж 6,5 тысяч тонн мяса. А Госкомстат в эти же дни опубликовал мало кем замеченные данные: за 1988 год был потерян, не разворован, а именно потерян, то есть не попал к людям, — миллион тонн мяса. И ничего. Это мясо съели не люди, его съела нереформированная экономика.

Поэтому все, что толкает страну к реформе экономики, все это, даже если оно стоит нам 10 млн. человекодней, спасает гораздо больше времени и труда.

Разумеется, не будем впадать в крайности. Разумеется, при забастовках есть экономический ущерб. Но я утверждаю, что эта опасность независимого рабочего движения отнюдь не главная. И настоящей экономической опасностью станет только, если забастовки примут хаотический, неуправляемый цепной характер. Но рабочая-то организация, рабочее движение этому противодействуют, а не способствуют! Здесь обратная связь. Надо поддерживать это движение, если хотеть, чтобы забастовки не превратились в хаос.

Вообще же главные опасности, которые таятся в организованном рабочем движении, по-моему, не эти. Главные опасности, я думаю, заключаются в следующем. Известно, что рабочее движение отличается мощной организованностью. Если эта мощная организованность направлена на продвижение реформ, на подталкивание сопротивляющегося аппарата к преодолению привычек, на внушение обществу как бы веры в то, что это возможно, — все замечательно. Но нельзя не принимать в расчет и того, что мощь и организованность могут быть направлены и против реформы. Вот где главная опасность таится. Рядом с экономическим рабочим движением, идущим в пользу реформы, будет развиваться рабочее движение, так сказать, реакционного типа, антидемократического типа, идущее против реформ.

Мы видим, что зародыши такого движения имеются. Объективно смысл Объединенного фронта трудящихся (ОФТ) пока что такой. До сих пор шахтерское движение было движением более сильным, чем движение Объединенного фронта трудящихся. Но есть опасность, что соотношение сил изменится. Саму эту опасность надо видеть.

Огромную роль играет то обстоятельство, что рабочее движение развивается не в вакууме. Очень важно, как оно будет сочетаться с другими силами. Я в этом смысле очень большое значение придаю наметившемуся союзу между кооператорами, Союзом кооператоров России и Воркутинским шахтным комитетом. Совершенно не понимаю

некоторых, может быть, даже и демократически настроенных газет, которые видят здесь какую-то опасность. Я вижу только позитивную сторону в этом моменте, никаких опасностей. Скажем, в других сторонах рабочего движения есть плюсы и минусы. Здесь же, с точки зрения демократа и сторонника реформ, есть только плюсы. Если бы удалось рабочее движение соединить с демократической интеллигенцией, с реформаторами, с реформаторским ядром партии, то тогда бы перестройка стала непобедимой.

У нас не разработаны понятия, которые точно отражали бы существующее реалии. Вот мы говорим "рабочий класс", "рабочее движение"... Сегодня рабочий класс, даже если не считать сельскохозяйственных рабочих, это вообще 50-60% населения. Это такая огромная масса, в отношении которой разговор "в целом" вообще-то не очень плодотворен. По-настоящему мы должны были бы говорить не о рабочем движении вообще, а выделить рабочие и инженерные группы, связанные с крупным индустриальным производством: именно отсюда произрастает способность к организованности. С другой стороны, тут важную роль играет набор чисто объективных социально-экономических факторов, факторов идейно-культурных. Мы должны говорить о некоем рабоче-демократическом движении, где способность к организованности и коллективности сочетается с уважением к ценностям индивидуальности, к предприимчивости и т. п. Здесь и потенциальные слабости - вот это противоречие рабочих и кооперативов. Объективно оно вызвано тем, что первоначальное накопление всегда связано с грязью и прочими неприятными вещами. А осуществляемое в условиях, когда реформа очень ограничена, когда есть свобода продажи, но нет свободы конкуренции, - оно превращается в очень тяжелую задачу. И немалую роль тут играют именно культурные факторы. Вообще для нашей культуры очень характерно представление о том, что эгалитарность - это чрезвычайно важно. Это и сила российской культуры, и ее слабость. У Толстого есть образ роевой жизни, как некоторого российского идеала. Если этот образ роевой жизни не абсолютизировать, то тут есть то, с чем я согласен. Беда-то заключается в том, что этот образ *роевой* жизни чрезвычайно легко эволюционирует в образ *строевой* жизни.

Вот эти ценности строевой жизни - одно из наших главных бедствий. Ведь они не представляют собой, так сказать, ценности равенства в чистом виде: в строю, в армии никакого равенства нет. Но здесь есть неравенство, подаваемое откуда-то сверху. Ежели генерал ездит на белом коне, офицер - на вороном, солдат идет пешком. И это всеми воспринимается как некоторая норма. А вот когда какой-то человек сам добыл себе телегу и вместо того, чтобы идти пешком, едет на телеге, то это воспринимается окружающими как нарушение основ и устоев.

Это культурно-целостное социологическое бедствие очень важно изжить для того, чтобы страна двинулась вперед. Это наше российское отсутствие чувства меры, которое сейчас очень мешает. Нам бы немножко приобрести англо-саксонского умения находить золотую середину. Сейчас эгалитарных строевых ценностей в нашем мироощущении гораздо больше, чем надо, а ценностей индивидуальности, предприимчивости, свободы - недостаточно. Будем надеяться, что это будет постепенно меняться.

Тельман Гдлян штурмует Кремлевскую стену

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Короткий детектив длиною в тридцать лет

Теплым апрельским днем 1983 года черная "Волга" резко развернулась посреди узкой трассы Бухары и, всклубив вулкан пыли, остановилась наперерез движению. Из заблокированной машины выскочили двое - что, мол, там происходит. Но вместо объяснения пассажиры "Волги" надели на одного из них наручники и при личном обыске обнаружили у него тысячу рублей. Человеком в наручниках был начальник УБХСС Бухары Ахат Музаффаров, арестованный за взятки работниками госбезопасности. В тот же день в доме шефа управления по борьбе с хищениями было обнаружено более миллиона рублей. Вслед за ним комитетчиками было арестовано еще несколько тузов из милиции и торгового мира. Расследование привело к резиденции бухарского обкома, "Красной даче", прямо в кабинет первого секретаря компартии Абдувахида Каримова. 1 сентября это дело принял к своему производству следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР Тельман Гдлян. В его группе было всего трое, в том числе Николай Иванов.

И пошло-поехало. Музаффаров дал показания на своих соучастников в преступлениях, в частности, на первого замминистра внутренних дел Давыдова. Не дождавшись допроса, последний покончил жизнь самоубийством (правда, несколько странным способом - выстрелив себе в голову три раза из пистолета). Серия подобных "самоубийств" прокатилась по Узбекистану, обрывая таким образом след, идущий дальше. От Музаффарова и Каримова Гдлян нащупал следы к министру внутренних дел Узбекистана Эргашеву и дальше от него к Шелокову, Чурбанову, кое-кому из Политбюро и покойному Брежневу. Но Эргашев, узнав о предстоящем аресте, также застрелился.

От гдляновского дела отпочковалось "дело века" - о хищениях в хлопкоочистительной промышленности. За четыре года сумма хищений составила четыре миллиарда рублей, большая часть которых была присвоена министром промышленности Усмановым. В деле Гдляна появились новые фигуранты - первый секретарь ЦК Узбекистана Рашидов, которому перетекли из Бухары триста тысяч наличными, и его преемник - Усманходжаев. От "Красной дачи" потянулась ниточка в Москву, к кремлевской стене.

Замкнулся тривиальный треугольник: доблестные правоохранительные органы, партия - ум, совесть и честь нашей эпохи, мозг жизни страны - исполнительная власть. Такой конгломерат вполне сложился к 1960-м годам, во времена хрущевской оттепели. В 1960 году при расследовании дела о коррупции в Московской области было выявлено, что председатель Ленинского райисполкома Сергей

Гусев - взяточник и расхититель, один из руководителей московской хозяйственной мафии. Следовательно (то есть мне, замечу скромно) дело на Гусева приказано было прекратить. А против самого следователя возбудили уголовное преследование за якобы имевшие место профессиональные нарушения. (Меня спасло хрущевское районирование: из областной прокуратуры я был переведен в столичную.) Чем не гдлянское дело - только районного масштаба!

И вот через тридцать лет бывший завсектором ЦК КПСС В. Смирнов возмущается в своей защитительной речи: Гдлян и Иванов "делают провокационные заявления о взяточничестве в отношении товарищей Лигачева, Соломенцева, Рекункова, Теребилова, Гусева, (кусив мой. - Ф.Н.) Афанасьева, Захарова и многих других из числа руководящих партийных и государственных деятелей" ("Известия", 22.9.1989). Ну что ж, связь времен, как говорится, налицо.

"Хлещи по листьям..."

Когда Гдльяна командировали в Ташкент весной восьмидесят третьего, через несколько месяцев после смерти Брежнева, в Узбекистане еще царствовал Рашидов. И обстановка вокруг следственной бригады была сложная: комитетчиков Рашидов разогнал, а эмвешешников заставил следить за каждым шагом следователей прокуратуры. Не один миллион заплатили бы Рашидов и его визири, чтобы следователь с окладом в 365 рублей в месяц прислушался к их мудрому совету: "Слушай, дорогой, хлещи сколько хочешь по листьям, но, я тебя очень прошу, не трогай корней!" Вот за это нежелание слушать "мудрые" советы и привлекать к ответу стрелочников, а начальства не трогать, Тельман Гдлян нынче жестоко расплачивается своими приключениями.

Выпускник Саратовского юридического института, Тельман Гдлян всегда был в числе непокорных, вернее непокоренных. Именно за эти свои качества он проходил несколько лет в самом низшем классном чине "младший юрист". Несколько лет назад ему было предложено место прокурора Армении, но он отказался: "надо закончить дело". Ему бы остановиться на Каримове, а он, не послушавшись узбекских мудрецов, двинулся на штурм Кремля.

Именно тогда, когда Гдлян "обнаглел" до того, что привлек к ответственности Смирнова, помощника Лигачева, и стал собирать материал на его шефа, члена Политбюро Лигачева, сработала партийная машина, и самого Гдльяна усадили на скамью подсудимых. Именно тогда процессуальные нарушения стали тем крючком, на который рыбаки из Политбюро подцепили гдлянскую бригаду. 4 апреля 1990 года рижская газета "Советская молодежь" опубликовала письмо, направленное 21 марта с. г. народным депутатом Николаем Ивановым президенту СССР Михаилу Горбачеву.

"Как Вам известно, - пишет Иванов, - размером уголовного дела № 18/58115-83 об узбекско-московско-кремлевских мафиозных группировках был начат ответственными работниками КГБ СССР и Прокуратуры СССР еще в апреле-мае 1989 г. под прикрытием комиссий ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, возглавляемых соответственно председателем КПК при ЦК КПСС Б. К. Пуго и Генеральным прокурором СССР А. Я. Сухаревым, а завершен уже под ширмой комиссии № 3 Съезда народных депутатов СССР. Он сопровождался отстранением Т. Х. Гдльяна, меня и более 70 членов следственной группы от даль-

нейшего расследования; насильственным изъятием материалов уголовного дела без оформления акта приема-передачи; реабилитацией многих высококоранжированных руководителей, изобличенных в особо крупном взяточничестве, в том числе всех делегатов XIX партконференции и лиц, когда-либо работавших в аппарате ЦК КПСС; возвратом мафиози части изъятых у них ценностей, перевоплощением "дела о коррупции" в "дело следователей", которое, вопреки требованиям закона, с 25 мая 1989 г. расследуется, а точнее, фабрикуется заинтересованными лицами под руководством Генерального прокурора СССР; а также травлей мятежной следственной группы в средствах массовой информации".

В прошлом году, продолжает Иванов, представитель спецслужб А. Духанин (полковник КГБ) стал распространять информацию о том, что в процессе расследования руководители следственной группы якобы пытались получить от обвиняемых показания в отношении члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А. Яковлева и бывшего первого секретаря МГК КПСС Б. Ельцина. Позднее Духанин и некоторые члены комиссии съезда уже категорично стали утверждать о наличии в уголовном деле материалов, показаний в отношении Яковлева и Ельцина, которых, напротив, в свое время помог существенно продвинуть расследование этого дела.

В феврале 1990 г. они пополнили этот список еще двумя фамилиями. В газете ЦК КПСС "Рабочая трибуна" сопредседатель комиссии Съезда Рой Медведев заявил, что, помимо уже упоминавшихся ранее Яковлева и Ельцина, в уголовном деле имеются показания и в отношении Горбачева. На открытом заседании комиссии 22 февраля с. г. в присутствии журналистов об этом упомянул и другой сопредседатель В. Ярин, а Р. Медведев конкретизировал эту ситуацию, утверждая, что в материалах о взяточничестве имеются показания четырех лиц в отношении Михаила Горбачева и одного - в отношении его супруги Раисы Горбачевой.

Иванов и Гдлян неоднократно опровергали эти измышления. Провокация, начало которой положил комитетчик Духанин, не имела бы успешного развития, считает Иванов, без одобрения председателя КГБ В. Крючкова и генерального прокурора А. Сухарева. Если в свое время они дружно выступили в защиту своего единомышленника и "товарища по партии" Е. К. Лигачева, то в данном случае затаились и хранят молчание, демонстрируя тем самым причастность к этим нечистоплотным акциям. В заключение, обращаясь к Горбачеву, Иванов пишет:

"И по сей день определенная часть моих избирателей полагает, что Вы стали жертвой интриги и крайне заинтересованы в опровержении порочащих Вас сведений. Если это все так, то имеется уникальная возможность в этом убедиться. Во-первых, в таком случае Вы - как Президент - безусловно не будете возражать, чтобы Т. Х. Гдлян и мне была поручена проверка откуда-то появившихся в деле и явно сфабрикованных документов в отношении А. Н. Яковлева, Б. Н. Ельцина и Вас с супругой, о наличии которых неустанно твердят спецслужбы и сопредседатели комиссии. Никто лучше нас не знает материалов уголовного дела, мы не поддаемся давлению и достаточно быстро установим весь круг организаторов и исполнителей этой фальшивки... Умолчание, игнорирование поставленных вопросов либо иные действия, недостойные Президента, позволят моим избирателям и мне самим делать определенные выводы из всей этой порочащей Вас акции" ("Советская молодежь", 4.4.1990).

От обвинений в процессуальных нарушениях - к бездоказательным обвинениям в опорочении крупных имен. Так следственное дело стало делом-оборотнем.

Дело, типичное для Системы

Корни мафиозной преступности следует искать как в нашей ненормальной экономике, так и в нашей ненормальной системе управления. Поэтому мы не можем согласиться с выводами некоторых советских криминологов, в частности А. Гурова, о том, что паханами мафий являются, как правило, люди незаметные, к примеру, хозяин забегаловки или бывший спортсмен. В подавляющем большинстве крестными отцами мафий становятся партийные, государственные деятели очень высокого ранга. Это руководители партийной номенклатуры в центре и на местах, министры и начальники главков, трестов. Собственная следственная и адвокатская практика подтверждает, что чаще всего руководителями мафий являются первые секретари, председатели исполкомов района или области.

Дело Гдляна не уникально. Оно — звено в длинной цепи борьбы многих следователей-государственников с коррумпированной КПСС. Гдлян и Иванов — одни из тех, для кого интересы страны выше интересов КПСС. Это дело — характерный симптом болезни нашего государства. Название этой болезни — "монополия партбюрократии на власть". Именно эта монопольность разрушила иммунную систему нашего государства, лишила его такого важного компонента, как институт разделения властей. В перестроечную пятилетку судебная (следственная) власть не получила ожидаемой самостоятельности. Она — исполнитель воли партии, ее государственно-правового отдела. Следственная власть — по-прежнему послушная раба "директивного права", разрабатываемого на Старой площади. (Это, впрочем, доказали своим поведением в деле Гдляна руководители советской юстиции: Крючков, Сухарев, Бакатин, Яковлев. По существу, они — предатели, изменившие Фемиде в угоду царствующей партийной власти. Они не только оставили своих коллег-юристов в беде, но и выполнили функцию того весла, которым партаппарат пытался — и пытается — утопить бунтарей, вступившихся за богиню правосудия.)

А возможности коррупции на уровне партгосаппарата безграничны. Дельцам ничего не стоит продвинуть на ключевые посты в партии и государстве своих людей. Примеров довольно много. В. Олейник, зам начальника следственной части Прокуратуры РСФСР (сейчас, после гдляновского дела, он, как и многие другие, ушел из прокуратуры, не желая работать с Сухаревым), рассказал на страницах "Огонька", что руководитель мехового бизнеса Дунаев покупал и помогал делать карьеру партийным деятелям, руководителям госбезопасности, милиции и прокуратуры, а сам подумывал о выдвижении своей кандидатуры в депутаты Верховного Совета СССР. Однако Дунаев и ему подобные знали свое место, отдавая лавры первенства функционерам. Ведь только они принимают у нас решения и отдают команды. Никто иной таким правом в нашем государстве не обладает.

Конечно, Каримов — типичный продукт советской системы. Его карьера довольно обычна. Коррупционеры действительно вынуждены брать: на какие шиши тогда, простите, давать наверх? А разве тот же Рашидов (по одной из версий, тоже покончивший жизнь самоубийством) не продукт системы? Один из свидетелей (Примов), присутствовавший при разговоре Рашидова с Брежневым, расска-

зал, что Брежнев просил Рашидова: "Округли, Шарафчик, до 6 миллионов". Речь шла о мифическом обязательстве дать стране свыше 5 миллионов тонн хлопка. Идя навстречу генсеку, Рашидов сказал тогда: "Будет сделано, Леонид Ильич!" (А ведь оба вождя понимали, что эти цифры - сплошной бред шизофреника).

Каримов был ключевой фигурой в деле. От него связи шли вниз и вверх. Именно он давал взятки Осетрову, второму секретарю ЦК Узбекистана, ставленнику Старой площади. Каримов показал:

"Первый раз я дал взятку Осетрову осенью 1982 г. во время хлопкоуборочной кампании. Он тогда приезжал как уполномоченный ЦК по заготовке хлопка. В помещении «Красной дачи» я вручил ему сверток с 5 тысячами рублей. Хотел заручиться в дальнейшем поддержкой Осетрова, зная его влияние и в Ташкенте, и в Москве. Он поблагодарил меня и деньги взял. Второй случай произошел в Ташкенте, когда Осетров уже стал вторым секретарем ЦК Компартии Узбекистана. Я приехал на Пленум ЦК. У меня с собой были деньги. Я зашел в кабинет к Осетрову в здании ЦК и поздравил его. От него зависело многое в экономике области. Поэтому я был заинтересован в его покровительстве и поддержке и по всем этим причинам давал ему взятки".

Они были правы, и Каримов, и Музаффаров, надеясь на прикрытие в Ташкенте, в Москве. Партдеятели (Рашидов, Осетров, Смирнов), деятели из КГБ (Цыгун), из МВД (Чурбанов, Шелоков) за то и получали свою долю от совместного бизнеса, чтобы жать на тормоза при аварийной ситуации.

Всем нам надо уяснить элементарную вещь: нельзя обрести свободу, не сняв цепи, сковывающие движение. Рабская зависимость отечественной юстиции от насквозь прогнившей коммунистической власти будет сохранена в нашем Отечестве до тех пор, пока парткратия во главе с Горбачевым находится у пульта управления страной, держит руку на кнопках контроля в сферах политики, экономики, права и культуры.

Вся наша уголовно-процессуальная система переживает глубокий кризис. Необходима реформа: изменения закона, новое построение органов уголовной юстиции, переосмысление взглядов на уголовный процесс как на правовое явление. Если меня спросят: "Допускали ли нарушения закона Гдлян и Иванов?", - я не колеблясь отвечу: "Да, нарушали. Не могли не нарушать. Каждый советский прокурор, следовательно нарушает закон". Этот ответ покоится не только на материалах исследуемого дела, но и на собственном опыте. Ответ основан на партийном постулате: "интересы партийного государства важнее интересов личности!"

В полицейском государстве расследование преступлений - государственная задача. И для ее торжества все средства хороши и целесообразны: в ход идут задержания, выбивание признаний, подсаживание в камеру наседок, угрозы расправы над близкими. Перед бригадой Гдльяна, впрочем, как и перед всеми другими следователями страны, была поставлена задача: раскрытие преступления любыми средствами. Ведь задача советского следствия - вовсе не установление истины, а борьба с врагами. Гдлян эту задачу выполнял отменно.

За него взялись совсем не потому, что он и его следователи допустили нарушения (об этом в Прокуратуре Союза знали все надзирающие прокуроры, вплоть до генерального), а потому, что Гдлян и его ребята вышли из повиновения партийной власти. Полит-

бюро отдавало приказ: "остановитесь!", но его не исполняли. А уж до такой степени у нас в СССР забываться никому не положено!

Если говорить о нарушениях группой Гдльяна процессуальных законов предметно, то я бы выделил несколько направлений, по которым должен пойти разговор:

1) какова соизмеримость последствий этих нарушений с последствиями, причиненными преступной деятельностью обвиняемых?

2) имеет ли место реальное несоблюдение законности (в каждом конкретном случае), или допущены действия, которых можно было избежать?

Но такое исследование — тема целой монографии, поэтому ограничимся "заметками на полях".

Депутат Игнатович (член медведевской комиссии, один из тех семи, кто не согласился с выводами остальных девяти) сказал на сессии Верховного Совета СССР: "Честно говоря, мне вообще не очень понятно, почему в Гдльяна так вцепились. Ведь все гдльяновские нарушения — это ничто по сравнению с вредом, который нанесли некоторые бывшие высокопоставленные руководители, доведшие страну до такого состояния, но почему-то не только остающиеся до сих пор на свободе, но и пользующиеся всем комплексом благ и привилегий".

Комиссией по расследованию гдльяновских "преступлений" отмечалось, что Гдлян и его группа не гнушались арестами детей. Однако из материалов дела видно, что этим "детям" в большинстве случаев было от 30 до 50 лет.

Один из членов этой комиссии обвинил Гдльяна и Иванова в том, что они задерживали членов семей обвиняемых и держали их в изоляторе "сколько можно". Так можно или нельзя? Комментария не требуется.

Народ не безмолвствует

21 февраля с. г. партийное собрание аппарата Прокуратуры СССР вынесло решение: "За допущенные грубые нарушения законности и требований Устава КПСС исключить Гдльяна Т. Х. и Иванова Н. В. из членов КПСС". Секретарь парткома А. Розанов заявил, что коллегия Прокуратуры СССР приняла решение обратиться в Верховный Совет СССР с требованием освободить Гдльяна и Иванова от депутатских обязанностей. Ну, ясно, иначе их нельзя упечь туда, куда они сами упекали "честных" коммунистов, "замечательных" руководителей. С санкцией на арест следователей Розанов побегал в Кремль: пешочком, тут каких-то минут семь, поскольку для того, чтобы засадить депутата за решетку, нужно "добро" от Верховного Совета СССР.

Но номер этот у партократии не прошел. "Виной" тому был, конечно, народный гнев, отчаянное недовольство горбачевским руководством. Власти перепугались: арестуй они народных заступников, так российский народ бросится разносить по кирпичам Старую площадь вместе с Лубянкой и Лефортово на манер того, как 200 лет назад французский народ разнес ненавистную ему Басилью!

И не мудрено: наш народ, уставший от вранья, подхалимажа и трусости со стороны начальства, ждет не дождется своих робинзудов, народных заступников. Именно таких, как Тельман Гдлян и

Николай Иванов: они смогли посрамить партийную власть на глазах честного народа. Эти следователи припечатали власть к стенке. Словно воришку-карманника поймали ее в тот момент, когда она запустила свою разбойничью руку в тощий народный кошелек.

По имеющимся у нас данным (см. материалы заседания Верховного Совета СССР от 17-19 апреля с. г.), этот поход мог увенчаться успехом: комиссия под председательством Р. Медведева, прислушавшись к мнению Горбачева, Сухарева и товарищей из ЦК-Политбюро, пришла к заключению: Гдлян и Иванов виновны в злоупотреблениях при ведении дела о коррупции. А это значит, что высший эшелон советской и партийной власти намерен был организовать голосование в Верховном Совете с таким расчетом, чтобы лишить бывших следователей депутатской неприкосновенности, привлечь их к уголовной ответственности, арестовать прямо в зале заседания или же по выходе из Кремля. (Дальше следовал бы следующий сценарий: год-полтора предварительного заключения в Лефортово с ломкой психики, чтоб раскаялись в содеянном, затем суд и лагерь - 10 лет строгого режима.) Их девиз: не позволим следственной власти вторгаться в сферу деятельности нашей партии.

А народ, следует отметить, просит вторгаться. Народу надоела диктатура партийной власти. Власти некомпетентной и коррумпированной. Вот почему народ грудью встал на защиту Гдльяна и Иванова. За неделю до их исключения из партии, 14 февраля в одном из московских районов - г. Зеленограде состоялся забастовочный митинг в поддержку следственной группы Гдльяна. Колонны забастовщиков численностью более 50 тысяч человек с 23 предприятий Зеленограда сошлись на площади перед Дворцом культуры. Лейтмотивом забастовки и всех выступлений стало опасение за судьбу своего депутата - Т. Гдльяна.

Главная мысль была высказана председателем стачкома А. Кочневым: зеленоградцы осознают чрезвычайность политической ситуации в стране и хотят, чтобы до сведения депутатов Верховного Совета СССР были доведены требования - гласности в отношении коррупции в эшелонах власти, включая партийные органы, отставки коллегии Прокуратуры СССР, объективной оценки деятельности бывшей следственной группы Гдльяна. Если Гдльяном и Ивановым и были допущены процессуальные нарушения, то они несоизмеримы с преступлениями коррумпированной части государственной и политической власти. "Главное - привлечь к ответственности виновных в коррупции аппаратчиков", - заявил А. Кочнев.

На этом митинге присутствовал новый прокурор столицы Г. Пономарев. Он не согласился с таким, на его взгляд, вольным толкованием закона и противопоставил кочневской концепции свою, демагогическую, хотя и ужасно древнюю: "Пусть рухнет мир, но восторжествует законность". Пономарев сказал народу, что митинги могут внести лишь эмоциональный накал в процесс изучения материалов дела как комиссией съезда, так и коллегией Прокуратуры СССР.

Но народ больше не пляшет под прокурорскую дудку. Народ мыслит самостоятельно. 25 февраля, на общемосковском митинге, состоявшемся на Зубовской площади, были оглашены народные требования по делу Гдльяна:

"Мы провели общегородскую политическую забастовку и требуем:

- прекращения уголовного дела против следственной группы Гдьяна и Иванова, фабрикуемого Прокуратурой СССР и лично Сухаревым;
- прекращения травли наших депутатов в средствах массовой информации;
- отставки коллегии Прокуратуры, скомпрометировавшей себя защитой коррумпированных руководителей;
- политической оценки противодействия расследованию коррупции в высших эшелонах власти и бескомпромиссной борьбы с ней;
- снятия запрета на выступления Гдьяна и Иванова в средствах массовой информации и предоставление времени на программе Центрального телевидения для открытой дискуссии Гдьяна и Иванова с их противниками" ("Русская мысль", 2. 3. 1990).

17 апреля, в день слушания дела Гдьяна-Иванова, еще более мощная демонстрация состоялась у стен Кремля, на Манежной площади. Все выступавшие уловили желание партократии расправиться с честными следователями лишь потому, что их расследования ясно показывают народу - у кормила власти стоят самые отъявленные мафиози.

19 апреля было оглашено постановление советского парламента: Комиссию распустить, согласиться с решением генерального прокурора об увольнении Гдьяна и Иванова из органов Прокуратуры и строго предупредить следователей впредь не делать бездоказательных заявлений по поводу злоупотреблений со стороны советского партгосруководства. Но в настоящий момент решено было депутатского иммунитета их не лишать.

И главный вывод: Верховный Совет считает необходимым создать в стране единый Следственный Комитет, поскольку следственная власть в стране находится в состоянии кризиса. (Мы лично твердим об этой реформе больше 10 лет.) Этому Комитету решено передать следственные аппараты, ныне сосредоточенные в КГБ, МВД, Военной прокуратуре и Прокуратуре СССР.

Вопрос о Гдьяне шел первым и на сессии Моссовета. Мысли многих депутатов столичного Совета высказал В. Боксер, один из лидеров Московского объединения избирателей. Он сказал, что бывают такие ситуации, когда невозможно оставаться в рамках кабинетов или залов, когда нужно быть со своим народом. И если бы депутаты не вышли с народом на Красную площадь, народ все равно туда бы пошел, и были бы совсем другие последствия. Вопрос о судьбе Гдьяна и Иванова стал сейчас кардинальным вопросом, это вопрос национального, государственного достоинства. Людей возмущает, что их держат за простачков. Кампания против Гдьяна и Иванова полна таких грубых и очевидных изъянов, что это просто проявление неуважения к народу.

К слову, ни Гдьян, ни Иванов ни на одно из заседаний по разбору их "дела" не явились. А зачем им было являться? Не кубок же им собирались вручить...

Вопрос о преследовании двух следователей превращается в проблему, которая может привести к дестабилизации в стране вплоть до кровопролития и массовых стачек. Уже в 35 районных советах высказались в поддержку Гдьяна и Иванова. Некоторые райсоветы заявили о том, что в случае, если следователей арестуют, то райсоветы призывают к политической забастовке.

Выступая по радио "Свобода", Тельман Хоренович Гдьян сказал ясно (яснее не бывает): "Или мы их, или они нас!"

"Мы выступаем за целостность федерации"

*Интервью с сопредседателем общества "Свободная Россия"
П. В. Кузнецовым*

- Павел Вениаминович, я хотел бы, приветствуя Вас в Париже от имени журнала "Посев", задать несколько вопросов об обществе "Свободная Россия", сопредседателем которого Вы являетесь.

В "Общественно-политических принципах" вашего "Общества", которые вот лежат передо мной, Вы пишете, что "на плечи нашего поколения легла задача спасения отечества от грядущей катастрофы". Прежде всего мне хотелось бы узнать: как вы видите это новое поколение, что оно собой представляет?

- Поколение, в данном случае, - достаточно растяжимое понятие. В нашем "Обществе" состоят люди от 25 до 45 лет. Но ядро его составляют тридцатилетние. Поколение тридцатилетних еще сохранило силы и не было раздавлено мрачными семидесятыми и восьмидесятыми годами. Люди чуть старше, так называемые "шестидесятники", несмотря на активную деятельность многих из них и в настоящее время, раздавлены мрачными брежневскими, андроповскими и черненковыми временами, которые пришлось на момент их духовного и политического становления.

Мы - чуть моложе, "семидесятники" и "восьмидесятники", и в этом видим свои определенные преимущества. Предыдущее поколение, на наш взгляд, излишне политизировано и отравлено леволиберальными идеями, которые существуют и для нас, но мы к ним относимся более критически. Можно также добавить, что поколение шестидесятых слишком верило в социальность, в то, что достаточно сменить начальников, какие-то верхние структуры, и тогда придут "хорошие" вместо "плохих", общество само по себе начнет демократизироваться и приходить в нормальное состояние. Подобная вера явно недостаточна. Кризис нашего общества настолько глубок, что нужно создавать совершенно новые структуры, причем, не ломая насильственно сразу же старые, как в гимне "Интернационал" - "до основания, а затем..." Мы считаем, что коммунизм внутренне совершенно изжил себя, но может быть преодолен только изнутри.

- Второй вопрос - о грядущей катастрофе, о которой вы говорили. Как вы ее видите, эту грядущую катастрофу?

- У грядущей катастрофы несколько вариантов. Первый вариант - это "возвращение на круги своя", к партократическому режиму. Что будет, конечно, недолговечным, ибо опыт Восточной Европы - крушение нескольких тоталитарных режимов за считанные дни - показал, насколько они непрочны. Их длительное существование невозможно. Но угроза все-таки есть, угроза кровавого переворота и прихода к власти правого аппарата существует.

Другая опасность - это постепенное разложение России, расчленение ее, начиная с расчленения Советского Союза, а потом и расчленение собственно России на небольшие государства, которые будут зависимы от более сильных. В результате - прекращение су-

ществования России как таковой. К сожалению, среди левых радикалов очень часто слышатся голоса именно об этом, они говорят о том, что не постоят ни перед чем в деле свержения режима, даже перед расчленением России. Это для нас также неприемлемо, ибо Россия для нас — превыше всего.

— Я часто встречаю советских людей, выходцев из совершенно разных слоев российского общества, и заметил, что люди, родившиеся в пятидесятых годах, более свободны внутренне. Скоро именно это поколение придет к непосредственному участию в управлении страной. Будет ли это способствовать более гладкому переходу к нормальной жизни?

— Если взять шестидесятников-либералов — почему реформы шестидесятых годов не удалась? Потому что, помимо всего прочего, не было серьезной и глубокой позитивной программы. Была лишь установка на либерализацию тех институтов, которые тогда существовали. Считалось, что достаточно на место партаппаратчиков поставить либералов — и все будет хорошо. Это был их главный "ожог".

Многие представители того поколения мыслили и жили на некоем либерально-демократическом уровне сознания, вне всякого религиозного углубления. Многие из них, по их собственным словам, были "ушиблены Сталиным", и интеллектуальная атмосфера, в которой они существовали, вращалась исключительно вокруг "сталинских" тем. Они не могли от них отвязаться, не могли прийти к более глубокому религиозно-философскому осмыслению жизни. Поколение семидесятых годов воспитывалось "внутри", в молчании, так как возможностей "внешней" жизни, за редкими исключениями открытых диссидентов, практически не было. Еще одна причина: для шестидесятников была закрыта русская религиозно-философская мысль. Они были ориентированы на западную литературу, Достоевский был тогда малоизвестен и неактуален, не говоря уже о Флоренском, Бердяеве, Леонтьеве или Франке.

— В чем основное отличие ваших позиций, общества "Свободная Россия", от таких организаций как "Память", "Демократический союз" и различных объединений в поддержку перестройки?

— В чем отличие, например, от "Демократического союза"? Некоторые члены нашего "Общества", в частности, Юлий Рыбаков, Юрий Булычев, были ранее активными участниками "Демократического союза", но со временем вышли из него, создали и вместе с другими людьми, общество "Свободная Россия". "Демократический союз" или Народный фронт — "неозападнические" организации, которые ориентированы исключительно на западные формы демократии. Как показывают документы второго съезда "Демократического союза", национальная российская проблема для них не существует. Там речь идет о национальных проблемах крымских татар, о Прибалтике, Закавказье и др. Они, несомненно, очень важны, но в самой программе второго съезда ДС о русском вопросе — маленький абзац.

Проект резолюции, который Рыбаков и Булычев выдвигали, на съезде не получил одобрения. Это означает, что многие "леворадикальные" силы совершенно не осознают значения национальных традиций, положения России как особого образования "Восток-Запад", которое не является ни чистым Востоком, ни чистым Западом. Поэтому в леворадикальных кругах очень часто можно услышать отожде-

ствление советского с русским, как и слова, что русским изначально присуща "рабская психология". У них часто можно услышать, что для ликвидации коммунистической диктатуры можно пожертвовать и Россией.

Что касается "правых" обществ типа "Памяти", то они, возникая на здоровых основах, на стремлении преодолеть определенный комплекс неполноценности, который возникает в связи с ожесточенной критикой русских и русского со всех сторон, в своих выводах приходят к совершенно неверным и антикультурным посылкам. Они отрицают необходимость существования в России правового государства, многопартийной системы, политического плюрализма, прав личности, свободы и т. д. Некоторые из них прямо заявляют, что в России была соборность, а свобода ей не нужна. У них присутствует еще и сильный аспект ксенофобии, неприязни ко всему иностранному, западному, юдофобии и многое, многое другое, что для нас совершенно неприемлемо. Кроме того, эти общества часто отличаются антикультурным и антиинтеллигентским пафосом: "хороша та культура, которая своя по крови, а остальная - плоха".

Вот те отличия, которые для нас принципиальны. Поэтому мы стараемся синтезировать идеи прав человека - свободы, правового государства, плюрализма - с теми традициями, которые существовали в России и Российской империи.

- Скажите пожалуйста, когда точно была создана ваша организация? Сколько в ней человек, существует ли она в других городах?

- Наша организация была создана в июне 1989 года, но подготовительная работа велась раньше. Ядро ее составляет примерно 25 человек - единомышленников, друзей, которые хорошо друг друга знают. Сейчас мы не стремимся к многочисленности, для нас важнее качество. Мы не спешим принимать новых членов, пока тот или иной человек не будет нам понятен, не выяснится его нравственный облик.

Что касается других городов, то недавно Юрий Булычев, сопредседатель нашего общества, ездил по Сибири. Наши идеи синтеза национального и демократического находят там большой отклик. Было много предложений присоединиться к нам, но Булычев совершенно справедливо предложил сначала создать самостоятельные структуры на месте, а потом уже налаживать контакты. Это был наш первый выход на всесоюзную арену.

- В ваших документах вы особенно выделяете программу и задачи переходного периода. Какие главные задачи вы перед собой ставите? Когда, вы считаете, должен наступить этот переходный период? Или он уже наступил?

- Сразу же скажу, что переходный период уже наступает. Сейчас мы уже существуем в обществе не тоталитарном, а авторитарном, что уже само по себе колоссальный прогресс по сравнению с тем, что было несколько лет назад. Смысл программы переходного периода заключается в том, что как бы нам ни хотелось очень быстро, немедленно демонтировать партократическую систему, все язы, нажитые за семьдесят лет, невозможно изжить за два-три года. Поэтому мы считаем, что переход от тоталитарного общества к свободному должен быть постепенным и это займет определенный срок. В этом - основной смысл программы переходного периода, ибо

беда всех российских интеллигентов и радикалов всегда заключалась в том, что они хотели построить завтра общество нового типа, и в результате Россия ввергалась в катастрофу. Мы считаем, что коммунизм – это болезнь, тяжелая и страшная, которая, как писал Бердяев в 1918 году, не может быть побеждена извне, ее можно изжить только изнутри.

Что касается сроков переходного периода, то (это моя личная гипотеза, здесь есть разные точки зрения) я думаю, что он уже существует года два, мы уже в нем находимся. И, если обстоятельства будут благоприятными, к концу нынешнего десятилетия, он будет полностью завершен. То есть этот период может длиться еще 6–8 лет.

– Сейчас одна из наиболее судьбоносных для нашей страны проблем – национальный вопрос. Как можно было бы, по вашему мнению, разрешить его наиболее справедливо и безболезненно?

– Естественно, эта проблема – самая сложная и даже страшная, споров идет много. Я думаю, что здесь нужен дифференцированный подход. Положение прибалтийских республик, которые были завоеваны всего сорок лет назад – это одно, а Грузия, которая добровольно присоединилась к России более двух столетий назад, – нечто совсем иное, и так далее. Решение национального вопроса, с нашей точки зрения, заключается в подлинном и реальном праве выхода из Советского Союза всех тех республик, которые сочтут это нужным.

Но, вместе с тем, существует так называемый "тезис о дезинтеграции империи", который поддерживается некоторыми радикальными силами. Против этого тезиса – намеренного, внешнего принципа дезинтеграции, подталкивания к выходу из состава союзного государства – мы решительно выступаем. Поэтому мы выступаем за целостность России и за целостность федерации, которая должна будет образоваться в дальнейшем на месте советской империи. И все те республики, которые сейчас в нее входят, должны будут существовать на принципе федеративном, обладая полной самостоятельностью внутри федерации. Но, естественно, найдутся народы, скажем, прибалтийских республик, которые путем всеобщего национального референдума решат, что им желательно создать собственное национальное государство. Конечно, этому не нужно противиться.

Но очень важный вопрос – право национальных меньшинств, существующих во всех этих республиках. В Прибалтике русские, поляки, евреи составляют значительную часть населения. Их права должны неукоснительно соблюдаться, справедливо и законно.

– Интересно, что очень многие проблемы мы решили за рубежом почти так же, как и вы, чувствуется какая-то перекличка, что подтверждает и правильность нашего пути. Как, учитывая это, вы видите возможность сотрудничества с разными организациями? Ведь группа из 25 человек мало что может сделать. В частности, организация, к которой принадлежу я, сейчас уже не только эмигрантская, но и внутрироссийская. Видите ли вы возможности сотрудничества с нами, тем более, что в программном отношении у нас много общего?

– Безусловно, мы выступаем за сотрудничество со всеми организациями, с которыми мы находим какие-либо точки соприкоснове-

ния. Беда нынешних как демократических, так и национально-правых движений заключается во все более сильном дроблении, расколах, конфликтах. Это - повторяющаяся драма русской интеллигенции: взаимная нетерпимость, отрицание, поиск того, что разъединяет, а не объединяет. Мы выступаем за как можно большую терпимость, при сохранении собственной позиции. Могу привести пример. Один представитель общества "Отечество", которое сотрудничает с ленинградским обкомом КПСС, в частной беседе сказал нам, что в России произошел раскол на левых, которые хотят расчленить Россию, и правых, которые хотят сохранить ее. А мы, центристы, хотим найти брод в огне. А в огне брода нет. Такая позиция кажется нам ущербной и бесперспективной.

Что касается НТС (сейчас я успел бегло познакомиться с программой Союза), то у нас действительно немало точек соприкосновения, и в этом смысле мы открыты для сотрудничества и даже стремимся к нему. Хотя у нас могут быть некоторые расхождения в каких-то моментах.

Главная идея - слом партаппарата за счет расчленения России - слишком большая цена, на которую мы пойти не можем.

- Образно говоря, в данном случае вам будут ближе правые организации, чем "Демократический союз"?

- В данном плане - да, хотя в некоторых других аспектах нам ближе левые организации. Здесь единственная точка соприкосновения с правыми. Но у правых сейчас происходит смыкание с наиболее реакционными кругами партаппарата - во имя защиты государственной целостности. Более того, они поддерживают и укрепляют этот партаппарат, что для нас совершенно неприемлемо.

- Вы справедливо заметили, что нужно искать то, что объединяет, а не разъединяет. В этом у нас общая позиция.

Я хотел бы задать еще один вопрос - о Церкви. Сейчас в России чувствуется подъем духовного возрождения. Глубокое ли это явление? Порой создается впечатление, что иерархи Московской патриархии больше чиновники партаппарата, чем служители Церкви. Так ли это?

- По поводу возрождения Православия в России. Не так давно один мой знакомый беседовал с питерским священником, тот рассказывал, что каждый день в каждой православной церкви Ленинграда (а их сейчас 15-16, скоро откроют еще) крестится по тридцать человек, а по воскресеньям - около ста. В последний раз, когда я присутствовал на крещении, в церкви было человек 25: крестили от грудных младенцев до людей, которым за тридцать. Есть случаи крещения целыми семьями. Сегодня происходит, как у нас говорят, Второе крещение Руси. Часто это происходит без должного понимания православия и христианства, но процесс этот все равно благотворный. За последний месяц, в связи с Рождеством, мы каждый день видели по телевизору священника, выступающего с проповедью; постоянно передают фильмы о православии в России. Недавно был показан очень интересный фильм о православии в Сибири, где слово было предоставлено не только высшим иерархам, но и рядовым "служителям культа". Один из них сказал, что в связи с приездом телевидения они получили возможность критиковать даже иерархов, и спросил: "Это только для телевидения, или так будет и в дальнейшем?".

Что касается Московской патриархии, то я буду говорить, основываясь на питерском материале, который мне хорошо известен. К сожалению, получается так, что значительная часть инициативы, проявляемой в этой области, идет от мирян. Именно они создают общества православной культуры, ведут христианские семинары, объединения, привозят книги из-за рубежа, устраивают воскресные школы. Рядовые священники участвуют в этом, а патриархия достаточно пассивна. Главная причина, по-моему, в том, что Церковь, по своей природе, — консервативное образование. Она — хранительница традиций и священного писания. Вся она сформирована в брежневские и даже более ранние времена и, конечно, не может внутренне так быстро измениться. Это — не вина, а беда Церкви. Будем надеяться, что она в будущем будет более активна. Насколько я знаю, еще год назад Московской патриархии было предложено издавать свою газету. Я сам слышал в одном интервью, что Патриарх отказался. Но тем не менее, газета все равно вышла, я уже держал в руках первые номера.

— Возвращаясь к национальному вопросу — Украина и Белоруссия. Как обстоят дела там?

— В Белоруссии я был летом, на Украине я в последнее время не бывал. В Белоруссии основной конфликт сосредоточен между консервативным партаппаратом и различными демократическими движениями. Недавно, на круглом столе в Париже, я услышал про белорусский сепаратизм... Но я разговаривал с очень многими людьми, и их вывод весьма однозначен: связи Белоруссии с Россией настолько велики, что об отделении не может быть и речи. Например, фильм о страшной трагедии в Куропатах, созданный белорусскими кинематографистами, был впервые показан по ленинградскому телевидению, так как белорусское ТВ его показывать отказывалось.

Что касается национального возрождения в Белоруссии, то возрождение белорусского языка, открытие школ, национальных культурных центров, — все это можно только приветствовать. Хорошо, что в мире существует много наций. Для нас ни о какой насильственной русификации и национальной нивелировке речи быть не может.

Что касается Украины, то, насколько мне известно, основная волна националистических движений приходится на западную Украину. Левобережная Украина выступает за определенную самостоятельность и свободу от диктата центра, что вполне разумно. То же касается украинского "Руха": он выступает прежде всего за самостоятельность внутри федерации.

— Значит ли это, что вы видите национальный референдум наиболее правильным методом решения этой противоречивой проблемы?

— В принципе — да. Но референдум должен проходить в более стабильной обстановке. Когда страсти накалены и атмосфера истерична и непредсказуема, референдум тоже может быть необъективным. Поэтому надо будет немного подождать, пока ситуация стабилизируется. Когда в Закавказье идет открытая война, о каких референдумах там может идти речь?

*Интервью взял Б. Миллер.
Париж, февраль.*

"Не зови волков..."

Николай ТОЛСТЫХ

Советские газеты и журналы, словно соревнуясь друг с другом, спешат поведать читателям о небывалом росте преступности в СССР за последние два-три-четыре года, сообщают леденящие душу подробности некоторых преступлений, рассказывают захватывающие детективные истории, щекочут нервы обывателя пессимистическими прогнозами, если рост преступности будет и дальше развиваться такими темпами. Очень часто проскальзывает в этих статьях нотка сожаления по поводу недостаточной оснащенности, малочисленности кадров МВД, их низкой заработной платы, незаслуженной непопулярности в народе, недостаточного к ним внимания со стороны руководителей, от которых зависит хотя бы частичное решение этих проблем.

Мне вспоминается, что похожее имело место лет тридцать тому назад, в конце пятидесятых-начале шестидесятых годов, в период, который принято называть "оттепелью". Много сейчас находят схожих черт между двумя этапами в жизни страны, сегодняшним и тогдашним, "хрущевским" и "горбачевским". Это — одна из них.

Тогда, как и сейчас, относительная "либерализация" общественной жизни, кампания против "культа личности" и его сторонников, многочисленные процессы против бывших деятелей НКВД-МГБ, реабилитация (в отличие от сегодняшнего "помилования") невинно осужденных, пробудившаяся политическая активность той части населения, что обычно "безмолвствовал", — все это неизбежно вело к ослаблению (а тем самым к "очеловечению", наконец) карательной системы, существующей в стране на протяжении многих лет. Эта система устоялась, стала для ее функционеров привычной, давала им немалые привилегии, уважение и страх окружающих. Система складывалась годами, не разваливаясь даже в случаях периодических "чисток", вплоть до систематического уничтожения ее руководителей-палачей другими, новыми палачами. Рассказывают, что Абакумов — министр МГБ, посаженный еще при Сталине, а расстрелянный уже после его смерти, в 1954 году, — расхохотался в лицо следователю прокуратуры, сказавшему ему, что он будет вести его дело по обвинению в нарушении социалистической законности. Не поверил, да и не мог поверить матёрый волк, отлично знавший все тайные пружины системы, что какую-то "прикладную" прокуратуру, послушный инструмент в руках настоящих "хозяев", допустят в "святая святых", всегда окруженное сверхсекретностью. Когда же, спустя некоторое время, убедился, что следователь не обманывает его, сказал: "Ну, тогда надевай цилиндр, органам — конец". Он знал, что говорит. И оказался в основном прав, кроме небольшой детальки: конец наступал ему, Абакумову, но не органам.

"Органы" — я имею в виду под этим словом не только КГБ, но всю карательную систему, порожденную этой властью, и ею, этой сис-

темой, удерживающуюся на вершине общественной пирамиды, — немедленно отреагировали на потенциальную угрозу лишиться своего положения "государства в государстве", а с ним и привилегий, почестей, бесконтрольности со стороны кого бы то ни было, кроме многочисленных "избранных", кому и служили они верой и правдой. Но времена изменились, и очередными раскрытиями "заговоров врагов народа" воспользоваться уже не было возможности. И тогда была предпринята долговременная осада общественного мнения. На всех уровнях — от главы государства до обывателей, народных масс, к голосу которых тогдашний глава демонстративно вроде бы прислушивался. Появились многочисленные статьи в прессе, возмущенно рассказывающие читателям, как весело и сыто живет заключенным в нынешних лагерях, как введенный недавно институт передачи "на поруки" помогает скрываться от возмездия закоренелым преступникам, просто извергам рода человеческого, как нарастает волна хулиганства, преступлений против личности, ширятся ряды расхитителей государственного имущества, валютчиков, фальшивомонетчиков, взяточников...

Было ли это на самом деле так? Статистика тогда была недоступна, и сказать что-либо конкретное, подтвержденное цифрами, нет возможности. Но известен результат: введение в новый Уголовный Кодекс, принятый в 1960 году, исключительной меры наказания (смертной казни) за те преступления, за которые она раньше не предусматривалась (а через два года расширили ее применение новыми "введениями"), замена старого "либерального" режима содержания заключенных в ИТУ (так переименовал себя скомпрометированный ГУЛаг) на четыре, предусматривающих раздельное содержание и практически полуголодное, а иногда и голодное существование содержащихся там, ужесточение судопроизводства (особенно, если данная статья попадала под очередную кампанию) — то против "ту-неядцев", то против "хулиганов", "расхитителей", "валютчиков" и т. д. Все это открывало широкую дорогу произволу следователей, практически не встречавших сопротивления своему беззаконию ни со стороны суда, ни со стороны прокуратуры, и лишь крайне редко — со стороны нескольких, буквально по пальцам можно счесть этих мужественных людей — адвокатов.

Подобное положение укоренилось очень прочно не только на практике, но и в людском сознании. Искать в судах или в милиции "правду" искренне могли лишь очень наивные, никогда не сталкивавшиеся с этой системой люди. "Был бы человек — статья найдется", "Закон что дышло..." — эти и многие другие народные мудрости явно не с пуста брались.

Уберегли ли эти драконовские законы и методы "дознания" общество от хищений, взяточничества, коррупции, злоупотреблений служебным положением, от посягательств на имущество, достоинство, честь и жизнь? Совсем наоборот. Только в числе воров, грабителей, мошенников и вымогателей появилась еще одна фигура, может быть, самая для людей, с ним столкнувшихся, опасная, — так называемый "страж порядка". Сейчас уже не секрет существование повсеместно на всех уровнях тесной преступной смычки между преступным миром и работниками "органов". И даже такое вроде новое явление, как рэкет, разве только сегодня появилось? Пожилые ленинградцы, может быть, помнят нашумевшее в самом начале вось-

мидесятых годов "дело Феоктистова и братьев Цветковых". Феоктистов – известный больше как "Фека", – гроза барменов, проституток, профессиональных игроков, торговцев наркотиками и тому подобной публики, на протяжении многих лет почти открыто "взимал дань" со многих десятков деятелей "теневой экономики". Жил с размахом, имел телохранителей, гарем, ну и конечно, "своих людей" почти во всех звеньях той самой системы. Арестовать его с поличным было практически невозможно. Почти наверняка ему приписывали несколько убийств злостных неплательщиков. Но на этот раз судебная система проявила редкую щепетильность и законопочитание: на основании только косвенных улик, пусть и многочисленных, обвинение было признано недоказанным. Хотя во множестве случаев одной-двух косвенных улик, а иной раз и просто собственного "признания", не важно как добытого, даже если в суде обвиняемый от него отказывался, – хватало не только для признания виновным, но и для приговора к высшей мере наказания. "Взяли" "Феку" лишь после того, как в западногерманском журнале "Штерн" появилась статья о ленинградской мафии и фотографии, где изображен был сам герой, чокающийся с милицейскими чинами. Следствие вела бригада московских гебешников. Ленинградских близко не подпустили: вероятность, что они "куплены", была слишком высока. Пока шло следствие, "загадочно" застрелился начальник ленинградского ГАИ, полковник милиции. И долго потом шерстили ленинградскую милицию... А "Феке" дали десять лет. Никаких убийств доказано не было, остались только вымогательства да одно изнасилование.

В то тревожное для них время "органы" себя отстояли. По словам Александра Солженицына, "правители сменились, Архипелаг остался" (прошу прощения за слегка измененный текст). Потом, как известно, был "застой", припоминаемый сейчас как время, когда в магазинах хоть что-то было. Правители – по примеру легендарных "справедливых воров" – сами жили и "другим жить давали"...

И вот – новая "оттепель". Местами покруче прежней, местами – даже до нее, прошедшей, не дотягивающая. Но изменения все же отрицать невозможно, они, как говорится, налицо. И такие убийственные для "органов" понятия, как гласность, демократизация (пусть даже частичная гласность, пусть "демократизация" вместо просто демократии), все равно не могут не вызывать у Системы справедливого испуга, тревоги, настороженности, не могут не служить поводом к противодействию, к борьбе за "место у пирога", за сохранение статуса кво. Борьба идет каждодневная, ежечасная. Недавно система потерпела поражение в Свердловске (я имею в виду "дело" Сергея Кузнецова) – приговор отменен, подсудимый освобожден, общественное мнение полностью на его стороне. А те, кто следствие вели? Кто ордера подписывал? Кто судил и приговорил к трем годам лагерей по сфабрикованному обвинению? Они тоже на свободе. И в тех же должностях. Так что поражение-то, может, и поражение, но до полного разгрома еще очень далеко.

Система не замыкается на самой себе. Являясь органической (и одной из самых важных) частью всего правящего аппарата, она, естественно, имеет доступ и к информации, готовящейся для общества. Она имеет возможность влиять на общественные настроения в нужном для себя направлении. А момент весьма острый. Общество устало и обозлено. Деликатесы духовные, раньше столь недоступные, не изба-

вили от привычки к простой пище для грубого желудка. Да и не столь уж многие, увы, ими питаются, если в масштабе всей страны взять. А голодный, естественно, сытого не разумеет. Как теперь быть приезжему из какой-нибудь Вятки или Костромы, если ему в гастрономе на улице Горького или Невском велят сначала паспорт показать, а уж потом вареной колбаски взвесят? Не слишком ласковым словом помянет он тех, у кого в паспортах имеется заветный штамп о местной прописке. Я охотно допускаю и даже про себя верю, что меры эти – не от жизни хорошей (хотя при желании средства – то для народных нужд правителям и искать недолго: перестань кормить парочку-другую "братских режимов", да сократи армию до размеров разумных, как все цивилизованные страны), не дьявольская задумка. Но объективно, как это ни парадоксально, такое положение работает не против власть предержащих, как на первый взгляд кажется, а пока, во всяком случае, – на них. Когда вектор народной ненависти направлен не вверх, не на "народных слуг", а в стороны, на себе подобных, лишь в каком-то конкретном вопросе чем-то от большинства отличных, – такое направление очень удобно тем, кто на протяжении многих десятков лет руководствовался, строя свою политику, древним девизом: "Разделяй и властвуй".

В этот критический, может быть, даже переломный момент истории государства и народов, в нем проживающих, органы, естественно, делают все возможное, чтобы показать всем – и внутри страны, и за рубежом – свою необходимость и незаменимость. Показать в том виде, в котором они сейчас пребывают, не меняя по существу ничего, разве только усиливаясь. Они стараются внушить массам, что даже малое ослабление карательной системы способно вызвать хаос в стране, разгул преступных элементов, убийств, грабежей, погромы, в общем, – кровавую вакханалию. Легче всего это сделать, напугав обывателя "небывалым" ростом преступности, о котором вешают советские, а в последнее время не только советские, но и западные средства массовой информации. О западных поговорим немного позже, сейчас давайте обратимся к советским.

В газетах и журналах, издающихся в СССР, сведения о количестве преступлений, их динамике, количественной и качественной, весьма отличны друг от друга и порой противоречивы. Газета "Советская Киргизия" приводит данные, полученные от самого министра внутренних дел Бакатина: 1.100 тысяч преступлений за первую половину 1989 года. "Известия", с ссылкой на МВД, называют цифру 1.528 тысяч. "Правда" – 1.750 тысяч. "Советская Россия" – за два миллиона. Где же истина? Если исходить из того, чьим "органом" является (негласно, разумеется, но достаточно широко известно) данная газета, то, скажем, "Советской России" я бы не советовал верить. Но такие аргументы, естественно, не могут приниматься как серьезные. Но вот "Известия" от 15 ноября 1989 г. приводят как бы "окончательные" данные – 1.988.881 преступление зарегистрировано за десять месяцев 1989 года. Много это или мало? Есть ли рост преступности, и если есть, то какой? Цифры противоречивые. "Известия" приводят данные: 1.140 тысяч преступлений за 1988 год, и дают показатель роста – 34%. (Эти данные и приведены в "Уолл-стрит журнал" социологом университета в Южном Иллинойсе Дмитрием Шалиным.) Но вот весьма популярный в последнее время еженедельник "Аргументы и факты", главный редактор которого "посмел" не подчиниться горбачевскому приказанию уйти со своего поста,

печатает совсем иную цифру – 1.870 тысяч. Если верить еженедельнику, то рост преступности по сравнению с 1988 годом выразился в увеличении числа преступлений на 118 тысяч по всей стране в течение года. Это, конечно, не может вызвать радостных эмоций, но и согласимся, что все же не 34%, не "небывалый размах".

Что касается качественной динамики преступлений, то тут цифры совсем обратные. Журнал "Социалистическая законность" № 7 за 1989 год приводит число осужденных в 1988 году – 679 тысяч. Это в два раза меньше, чем в 1985. Журнал высказывает мнение, что количество осужденных сократилось за счет передачи большей части дел для внесудебных решений. Не правда ли, очень напоминает отtepелное "на поруки"? Сторонникам жестких мер такое не может нравиться. Но с другой стороны, ведь передача дел для внесудебных решений возможна лишь тогда, когда делу-то этому практически грош цена, или, говоря языком официально-юридическим, преступление не представляет большой общественной опасности. Убийцу, грабителя, насильника для внесудебных решений не передадут, и совершенно справедливо. Правда, случается, что и вообще на скамью подсудимых не посадят, но это тема отдельная. А что же с тяжкими преступлениями, с такими, за которые судить и карать нужно по всей строгости? Тот же еженедельник "Аргументы и факты" приводит такие цифры: количество умышленных убийств в 1984 году достигло 20,5 тысячи, в 1989 – 17,4 тысячи. Может быть, потому, что меньше стало "чистосердечных признаний" на следствии, а потом отказов от них на суде, отказов, которые не воспринимались никем всерьез? Как бы там ни было, нет данных, позволяющих говорить о небывалом росте убийств, грабежей, насилия, бандитизма. В тех же "Аргументах и фактах" приводятся данные о том, что в 1984 и 1985 годах количество преступлений превышало два миллиона, а по данным "Известий", в 1989 году оно этой цифры не превысило. Однако – 34% роста. Откуда?

Откуда – сказать трудно. Статистика, особенно такого ведомства, как МВД, – дело темное. Но вот на вопросы "зачем? с какой целью?" ответ, думаю, ясен. Не отвечает ли косвенно на него принятое Верховным Советом СССР постановление "О решительном усилении борьбы с преступностью"? Ведь оно предлагает разработать правила, дающие милиции право широко использовать оружие, гораздо шире, чем предусмотрено нынешними; усилить ответственность за посягательство на жизнь работника милиции и внутренних дел, хотя ныне действующее законодательство и так предусматривает за это наказание вплоть до смертной казни. Значит, шире ее применять? Или более распространённо толковать само понятие "посягательства"? И в том, и в другом случае на память приходят саперные лопатки и газы, а также "посягательство" в виде бросания камней, пресекаемое автоматной очередью. Или даже просто в виде словесно высказанного недовольствия, влекущего выстрел из пистолета.

И воистину, надо же обеспечить безопасность тем, кто денно и ночью, без страха и упрека, стоит на страже "безопасности" наших соотечественников! А то ведь...

Вот, попалась мне на глаза короткая заметка из "Экспресс-хроники", в которой рассказывается о событиях 30 октября (День Политзаключенного) в Москве, на улице Горького.

"По середине улицы двое спецназовцев погнались за женщиной-жертвой. Нечаянно помешал прохожий, и один спецназовец походя рубанул по нему дубинкой. Тот

звзыл от боли, маленький, юркий, перехватил в руке авоську с буханкой хлеба, кочаном капусты и колбасой, быстро догнал спецназовцев, раскрутил в руке авоську и с размаху опустил тому на шею. Только капуста хрустнула. Спецназовец присел на корточки от испуга, оглядываясь по сторонам, что ему обвалилось сверху. Второй спецназовец тоже остановился. Что ни говори, как ни храбрись — они боятся".

И чем больше будут бояться, добавлю от себя, тем скорее, в конце концов, станут они, эти подручные карателей, человекоподобны. Может быть, и задумаются о своем праве гнаться с дубинкой за женщиной — не членом террористической группы, не торговкой наркотиками, не воровкой, а осуществляющей своё, кстати, гарантированное Конституцией право на "свободу слова, митингов и демонстраций". Нет, такая ситуация никак не устраивает их хозяев. Им нужно, чтоб боялись жертвы, чтоб такой "маленький, юркий" подумал, прежде чем догонять ни за что, ни про что ударившего его дубинкой спецназовца, ибо за это он может поплатиться долгим сроком, а то и жизнью — за "посягательство на жизнь работника внутренних органов", да еще "при исполнении служебных обязанностей".

Нельзя исключить вариант, что власти попытаются еще раз решить наиболее важные вопросы старым проверенным способом введения чрезвычайных мер, чрезвычайного положения уже не только в отдельных регионах, но и по всей стране. Кто будет осуществлять его, как воспримут такое остальные жители? Чтобы население психологически было готово к такому обороту событий, и нужно держать его в постоянном напряжении и страхе перед "многочисленным и потерявшим всякий страх" преступным элементом. Тактика старая, известная еще с 1917 года, когда карательные органы воистину были "вне закона", то есть никаким законам не подчинялись, кроме приказов вышестоящих и "классовому сознанию".

И казалось бы, пора уже научиться людям умению видеть, что всегда стоит за широкомасштабными газетно-журнальными кампаниями по поводу необходимости "навести порядок", "гарантировать безопасность граждан", "обуздать антисоциальные элементы". Но нет, — действуют такие методы до сих пор. Вот принят указ Верховного Совета, предписывающий местным властям разгонять нелегальные митинги. А уже через день ТАСС обнародовал обращение ЦК КПСС к советским трудящимся, с призывом "дать отпор всем, кто толкает народ к хаосу, провоцирует конфликты и национальную вражду и создает нестабильность в обществе". По этому тексту, если им руководствоваться, то прежде всего надо бы "дать отпор" и покончить раз и навсегда именно с теми, кто руководил страной на протяжении семидесяти лет и неуклонно вел ее к хаосу, нестабильности, краху. А уж как они умели пользоваться национальными конфликтами и провоцировать их — сейчас широко известно. Последние трагические события только подтверждают вышесказанное.

Но указ принят, боюсь, не последний, и обращение обнародовано. Кроме всего прочего, это и победа (немалая) тех самых "органов". Их необходимость вроде как зафиксирована. Более того, опять вспоминаются далекие шестидесятые с их "комсомольско-оперативными отрядами": создаются в помощь органам так называемые "рабочие отряды охраны порядка" (РООП) с правом пользоваться "спецсредствами", то есть дубинками, слезоточивым газом, наручниками, рации-

ями... Да, бледно по сравнению с ними выглядят общественники пятидесятых-шестидесятых! Министр внутренних дел Бакатин на страницах "Литературной газеты" комментирует это событие так:

"Эффективность работы милиции во многом зависит от настроения общества. (Конечно, - чем более настроение "зернопопдадническое", тем проще и лучше славной милиции, да и вообще - покой, порядок, безопасность! - Н. Т.) Неприятие преступности! Не хочу говорить «война», но ненависть здесь необходима. (Ах, уж эта «ярость благородная», «ненависть священная»! Ну, доколе же призывами к ней будут злоупотреблять те, кто первыми в этом виноваты? - Н. Т.) Вам не нравится само название? Но эта идея, если вспомнить, еще от Ленина идет. Он всё время говорил: «Рабочая милиция». Что тут плохого? Почему кого-то должно пугать слово «рабочий»?.."

Ленин много чего говорил. До сих пор расхлебываем. Но для министра внутренних дел он, Ленин, - безусловно, истина в последней инстанции. Будто и не произошло ничего в стране за последние четыре года, будто не опубликован наконец "Архипелаг", будто не раздаются все чаще голоса, требующие прекратить длящуюся вот уже без малого 70 лет трагикомедию поклонения "святым мощам". Но вот нафталиновый "классовый подход" по-ленински налицо - "рабочая"!

Ах, всё это уже бывало не раз... Говорят, история повторяется дважды, - один раз как трагедия, второй раз как фарс. Многие черты, присущие данному жанру, действительно наблюдаются сегодня в СССР, стоит хотя бы душку-Ельцина вспомнить. Но предпринимаемые попытки "чрезвычайных полномочий" уже никак фарсом не назовешь. За ними - кровь и калечение людей, отстаивающих свое право быть людьми, за ними - врывающиеся в квартиры без всяких санкций и ордеров - нет, не грабители, не бандиты - солдаты внутренних войск. За ними - очередное забвение своих же собственных законов, я уже не говорю о законах общечеловеческих.

Статьи в советской прессе, о которых говорилось выше, понятны. Но вот и западная пресса подключилась. Тема "небывалого роста преступности в СССР" становится как бы дежурной. Об исследовании американского социолога Дмитрия Шалина я уже упоминал. На него же обращено внимание читателей в заметке, напечатанной в НРС под рубрикой "Комментарий дня" от 8 января. Р. Крамер, автор заметки, демонстрирует "колоссальный рост" преступности в Советском Союзе и называет три причины, определяющие, по его мнению, этот рост. Читаешь и диву даешься, насколько поверхностны и несерьезны они. Первая - пьянство. Число особо опасных преступлений возросло после того, как был отменен "сухой закон", попытку введения которого Горбачев предпринял первым шагом своей деятельности в ранге главы партии (значит и государства). Этот дилетантский шаг сейчас уже и в СССР стараются не вспоминать, настолько он был не подготовлен, не продуман и вообще предпринят "в лучших традициях" советского руководства - с такого-то числа сеять то-то, с такого-то числа за иностранцев замуж не выходить и аборт не делать, а с такого-то спиртного в рот не брать. И именно этот, скажем прямо, очень далекий от "государственной мудрости" шаг, а также скудоумное упрямство в его проведении в жизнь, неумение гибко реагировать на создавшуюся ситуацию, как, впрочем, и во многом другом, и создало причины действительно небывалого размаха таких противоправных деяний, как самогоноварение, спекуляция, хищения, преступления против личности. Я уже не говорю о повсеместно

"берущихся приступом" винных магазинах, о смертельных случаях отравления суррогатами, о выросшей армии потребителей наркотических средств, о гибели сотен гектаров виноградов и так далее, и тому подобное, перечислять устанешь. Бытует кое-где мнение, что, дескать, сам-то Горбачев руководствовался только благими целями: отучить народ от пьянства, окультурить, а злоумышленники на местах, бюрократы и торговые жулики это благородное начинание испохабили. Если даже и так (во что лично я верю с трудом), то не в том ли и мудрость государственного деятеля, чтобы не просто "бросить клич", "спустить директиву", но и предвидеть, во что она практически выльется в данный момент, в данной стране, при данной ситуации и психологии народа и аппарата управления? Тем более, что опыт у других стран на этот счет был. Какое озлобление, какой взрыв негативных эмоций вызвал этот непродуманный административный запрет, я думаю, рассказывать не надо. Те, кто недавно выехал из Союза, должны это помнить.

Так что, если говорить о росте преступности как о факте доказанном, то именно он, этот шаг, будет одной из его причин. В СССР это хоть и с опозданием, но поняли, как поняли и все остальные негативные для экономики последствия такого решения (во времена пост-хрущевские такой шаг наверняка бы был назван "волюнтаристским"). И потихоньку от него отказались и отошли. Но вот, судя по заметке Р. Крамера, правители СССР, оказывается, сделали ошибку не тогда, когда пытались осуществить очередную авантюру, а когда от нее отказались. Ну что ж, бальзам на раны, как говорится. Да и честно говоря, удивляет неведение автора в вопросе, давно решенном социологами, занимающимися вопросами криминологии: рост или спад преступности в очень малой степени зависит (если зависит вообще) от количества продаваемого в магазинах спиртного. А вот отсутствие в магазинах чего бы то ни было, и в том числе и спиртного, действительно, на рост определенных видов преступлений влияет. Правда, в Советском Союзе нас учили по-другому. Но это уж, как говорится, дело личное — переучиваться ли или оставаться с теми знаниями, что получил когда-то.

Вторая причина, которую называет Крамер, это как раз та, о которой и говорилось в большей части данной статьи. А именно — "плачевное состояние службы правопорядка". И дальше следовала цитата из "Известий", в которой выражались сетования по поводу малой зарплаты милиции (на 74 рубля ниже, чем в среднем по стране), недостаточное ее финансирование по сравнению с американской полицией. Не буду повторяться, уже достаточно сказано, для чего и в каких случаях в СССР вдруг вспоминают о "несчастных пасынках", которые "всех берегут", а сами просто бедствуют, с хлеба на квас перебиваются. Укажу здесь только, что если даже добровольное вступление в РООП гарантирует всяческие льготы (пять дней прибавки к очередному отпуску, путевка в санаторий, решение вне очереди квартирного вопроса), то, надо думать, своих "кадровых слуг" начальство тем более не в черном теле держит. И на их оснащение, буде на то у начальства потребность, средства немедленно найдутся. Да и находятся, — недаром такой жадный интерес проявляют высшие работники карательных органов к международным выставкам на Западе, где демонстрируются новейшие достижения в области техники на службе полиции и специальных ведомств в этих странах. А потом жители городов в СССР мучительно вспоминают:

где же видели они раньше эти щиты, бронежилеты, каски, дубинки и прочие атрибуты? И наконец узнают: да в теленовостях, когда под возмущенный голос диктора, на экране мелькали кадры разгона демонстраций в Южной Африке, Южной Корее или еще где-либо в "царстве капитала". Кстати, для сравнения с американской полицией, имеющей дело не с мифическим антисоциальным элементом, а с реальными, вооруженными преступниками, которых не выявить с помощью "прописки", "паспортов" и многочисленных анкет, не лишне было бы вспомнить, что зарплата американского полицейского тоже весьма и весьма невысока (естественно, по американским стандартам).

И, наконец, третья причина, указанная в заметке Р. Крамера, это, как говорится, уже теплее, — "катастрофическое экономическое положение в СССР". Крамер пишет, что "грабёж и воровство становятся привычным способом достать то, что нельзя купить. И если для ограбления требуется жертву убить, то преступников это уже не останавливает".

О катастрофе экономики — нельзя не согласиться. Как, впрочем, и катастрофе всего остального. Так что же больше действует на рост и качество преступлений — именно экономическая катастрофа или катастрофа, скажем, моральная, нравственная в широких общественных масштабах? Если по Марксу, то всё правильно, сначала экономика, а из нее уже всё остальное. Ну, а если не по нему? Преступность — это ведь дело не совсем вульгарное, тут очень в большой степени "идеализм" присутствует. Каким человек себя в жизни этой видеть хочет, что ценит, какие способы достижения цели своей приемлет, какие нет, да вообще, по большому счету, что ж для него, наконец, первично, а что вторично? Тем паче, если речь идет об организованной преступности, в которую вступают сознательно. Или же о том случае, что приводится в заметке Р. Крамера, — раз нельзя купить, пойду да убью того, кто это имеет. Я как-то не представляю своих многочисленных друзей, живущих в Ленинграде, Москве, других городах, обремененных семейством, вечной нехваткой денег, большей частью работающих не по специальности (обычный удел советского интеллигента, получившего гуманитарное образование), отчаявшихся купить по приемлемой для себя цене, скажем, сапоги жене или куртку сыну, — берущим кухонный нож и идущими "на большую дорогу". Видимо, одной экономической причины, хотя и играющей, безусловно, какую-то роль, недостаточно. Для преступления надо "созреть" нравственно. А лучше всего нравственности и морали вообще не иметь. Не к этому ли на собственном примере и всей своей деятельностью приучали народ в течение 70 лет его правители? Не называли ли они настоящих, а не мнимых преступников "социально близкими"? Не демонстрировали ли полную безнаказанность за самые тяжкие уголовные преступления при достижении известного общественного положения или возможности обладателя этого "положения" закупить на корню? Да не насадили ли сознательно в народе ироническое отношение к тому, что зовется "нетленными ценностями"? Не породили ли сами бездуховность, безверие, желание следовать лишь животным инстинктам — "вкусно есть, мягко спать" — и совершенное забвение своего человеческого лица, за пространенной формулой самооправдания: "А, все так, а я — чем хуже?" Впрочем, это уже свойство каждой тоталитарной ментальности — отсутствие чувства персональной ответственности, а значит, и собственного достоинства. Приходится, с сожалением, констатиро-

вать, что во внедрении этой психологии правители страны, за долгие годы и ценой миллионов трупов, добились значительных успехов. Если присовокупить сюда недавно бесславно закончившуюся афганскую кампанию, приучившую немалое число молодых совсем еще людей к запаху крови, безнаказанности за убийства безоружных, иногда даже женщин и стариков, внушившую им порочную мысль о малоценности человеческой жизни, — вот тогда, пожалуй, мы пойдем, по моему мнению, довольно близко к истине. Но в "Комментариях дня" НРСлова об этом не сказано ни слова. Жаль.

Обосновывая заключение о росте преступности на основании выборочных статей в советских газетах и анекдотах, один из которых Р. Крамер приводит, он, волей-неволей, продолжает развивать ту же тему, муссирование которой так необходимо сейчас определенным кругам в СССР, о чем мы говорили выше.

Не могу еще не задержать внимание читателя, — совсем ненадолго, — на позабавившем меня абзаце. Вот он: "Если мы в разговоре о преступности с советским визитером не услышим в ответ тревожных ноток, мы явно «не туда попали». Точнее попали на квасного патриота, который скрывает то, о чем открыто пишут все советские газеты". Воистину, в чудное время живем. Если раньше, чтобы прослыть "квасным патриотом", нужно было неустанно советские газеты цитировать, то сейчас это звание получает тот, кто их опровергает. Что касается меня, то данный источник информации всегда расценивал я как весьма и весьма сомнительный (если не считать чтения между строк), продолжаю считать так и сегодня. Ну, значит, патриот. Ладно.

Так что ж, — спросит читатель в конце концов, — никаких "тревожных ноток" не должно быть? Нет преступности в Советском Союзе?

Есть, — отвечу я, — и немалая. Но это отнюдь не значит, что по этой причине система карательных органов должна в очередной раз получать от народа карт-бланш. Слишком дорого такое обходилось для народа во всех подобных случаях. Никогда не бывало, чтобы наделенные "чрезвычайными полномочиями" органы действовали действительно в интересах народа, оберегая его жизнь, его интересы. Если такое и случалось где-нибудь, кроме телефильмов, то это скорее исключения, подтверждающие правило. Иначе просто и быть не может. В антинародном государстве органы, плоть от плоти самой власти, не могут быть защитниками народных интересов, они так же антинародны и антидемократичны, как сама власть, их породившая. И любое их усиление — не на благо народа, а на еще большие несчастья.

Так что же делать? Мириться с преступностью, лишь бы не усилить органы? Нет, мириться не надо. Просто у этих органов и сейчас вполне достаточно и материальных, и людских ресурсов, и соответствующих законодательных актов, чтобы вполне справиться с преступностью, — если сосредоточиться только на этой задаче, то есть на той, ради выполнения которой они вроде бы и создавались. С преступностью, а не с юношами и девушками из "Демократического Союза", не с распространителями неофициальных изданий, не с крымскими татарами, не с бастующими рабочими и вообще — с любым, с кем прикажут власти в данном случае. Режиссер Станислав Говорухин в своем взволнованном рассказе о бесчинствах войск в Баку ("Московские новости", № 7), нашел очень хорошую формули-

ровку, которую я рискну применить и к теме своей статьи, — "меры разумной достаточности". Вот именно так. Только как у нас там в отечестве с государственным разумом? Не в обычном ли дефиците?

Безвременно ушедший Андрей Дмитриевич Сахаров, ученый с мировым именем, обладавший способностью видеть проблемы во всей их полноте и широте, умевший среди многочисленных явлений и фактов выделить главные, ключевые, буквально за несколько часов до смерти записал свои предложения, которые он хотел представить Съезду народных депутатов. Эти предложения касались внесенного Генеральным прокурором СССР на рассмотрение Верховного Совета проекта закона "О внесении изменений и дополнений в статью 34 Основ Уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик". Этот проект — кстати, принятый, после небольшой заминки, двумя палатами Верховного Совета — предусматривает увеличение срока содержания под стражей (то есть в следственном изоляторе — одном из самых худших видов тюрем, по существу, в камерном мешке, при отсутствии элементарных гигиенических и санитарных норм) и некоторые другие "мелочи", утяжеляющие и без того нелегкое положение подозреваемого или обвиняемого. Проект внесен Генеральным прокурором, и Сахаров подчеркивает, что тем самым предпринимается очередная попытка органов усилить свои позиции, расширить свои полномочия.

На фоне множества "горячих точек" и проблем, требующих немедленного разрешения, ну что, казалось бы, за первоочередная важность дебатировать по поводу "небольшого" изменения всего-то одной статьи? Но Андрей Дмитриевич не был бы самим собой, если бы счел это не заслуживающим внимания, неважным, в свете сегодняшнего положения в стране. Вот небольшая цитата из этого последнего в его жизни текста:

"Теперь по существу изменений статьи 34. Я уже говорил на Верховном Совете и здесь повторю. Реально в нашей жизни подозреваемый или обвиняемый находится в чрезвычайно тяжелых условиях давления следствия. У всех на памяти многочисленные случаи самооговоров, взятия вины на себя из-за пресс-камер, избиений, шантажа, угроз. У всех на памяти смертные приговоры невиновным, приведенные в исполнение не только в республиках, но и в Москве. Продление следствия, в котором нет никакой необходимости (девять месяцев, разрешенные сейчас, — достаточно большой срок), — это ужесточение и без того антигуманного нашего законодательства, в котором нет никакой необходимости. Это не улучшит результатов борьбы с преступностью, а только еще больше ожесточит наше и без того тяжело больное общество. Вся страна в новом Законе справедливо увидит новую ложь. Ведь мы столько говорили о гуманизации законодательства. А единственно, что родили, так этот беззаконный закон".

Повторяю — это последнее, что написано Сахаровым. Мне кажется это глубоко символичным. Но, опять повторяюсь, — закон все-таки принят. Депутаты проголосовали "за". Думаю, что не последнюю роль сыграла здесь та газетная шумиха, поднятая вокруг проблемы преступности в последние месяцы в советской и частично в западной прессе. Ну, что ж, органы можно поздравить еще с одной победой. Еще один плацдарм отвоеван и припасен для "генерального наступления".

Как тут не вспомнить: "Не зови волков помочь от собак отбиться..."

Семипалатинск в Иркутске

В. ПРОКОПЬЕВ

"Ветер поднимается - нужно пытаться жить"

П. Валери

Семипалатинск стал ядерным полигоном для советской военщины, Иркутск стал полигоном для КГБ. И если в Семипалатинске гремят взрывы, а приборы фиксируют колебания земли и возрастание радиации, то в Иркутске эти взрывы не слышны, не колеблются стрелки сейсмографов и радиометров, никто не выходит с протестами и транспарантами. Идет тихое будничное "промыывание мозгов".

Да, Иркутск стал тем самым полигоном, где отрабатывается новая форма работы - хождение в народ. Вероятно еще до эпохи гласности в ГБ Иркутска поступил секретный циркуляр - "все в народ". Ведь это так модно - эксперимент в масштабах города, области. Тем более, по результатам экспериментов кем-то делается вывод: пойдет данное новшество в масштабах всей страны или нет? Так как подобного буйства "ходоков" ни в одном регионе пока не наблюдается, можно предположить - эксперимент еще не окончен и эпидемия "народников" не захватила всю страну. Попробуем проследить, как развивается эксперимент, это поможет разобраться в будущих формах и методах работы КГБ.

Для успешного проведения своих "опытов" Иркутскому ГБ нужен был человек, про которого можно было сказать: "Я весь в свету, доступен всем глазам". Этим человеком стал Юрий Александрович Гуртовой.

В 1982 году, отдыхая после трудов праведных, а точнее - после отправки "на зону" двух иркутских диссидентов, С. Боровского и Б. Черных (первого - на два года по статье 190-1 УК РСФСР, второго - по статье 70 УК РСФСР на 5 лет и 3 года ссылки), Юрий Александрович между делом составил книжечку "Борьба продолжается", где под псевдонимом Ю. Уваров поместил свой рассказ "Повторный визит". А предисловие к книге написал начальник УКГБ по Иркутской области полковник С. С. Лапин. Несмотря на отсутствие как новизны, так и таланта, эта книжка разошлась тиражом в 15 тысяч экземпляров. В 1987 году выходит следующая книга об иркутских чекистах - "Верность долгу", тираж ее уже 50 тысяч экземпляров. Предисловие к этой книге написал все тот же Лапин, теперь генерал-майор. В ней Гуртовой-Уваров помещает уже два рассказа - "Повторный визит" и "Трудная роль".

Посмотрим, действительно ли трудная роль у героя рассказа? Да, действительно трудная и неблагодарная: организация прямой провокации против "...жены лица, отбывающего наказание в нашей области... за антисоветскую деятельность". Провокация в рассказе удалась: "Тогда для них кончилось все хорошо, а через несколько лет он опять «сел», как мы и предполагали, притом надолго".

Обсуждать рассказ "Повторный визит" с точки зрения литературы нелегко, так как половину произведения составляют банальные, штампованные фразы, сюжет же произведения предельно прост: два дня идет непрерывная слежка за иностранцем, перемежаемая глубокомысленными рассуждениями о том, как трудно чекистам в семейной жизни... Вероятно, выход в свет этой книги и был началом массового эксперимента "по повышению престижа органов КГБ в отдельно взятом регионе". Стали появляться газетные статьи, доказывающие, что гебисты не даром едят свой хлеб, одновременно стали регулярными встречи работников КГБ с народом.

Своего апогея встречи и статьи в газете "Восточно-Сибирская правда" достигли в 1989 году. Прекрасно понимая, что вся "крамола" идет от интеллигенции (почти все неформальные движения начались в академ- или студгородке, исключение составляют анархосиндикалисты и "Память"), встречи работников ГБ проходили в основном в академических институтах. Смотреть на гебешников и их нового начальника полковника Федосеева И. В. было просто физическим наслаждением - вежливы, элегантны, любезны.

Так же вежливо, любезно и элегантно они уходили от прямых ответов на задаваемые им вопросы. Так, Федосеев на вопрос "Прислушиваются ли телефоны у частных лиц?" вкрадчивым голосом отвечал: "Неужели вы хотите, чтобы я прочитал вам курс советской контрразведки?" (Интересно, чем советская контрразведка отличается от буржуазной? Уж не тем ли, что в советской контрразведке попираются нормы морали и закон?) После того, как Федосеев сказал: "Да, в КГБ встречаются разные люди" (имелась в виду нравственности), последовало заявление - "Из тех, кто был в политической полиции (т. е. в 5-м Управлении), никто не пострадал, а почти все пошли на повышение". В том числе небезызвестный Ю. А. Гуртовой, который сейчас - полковник и начальник отдела по защите советского конституционного строя(!!!). Здесь же Федосеевым была преподнесена своя трактовка (или указание из Центра?) статьи 7-й: "Мы будем бороться со всеми, кто пытается захватить власть, даже конституционным путем" (имелся в виду Демократический Союз).

От ведущейся слежки за неформалами гебешники отрешивались, как черт от ладана. Но во время встречи с работниками Аэрофлота (работяги, с ними можно и не церемониться) истинное лицо КГБ приоткрылось. Тот же Гуртовой заявил: "За попытку угона самолета семьей Овечкиных из КГБ никто наказания не понес и не понесет - такая у нас система, крайнего не найдешь". А далее было сказано: "...неформалы нас интересуют лишь те, кому мы раньше выносили предостережения - это Малых, Подшивалов и некоторые другие". Вот так "не следим"! Проговорился Юрий Александрович. Да и как можно рядиться в овечью шкуру, если совсем недавно была попытка сотрудников ГБ завербовать руководителя политклуба "Демократ" Г. Дмитриева. К Дмитриеву подошел майор ГБ и прямо предложил "информировать" его о том, что происходит в неформальном движении. Более того, предложил путевку за границу, чтобы Дмитриев завязал там контакты с интересующими ГБ людьми (желательно с русскими эмигрантами).

Хорошо, Дмитриев нашел в себе силы отказаться (хотя ему была обещана помощь от КГБ деньгами и привилегии по работе). А сколько человек не нашло в себе душевных сил послать к черту работников ГБ, сколько сломалось под нажимом компроматериалов и угроз? И

это все происходит в тот момент, когда со всех трибун льются красивые слова - "перестройка", "гласность"... А ГБ слушает, да "ест". Этим летом в Иркутске в среде неформалов был выявлен агент (сексот, стукач или как там у них?) КГБ. Посмотрим, как это происходило.

"Взошла новая звезда журналистики" - так хотелось сказать, просматривая орган Иркутского обкома КПСС, газету "Восточно-Сибирская правда". Чего стоили одни заголовки - "Не так страшен черт, или снова эти неформалы", "Мемориал: взгляд изнутри", "Уйти от пустых разговоров", "Как я была агентом КГБ". Все они появились в течение двух месяцев - плодovit автор! Подписывается автор "С. Петрова", однако это не совсем так: "в миру" ее зовут Завьялова Светлана Николаевна. Возникает закономерный вопрос - для чего я раскрываю авторский псевдоним? Ответ на это мы найдем в истории жизни Петровой-Завьяловой, в частности, в г. Иркутске. Заранее приношу свои извинения за то, что не ставлю в известность "героя" о написанной статье. В это время она уже в родном Томске, а возможно и в Москве: входит в редакцию "Гласности" или квартиру члена Демократического Союза. Также приношу извинения и за использование в тексте как и своих разговоров с Петровой-Завьяловой, так и ее разговоров с другими лицами, в том числе и тех, о которых ей сейчас хочется забыть "за неимением свидетелей".

Итак, вместе с выставкой "Информатика в жизни США" в нашем заштатном городке является высокая, невзрачная девушка. Круг ее интересов очень конкретен - выставка и неформалы. К каждому, кто хоть немного известен в кругу неформалов, подходила эта "серенькая" девушка, с вытянутым личиком, похожая на десятиклассницу-отличницу, и с присущей такому старательностью в выполнении заданных уроков пыталась познакомиться и произвести впечатление. Надо сказать, что это ей удавалось неплохо. Для каждого она была своя. ДС-овцам она показывала членский билет, выданный московской организацией Демократического Союза, анархистов поражала знанием всех московских (и не только их) лидеров этого движения, ну а "зеленые" в ней просто души не чаяли. "Я корреспондент «Гласности»", - так она представилась мне. Зная всеобщее уважение в среде неформалов к журналу "Гласность", кто же мог ей отказать? "В Иркутске я работаю в «Восточно-Сибирской правде» и буду писать о неформалах. Ведь кто же лучше меня, неформала, об этом скажет?", - обычно продолжала она. И все старались излить ей наболевшее, давали читать полужагальные самиздатские журналы, показывать свои произведения с просьбами передать их в Москву, втайне надеясь увидеть их на страницах "солидных" неформальных печатных изданий.

Петрова-Завьялова никому не отказывала, для каждого находила ласковое словцо и обещала посильную помощь. Особо "открывшимся" она доверительно признавалась, что имеет контакт с Валерием Сендеровым и является членом НТС, при этом внимательно наблюдая за реакцией собеседника. Мне до сих пор непонятно, какую цель преследовала Петрова-Завьялова, представляясь членом НТС - то ли это одна из шуток-провокаций, так любимых в КГБ, то ли что-то еще, мне недоступное.

Так продолжалось почти целый год. Все ее новоявленные друзья с понятным нетерпением ожидали выхода в свет публикаций "новой звезды". Каждый надеялся - вот появится хоть одна правдивая статья,

неважно, о ДС, анархистах или "зеленых", просто о людях, участвующих в неформальном движении. Тем более, что печальный опыт знакомства с газетой был почти у всех. Заместитель главного редактора "Восточно-Сибирской правды" О. Баснин с завидной регулярностью почти два года громит всех, кто имеет смелость быть несогласным с "руководящей и направляющей"... К чести О. Баснина, он не прячется за псевдонимом, хотя вместо подписи мог бы ставить названия своих опусов - "Лицо и маска клеветника", "Наследники фиаско", "Бесовщина"...

11 мая 1989 г. появилась новая статья Петровой-Завьяловой "Не так страшен черт, или снова эти неформалы", заставившая призадуматься даже тех, кто до сих пор не считал, что журналистика, особенно советская, *первая* древнейшая профессия... Эта статья огульно обвинила "зеленых" г. Братска в неумении и нежелании работать, в грядущей борьбе за лидерство и "славу". Статья сделала свое дело: в среде "зеленых" начались взаимные упреки, подозрения, выискивание того "крайнего", кто привел эту корреспондентку к ним и какую кару он за это заслуживает. Однако мажорное окончание статьи "... существует небольшая постоянная кучка так называемых «профессиональных неформалов», которые и придают всему движению оттенок хулиганства. Но это тема другого разговора", - заставляло ожидать последующих каверз.

В то же время в Политклуб стал приходить бывший подполковник МВД Ю. Г. Шмелев, около трех лет скрывавшийся от розыска МВД и КГБ по сфабрикованным против него уголовным делам. На одном из собраний Политклуба он устроил импровизированную пресс-конференцию, честно и искренне отвечал на вопросы о фабрикации уголовных дел, о методах работы "сексотов", о расправах с неугодными людьми. Также он рассказал об истинном лице КГБ - организации, которая предаёт даже тех, кто с ней работал, как только человек стал задумываться о нужности этой организации вообще. В то время я планировал сделать статью о Шмелеве, для чего и записывал его выступление на магнитофон. Однако оговорил с ним, что делаю запись только для себя. Поэтому, когда на следующий день услышал от Петровой-Завьяловой предложение отдать ей кассету с записью выступления Юрия Георгиевича для передачи ее в КГБ, то воспринял это как не совсем удачную шутку. После этого мне пришлось выслушать лекцию о том, что и в ГБ есть хорошие люди. Короче говоря, события стали напоминать скверный шпионский роман. Все это усилилось после очередной статьи Петровой-Завьяловой "Мемориал - взгляд изнутри", которая перессорила одного из руководителей иркутского "Мемориала". Начались взаимные обвинения и междоусобица.

Теперь для углубления противоречий и внесения элементов дестабилизации в остальное неформальное движение Иркутска оставалось только перессорить между собой членов Политклуба. И такая попытка со стороны Петровой-Завьяловой была сделана. В "Восточно-Сибирской правде" появляется статья с броским заголовком - "Как я была агентом КГБ". Надо сказать, что к моменту появления статьи с "корреспонденткой «Гласности»" разговаривали уже единицы, остальные предпочитали отмалчиваться. Вероятно, это было вызвано еще и тем, что к данному моменту открылась одна подробность работы Петровой-Завьяловой в газете. Руководил ею не кто иной, как О. Баснин - "штатный писатель" по заданию КГБ. В ключе своего руко-

водителя, а значит и ГБ, была написана статья, вызвавшая бурное возмущение неформалов, да и не только их. Резко изменилось отношение к Политклубу со стороны простых людей. Неудивительно, ведь в статье он был изображен как сборщик лиц с манерой преследования, занимающихся глупостями, собирающими слухи и сплетни и даже имеющих своего "контрразведчика". Вероятно в противовес этим "маньякам" очень много места в статье отведено интервью с подполковником Ю. А. Гуртовым, и он как никогда мил и любезен.

Со страниц газеты подполковник клянется: "Неформалами мы не занимаемся". А вот 6 июля 1989 г. на встрече с работниками Аэрофлота он говорил: "О неформалах, уверяю вас, мы знаем очень много. Информация поступает, очень много информации". Возникает резонный вопрос: собирать информацию - для чего? Или, если пока не садят, значит считается, что "не занимаются"? Как говорил Фагот: "Поздравляю Вас, гражданин соврaмши!"

А как расценить такую "связку": "А ведь были факты: убедившись, что неформал «созрел», отгужали ему горы литературы специфического характера. В основном вся «макулатура» принадлежит издательству «Посев» небезызвестного Народно-трудового союза". В связи с этим вспоминаются давние слова Петровой-Завьяловой: "На выставке «Информатика в жизни США» я познакомилась с одним симпатичным гидом, мы много разговаривали, и он дал мне кучу литературы". Однако этой литературы никто не видел, хотя известно бережное отношение неформалов к литературе, особенно к "тамиздату". Где же она? Не перекочевала ли с помощью добровольной помощницы-журналистки в сейф Ю. А. Гуртового? И неужели в иркутском ГБ не знают, что за время, прошедшее между проведением американской выставки и выходом в свет газетной публикации (один год), Советский Союз издал кое-что из "макулатуры" "Посева", например, доклад Хрущева на 20 съезде, "Доктор Живаго" Пастернака?

Итак, вопросов к Петровой-Завьяловой накопилось очень много. Один из них: как можно жить в квартире (вместе) оперработника КГБ и не знать этого? В то же время, попытка кое-что выяснить у нее самой, окончилась для меня неожиданно: я приобрел в ее глазах должность контрразведчика, а мирный разговор на подоконнике превращен был, с ее слов, в "допрос с применением навыков, полученных в милиции".

Так все было свалено с больной головы на здоровую. Но прошло время, утихли страсти, и состоялся еще один "допрос" Петровой-Завьяловой, на котором она созналась, что на ГБ работать она начала еще в Томске, а затем была переброшена в Иркутск, где в анналах КГБ значилась под псевдонимом Лукьянова. После того, как Петрова-Завьялова-Лукьянова созналась, она со страниц "Восточно-Сибирской правды" со злостью обрушилась на Демократический Союз, но (то ли заговорила совесть, то ли от безысходности) уже под своим собственным именем. Однако, как мы знаем, КГБ не очень охотно заботится о своих провалившихся агентах. "Мавр сделал свое дело", - и Завьялова исчезает со страниц газеты и из города.

Однако "свято место пусто не бывает", да и эксперимент нужно продолжать. Тряхнув стариной, за перо берется полковник Гуртовой (правда, спрятавшись за всем известным псевдонимом Ю. Уваров) и публикует статью: "Чем же это пахнет?" - о попытке провоза по территории СССР художественных ценностей владельцем американской киносъемочной группы "Видео Букс Эйлайв" господином Ковачем.

Здесь видны все старые методы работы ГБ, в том числе и прямая провокация: подтащить чемодан с жидкостью для натирания к нужному для проверки чемодану (очевидно, заранее обысканному).

Но главное не это. Если художественные ценности задержаны не на таможне, то как можно заявлять (голословно!), что была попытка вывоза за границу? У ГБ почти всегда хромает логическое мышление. Разве запрещено по чьей-либо просьбе провезти хоть черта, хоть дьявола по территории СССР – за исключением предметов, запрещенных к перевозке воздушным транспортом? Как бы понравилось самому Гуртовому, если бы его чемодан незаконно вскрыли по дороге из Иркутска в Москву и сказали бы: "Вы хотите вывезти контрабанду в США"? Или это и есть "советская контрразведка?".

А вот при чем здесь НТС – хоть убей, не понятно. Если Ковач на выставке "Информатика в жизни США", проходившей под эгидой ЮСИА, раздавал литературу НТС, то это не противоречит основным международным нормам и статье 19-й Всеобщей декларации прав человека: "...свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ". Вероятно, в Иркутском КГБ не знают, что Советский Союз признал Всеобщую декларацию прав человека нормой поведения.

Далее в статье идет джентльменский набор времен застоя (речь идет о Коваче) – нападки на В. И. Ленина, клеветнические высказывания в адрес советского строя и просто "шпионаж"... Возникает резонный вопрос: журнал "Огонек" читаете? Там нападок на наш милый строй гораздо больше, чем в высказываниях любого из американцев. А уж "Московские новости" выискивают черные места нашей жизни так тщательно, что куда уж там какому-то "Посеву"! Нужно заметить, что, в отличие от наших газет и журналов, в "Посеве" содержится не только критика, но и конструктивные предложения.

Как и раньше, ГБ беспокоят слова правды, и поэтому больше всего во всех публикациях достается ЮСИА (Американскому Информационному Агентству). Вероятно, так и должно быть: ведь за двадцать лет работы в КГБ по Иркутской области здесь "выявлен" лишь один шпион (со слов Федосеева И. В. некто Московцев – шпионаж в пользу ЦРУ). Чем же еще заниматься такой "солидной" организацией? Вот и занимаются теми, кто имеет смелость хоть чем-то не согласиться с господствующим тоталитарным режимом, следят за американцами, пытающимися говорить правду. Для разумного человека (не путать с гомо советикус) все эти нападки просто смешны, все доводы нелепы, однако большинством народа печатные слова воспринимаются как истина. Не наша вина в том, что большинство не знает, как А. Марченко расшифровал аббревиатуру КГБ (Комитет, Где Бьют, или Комитет Государственных Бандитов), а свято верят в то, что каждый второй американец, приезжающий в нашу страну, – шпион или хотя бы сотрудник НТС (НТС прочно ассоциируется с подрывной деятельностью против нашего любимого соц. строя). Все это никоим образом не улучшает наших отношений с США и другими странами, а лишь способствует новой волне шпиономании.

Внимание! Судя по последним сообщениям, чекисты пошли в "народ" в Красноярске. Грядет новая волна "охоты за ведьмами", зараза начала расползаться! Внимание! КГБ подготовился – а мы? Будем бдительны!

Иркутск

Куда идем?

Игорь МОРОЗОВ

После многочисленных заявлений на различных уровнях о судьбоносности нашего времени, о переломном моменте, о революционном характере происходящих в стране процессов, действительно тяжело представить себе, что все-таки в этих заявлениях есть доля истины.

Не секрет, что апрельский переворот действительно пришел весьма вовремя, ибо в противном случае через два-три года страна получила бы настоящую гражданскую войну, пожалуй, более страшную, чем краткосрочный румынский вариант. Начавшаяся сверху серия реформ, ставящая целью "сохранить завоевания социализма", весьма преуспела на этом пути, — если иметь в виду отсрочку гибели "развитого социализма". Но заранее проиграла, если подразумевать сохранение и развитие существующей модели общественного развития. Пять лет перестройки (социализма?) лишь оттянули окончательный развал системы — за счет резкого падения жизненного уровня населения, раскручивания инфляции, некоторой либерализации в области прав человека. Жить стало хуже, но жить стало веселей. Имея при этом в виду исключительно политику гласности (но не свободы слова), либеральное отношение к неформальным организациям (исключительно аппаратно-советский термин, абсурдный сам по себе), некоторую открытость к Западу, которая облегчила возможность контактов и выезда "за бугор". Но при этом за эти пять лет окончательно стало понятно, что так дальше жить нельзя. Нельзя и далее идти путем половинчатых реформ, направленных на увеличение эффективности функционирования модели, которая априорно неэффективна на данном уровне общественного развития. Все попытки экономических реформ за эти пять лет носят половинчатый характер и уже в силу этого ничего не могут решить, лишь загоняя болезнь внутрь гигантского организма.

Ну, и куда же мы идем? Что ждет истрадавшихся людей, ставших "новой общностью" и на пятом году перестройки стреляющих друг в друга? Задумаемся над нашей дорогой.

В нынешней ситуации, когда демократические силы в парламенте практически блокированы ортодоксально-партийным большинством, которому застит глаза слово "социализм", надеяться на принятие решительных радикальных законопроектов не приходится. В этой ситуации деятельность левых сил оказывается практически замкнутой на самих себя. Они все более и более радикализируются, что отнюдь не ведет, что вполне закономерно, к нормальному диалогу в рамках Верховного Совета Союза. Их разумные предложения все более и более становятся красной тряпкой консолидирующихся в парламенте правых, прокоммунистических сил. На этом фоне принятие реформ, направленных на реальное оздоровление экономики, перевод ее на рыночные рельсы, возврат к нормальным общемировым приоритетам,

весьма затруднены. Более того, имея правое правительство (а практически в Совете Министров собрались прокоммунистические твердолобые хозяйственники-чиновники, выдвинутые в период Великого Благоденствия под руководством Незабвенного Л. И. Брежнева), руководимое центристом Рыжковым, довольно тяжело надеяться на реальное движение народного хозяйства страны к здоровой системе, основанной на рыночных отношениях. Более того, стали реже слышны и разговоры даже о "социалистическом рынке" (что это такое и чем это отличается от просто рынка, не может объяснить, пожалуй, и вся "команда Рыжкова" под руководством Абалкина).

В народе все громче слышны призывы назад, к Брежневу, к застою. Все громче крики снизу о необходимости прекратить "всякие экономические эксперименты", вернуться "к испытанным ценностям социализма", требования "жесткой руки".

Действительно, общественное мнение все более и более склоняется (особенно в провинции) к необходимости директивно-административного социализма, с сильным центром, способным "добиться порядка в стране", к талонно-распределительному варианту экономики. Таким образом, весьма вероятно, на следующих выборах парламент еще сильнее поправает. В результате чего возможен вариант, когда правительство, обратившись в очередной раз с просьбой предоставить ему чрезвычайные полномочия, получит их. Далее мы пойдем по накатанному пути: кто не с нами - тот против нас. А как известно, с врагами у нас традиционно не церемонятся. И будет у нас наведен порядок в очередной раз. И останется весь мир с носом, а мы - с атомной бомбой в одной руке, с кратким курсом ВКП(б) - в другой, со злобой в глазах и с голодом в желудке, по колено в крови и за колючей проволокой. Враги перестройки будут уничтожены, и мы перестроимся надолго вперед - по сталинскому варианту.

К счастью, возможен и другой вариант. Но только в том случае, если получившие наконец определенную свободу действий леворадикальные движения *реально* смогут:

- Во-первых, взять власть в свои руки. И оказавшись таким образом у руля государства, начать долгожданные экономические преобразования. Тем самым, в течение одного-двух лет, при условии значительного представительства левых элементов на всех уровнях государственной власти (как законодательной, так и исполнительной) и их строгой консолидации (учитывая довольно серьезное единство в рядах коммунистов, которые, теряя райкомовскую власть, сейчас ползут во власть государственную), демократические силы дадут стране впервые за 70 лет вдохнуть воздух демократических свобод. А можно быть уверенным, что свободное предпринимательство, получив хоть какие-то гарантии на большую долгосрочность своего существования, сможет удовлетворить потребности сейчас ненасытного рынка.

Конечно, жить станет тяжелее - в том смысле, что исчезнет "всеобщая занятость", что появятся "богатые и бедные", что исчезнет "постоянно растущая заработная плата трудящихся". Да, это будет. Но разве нет этого сейчас? Разве у нас нет безработицы? Да безработных только по Средней Азии и Закавказью - миллионы и миллионы. Разве нет у нас и сейчас нуворишей на черных "волгах" у мраморных дворцов и нищих на вокзалах и в переходах метро? И

можно ли назвать заработной платой те подачки, которые швыряет со своего стола государственно-партийный аппарат всем действительно трудящимся? Можно быть строго уверенным в одном - такой "социализм" нам не нужен!

Если можно получать среднюю зарплату в 210-220 рублей (у большинства значительно меньше) и не иметь возможности ее отоварить (даже на черном рынке сейчас практически ничего нет; вернее, цены на то, что есть, дичайшие: цветной телевизор 1100-1400 рублей, стиральная машина - 400-1000 рублей, видеомагнитофон - 2400-2800 рублей; что же говорить об импортных товарах: обувь мужская - 90-240 руб., женская - 140 и до бесконечности руб. и т. д.), при этом гордиться, что тебя "не эксплуатируют" (интересно, а что делают парт- и госаппараты в течение 70 лет?), не лучше ли получать раза в 2-3 больше (реальные простейшие подсчеты показывают такую возможность) при условии, что кто-то (может, и ты тоже) более предпримчивый будет получать еще больше. Если людям дадут вздохнуть воздухом рынка, то демократы выполнят и вторую задачу.

- Во-вторых, они завоеуют поддержку значительного числа людей. Демократические перемены в нашей стране получают настоящую широкую народную поддержку и перестанут быть "политикой перестройки", проводимой мудрыми людьми с трибун партийных форумов.

Но также возможен и третий путь, когда леворадикалам не удастся взять власть в свои руки демократическим путем. Тогда они могут взять ее силой и, не имея поддержки народа, начать на штыках проводить рыночно-демократические экономические преобразования. Но это было бы возможно в СССР, если бы на руководящих постах в армии реально находилась группа лиц с твердыми демократическими убеждениями и критически оценивающая потенциальные возможности Верховного Совета СССР, КПСС и демократических леворадикальных движений. Более того, эти люди должны представлять себе хорошо и экономическую косность большинства населения СССР, и то, что военная диктатура (демократически ориентированная, но жесткая, если не жестокая в подавлении сопротивления) надолго в истории окажется окрашена в сознании потомков (большинства их) в черный цвет. Ярчайшие тому примеры: Франко - выведший страну с задворков Европы и коммунистического болота на арену передовых промышленно-развитых стран; и Пиночет, - заставивший страну в течение 15 лет в крови и колючей проволоке построить то, что сейчас в Латинской Америке называют "чилийским экономическим чудом". Да, эти люди сильно подняли в своих странах коммунистическое движение, открытый антиправительственный терроризм, ненависть в сердцах своих сограждан. Но, что важнее, - рынок, развитую экономику, серьезный благополучный уровень жизни высоко развитых стран.

Так может и стоит все это того национального многолетнего позора, который терпели эти народы в течение десятилетий, этих лет национального унижения? Кто скажет?

Куда идем? Куда придем? И что самое главное - когда?

Ленинград, март

Дети - наше будущее

Карина НАДЕЖДИНА

Как живет советская семья, имеющая одного-двух детей? А многодетная семья, у которой четверо или более детей? Это большой вопрос, и он близок мне, так как в моей семье пятеро детей. Старшей дочери 16 лет, сыну - 11, трем маленьким дочерям - 6, 4 и 3 года.

Проблемы начинаются с самого начала зародившейся жизни. Беременная женщина приходит в женскую консультацию к специалисту гинекологу, и тот, вместе с другим таким же специалистом, откровенно обкрадывает ее, назначая день родов на 2-3 недели после физиологически возможного дня. Природа ждать не может, и ребенок рождается, не дождавшись назначенного врачами дня рождения. Мать же в результате такой комбинации врачей лишается двух-трех недель дородового отпуска. Так, лично мне каждый раз врачи тоже укорачивали дородовой отпуск. И это не случайность, а какая-то непонятная система. То ли премию им за это платят, то ли при поступлении на работу врачи дают подписку - уменьшать дородовой отпуск, непонятно.

Но что какой-то там отпуск по сравнению со здоровьем и жизнью будущего ребенка и матери! Роды же в советском роддоме представляют собой серьезное испытание для здоровья и жизни женщины и ребенка. Врачи, акушерки, санитарки грубы и порой циничны. Белья выдают мало, и приходится платить за каждую лишнюю пеленку. Несмотря на усилия врачей, нагрузка на роддом, значительно превышающая допустимые нормы, не позволяет соблюсти требования антисептики. В результате неизбежно заражение стрептококковой инфекцией и женщины, и младенца. Жизнь обоих подвергается смертельной опасности.

В последние годы в мире распространилась чума XX века - СПИД. Более других стран не подготовленным к борьбе со СПИДом оказался СССР. Из-за закрытости СССР СПИД пришел к нам позже, чем в другие страны, и распространился меньше. По недавно обнародованной статистике, в СССР всего 230 больных СПИДом, не много для такой огромной страны. Но ужасает другая цифра статистики: 50% заболевших СПИДом - дети. Все эти дети заражены врачами из-за отсутствия одноразовых шприцев. У медиков нет возможности помочь семье избавиться от перспективы родить больного ребенка. Даже в крупных городах нет оборудования: отечественного не существует, на импортное нет валюты.

Судьба хранила меня: все мои пятеро детей родились здоровыми. Семья же, в которой родился больной ребенок, вынуждена сдавать его в интернат для детей-инвалидов, где он будет жить, а точнее существовать в совершенно скотских условиях. Или же оставить ребенка в семье: мучиться самим родителям и мучить дитя. Ведь у советской семьи нет никакой возможности нормально вырастить такого ребенка. Матери приходится не работать, зарплаты отца не

хватает, инвалидных колясок не существует. Ребенок все время лежит или сидит в квартире. Но это — отдельная тема. Что говорить о тяжелой жизни детей-инвалидов, когда она не намного лучше и у здоровых детей?

При рождении первого ребенка мать получает от профсоюза материальную помощь — 50 рублей, при рождении второго и третьего — по 100 рублей. При рождении четвертого и последующих детей профсоюз материальную помощь не оказывает. Такую помощь предоставляет районный отдел социального обеспечения (собес). Вероятно, в наказание, чтоб не плодились без меры, помощь на четвертого ребенка составляет 65 рублей одновременно и 4 рубля в месяц с одного года до пяти лет. Помощь на пятого ребенка составляет соответственно 75 рублей и 6 рублей в месяц. Дальнейшую шкалу точно привести не могу. К этим оплатам добавляется материальная помощь по уходу за грудным ребенком — 35 рублей в месяц. Она оплачивается по окончании послеродового отпуска до полутора лет. Не случайно, получая такую "колоссальную" помощь, многие женщины лишаются грудного молока. И тогда возникает проблема проблем: чем кормить крошку?!

Многие и многие продукты в Советском Союзе загрязнены от неразумного применения гербицидов, пестицидов, минеральных удобрений, ядохимикатов и, наконец, от радиации. Детский ассортимент продуктов необыкновенно беден, в магазинах может найтись одно-два наименования. Скорее всего там можно найти смесь "Малыш", вот и весь ассортимент. Вообще набор продуктов в Советском Союзе настолько беден, что человек, не увидевший это своими глазами, постичь не сможет, поэтому не стану зря тратить слов. Но и те продукты, которые имеются, в большинстве своем не пригодны к употреблению. А меры, предпринимаемые для контроля этой пригодности, катастрофически недостаточны.

Как это ни покажется странным, даже кошунственным, но интересы производителей продуктов ставятся выше интересов здоровья населения. Поэтому повсеместно принимаются так называемые "Временные нормы загрязнения продуктов вредными для здоровья веществами". Они зачастую превышают международные нормы в сотни раз. Так, в г. Гомеле, к примеру, действует молочный завод, который производит свою продукцию из молока, полученного на загрязненной радиацией территории Гомельской области. Кроме таких скоропортящихся продуктов, как молоко, кефир, творог, реализующихся здесь же в Гомеле, завод выпускает сгущенное молоко, майонез и тому подобные продукты, реализуемые не только в Гомеле и других городах Белоруссии, но эти продукты Гомельский завод по договорам поставляет и в другие города СССР, в том числе и в Москву. Для того, чтобы эта продукция реализовывалась, штамп производителя Гомельский завод ставит только на ящичной таре, на самих же банках написано, что продукт сделан в Москве. Откровенное преступление, но его никто не пресекает.

О самой Белоруссии надо писать отдельно, это огромная страшная тема. Но и в любой другой точке СССР, покупая продукты, мать не знает, какой вред она может нанести этим продуктом своему ребенку.

В то же время в Советском Союзе существуют специальные поля, где без удобрений выращивают продукты, которыми питаются, как у нас говорят, "представители высшего эшелона власти" — партийной,

советской, профсоюзной и иже с ними. Существуют специальные заводы, на которых для этой власти по особым рецептам изготавливаются, так сказать, солёности и копчёности. Существует отдельное здравоохранение, которое в годы перестройки приняло только более благопристойный вид. Раньше оно было отдано IV-му Спецуправлению, а теперь оно "ведомственное". Но изменилось только название, суть осталась та же. Например, в огромном здании размещен спецроддом, рассчитанный на 56 мест. В такое здание простых роженец поместили бы 560. Существует даже специальный лагерь для отбывания срока тем представителям этой власти, которых осудил суд. Существует еще много, очень много самых разных привилегий, которые у нормального человека вызывают не только удивление и возмущение; на фоне всеобщей нищеты и бедствий народа эти привилегии вызывают элементарную брезгливость. Можно, оказывается, нашему правительству мягко спать, сладко есть-пить и даже время от времени разыгрывать на международной арене роль гуманистов, отсылая в горячие точки земли мелкие подачки в виде медикаментов или продуктов, которых не купишь в Советском Союзе, так как аптеки пусты, а одежды и обуви, продуктов питания катастрофически не хватает. Советские власти делаются с бедствующими народами, конечно, не своими спецпродуктами, а продуктами, снятыми с и без того пустых полок магазинов, обделяя советских детей, усугубляя и без того тяжелое положение советской семьи.

Перспектив на улучшение в будущем также нет. Недавно наш президент М. Горбачев заявил, что предпринимаются меры для большей защищенности слабообеспеченных слоев, но тут же добавил, что это не означает поощрение "иждивенчества и безответственности". Он прав: заболеть, родить детей, сосуществовать в Советском Союзе — это большая безответственность и попытка к иждивенчеству. И чтобы покарать такую попытку, готовится новый закон о налогах, в котором не учитывается количество иждивенцев. Этот закон станет очередным ударом по семье.

"Пожно понимаемое "равноправие" женщины лишь закрепощает ее, заставляет работать наравне с мужчиной и нести, сверх того, тяготы хозяйки дома. Подлинное раскрепощение женщины заключается в предоставлении ей всех общегражданских прав и в создании условий, когда женщина может заниматься любым удовлетворяющим ее трудом, но не вынуждена работать в нежелательных и несвойственных ей областях...

Общество и государство приходят на помощь вступающим в брак, семьям с детьми, а также одиноким женщинам-матерям, оказывая материальную поддержку и предоставляя налоговые и иные льготы.

Пособия на детей должны быть достаточны для выравнивания семейного бюджета, чтобы дети были радостью, а не обузой, чтобы безбедное существование семьи было обеспечено и без работы матери. С другой стороны, обширная сеть яслей и детских садов должна дать желающим матерям возможность продолжать работать по специальности полный или сокращенный день."

(*"Программа НТС", изд. "Посев", 1975*)

Новая Иванькиада на Сивцевом Вражке

Михаил ГОРБАНЕВСКИЙ

Московский журнал "Дружба народов" и его главный редактор Сергей Баруздин сделали, несомненно, благое дело, отдав практически весь двенадцатый номер той литературе, которую раньше было "нельзя", а теперь стало "можно"... Анонимное обращение к читателю (от редакции??), предвещающее "отверженные имена и запрещенные произведения", носит название "Спектр возвращения". Метафора неплохая (если иметь в виду жанровое многообразие опубликованных текстов), но и не совсем удачная (если говорить об ожидавшемся философском и политическом многоцветье).

Впрочем, последнее сетование относится, разумеется, не к труду работников журнала. *Спектрометр*, как мы знаем, еще существует: "это - можно, это - печатать, извините, пока нельзя, а вот об этом произведении, авторе и т. п. - даже и не заикайтесь!" Лаборанты (отнюдь не в белых халатах) у этого спектрометра любопытной общественности тоже известны, и если не всегда индивидуально, то хотя бы их общей цеховой эмблемой, священной метой: ЦК КПСС... КГБ СССР... СП СССР...

Однако тенденция к возможному и всевозможным послаблениям налицо. И вот уже в первопрестольной становится все более и более модной устная и письменная либерально-диссидентская мемуаристика. ОДИН небрежно рассказывает, как он с Галичем "на грудь принимал". ДРУГОЙ, поднатужившись, вспоминает, что какое-то письмо протеста ему, ей-Богу, приносили подписывать, жаль, что ручки как назло в тот момент с собой не оказалось, но начальство потом смотрело, ну, *очень* косо. ТРЕТИЙ совершенно неожиданно выдает страшную тайну: именно он и никто другой бегал в "Канцтовары" за краской для Натальи Горбаневской, которой она лозунги перед 25 августа 1988 г. писала, а потом ребятам своим раздавала, и он двадцать лет прятал от вездесущего КГБ засохший тюбик...

Впрочем, мода на эту мемуаристику не так уж опасна для нравов, поскольку находится где-то промеж моды на сеансы Кашпировского, увлечениями генеалогией Раисы Горбачевой, поисками зеленых человечков из НЛО и оздоровительной гимнастикой у-шу (о городскопах, за которыми даже народные депутаты СССР встают в очередь в киоск в холле гостиницы, я уже не говорю, - это само собой разумеющаяся мода, столь же перманентная ныне, как и теория революции Льва Троцкого). Но речь не об этом.

Двенадцатый номер "Дружбы народов" за 1989 год - акция заметная и, повторяю, благая. Ведь читатель (тираж журнала был 1.135.000 экземпляров, правда, в текущем году упал процентов на 30...) получил возможность познакомиться со стихами Томаса Венцловы, интервью с Эрнстом Неизвестным, дневниками Владимира Винниченко, лирикой Юрия Кублановского, с окончанием "Железной жен-

щины" Нины Берберовой. Не знаю - как для кого, но для меня "гвоздь" номера - несравненная "Иванькиада" Владимира Войновича, читанная допрежь того в полуслепых копиях "Самиздата" или приплавлявшая на полноточных радиоволнах западного эфира.

Помимо прочих достоинств, о которых, без сомнения, знает и сам ныне среброгривый автор повести, а также немалая плеяда критиков (в основном не являющихся членами Союза писателей СССР), есть у "Иванькиады" еще одно достоинство - ранее не известное даже ЦРУ. Уж не думаете ли вы, что о ребятах из Лэнгли я упомянул просто так, ради красного словца? Или же для того, чтобы не слишком сильно обижались ребята с Лубянки, ведь в начале рассказа речь о них была? Ничего подобного.

В декабре 1989 г. именно "Иванькиада" помогла мне раскрыть одну из строжайше засекреченных экономических программ Кремля. И, поскольку никакой подписки на сей счет я не давал, об этой-то жуткой тайне я и хочу вам сейчас рассказать.

Если вы помните, герой повести "Иванькиада", крупный советский издатель и политработник от литературной инфантерии Сергей Сергеевич Иванько возжелал улучшить свой скромный быт - стесненные, по его разумению, жилищные условия. Сам же быт уже был обустроен многочисленным импортом, самолично доставленным Иванько с гниющего и до сих пор империалистического Запада. Среди того импорта был и "какой-то неопикуемый унитаз, о котором в среде литературной общечеловечности слогались легенды". Слегка задыхаясь от материального изобилия, задумал образцовый советский сытинец-издатель Иванько прирезать комматенку от другой квартиры. Но апартаменты же эти одновременно покушался и покусились стойкий и последовательный чонкинцев Войнович, да еще с беременной женой, правда - не еврей... Перипетии начавшейся борьбы между диссидентствующим писателем и образцовым представителем славной советской номенклатуры - чтение не просто увлекательное. Оно, как оказывается, дает пищу для озарений и открытий.

В конце повести Войнович подводит краткий социально-философский эпилог победе, которую он все-таки смог одержать над любителем импортных унитазов. Владимир Николаевич упоминает о том, что его бывший супротивник отбыл в служебную командировку в США. На шестилетний срок. По линии МВД. Нам же, читателям, Войнович намекает, что в Штатах неутомимый Иванько несомненно обогатит себя новым унитазом - то ли стереофоническим, то ли таким, который перерабатывает поглощаемое им сырье в чистое золото.

Бывший член Союза советских писателей В. Войнович выстрадал и создал свою повесть в 1973-1975 годах. Бьюсь об заклад, что тогда, в середине семидесятых, в глубинах загадочной славянской души Николая Ивановича Рыжкова бурлили разнообразнейшие противоречия, доходившие даже до полулиберальных размышлений. Это было тем более возможно, поскольку пребывал он в гораздо более скромной (по сравнению с нынешним постом премьера страны) должности - генерального директора ПО "Уралмаш". Вот тогда-то, "во дни сомнений, во дни тягостных раздумий", как теперь остается предполагать, используя тургеневские образы, свердловские диссиденты, с которыми явно яхшался генеральный директор, и подбросили ему на ночь свеженькую повесть Войновича.

Почему я говорю так уверенно - "на ночь"? Ну, во-первых, именно так читали самиздатскую литературу: сказывался дефицит

времени ("другие тоже хотят"). Во-вторых, известно, что великие озарения выдающихся людей посещают в *ночные* часы.

Да, господа, позвольте мне иметь смелость и наглость считать, что именно темной (или все-таки снежной?) ночью сделал Николай Иванович Рыжков открытие. Нет, напишу с большой буквы - Открытие. Ибо дано ему было узнать, КАК в тысячи раз увеличить золотой запас страны и тем самым резко повысить ее благосостояние. Конечно, вы можете сказать, что в ту пору нас еще убавкивали сибирские нефтедоллары. Но будущий верный продолжатель дела всех премьеров Страны Советов - от Ленина до Тихонова - еще на "Уралмаше" морщил лоб в поисках ответа на вопрос: как сделать так, чтобы жить стало лучше, чтобы жить стало веселее? И осуществить сие при сохранении имеющихся форм собственности и шестой статьи конституции (которая, правда, тогда существовала еще не в тексте Основного Закона, а в воспаленном склерозом мозгу Леонида Ильича, всей душой откликнувшегося на призывы партаппарата узаконить таким образом сытые привилегии...).

Открытие было страшной тайной, которую Н. И. Рыжков начал хранить пуще зеницы кристального большевистского ока, ибо значительность открывавшихся перспектив для несомненно будущей победы социалистического строя в его беспощадном экономическом споре с капитализмом была просто грандиозна. Все это было так грандиозно и настолько судьбоносно (если использовать одну из любимых метафор ставропольского комбайнера-юмориста), что генеральный директор "Уралмаша" поступился партийными принципами и не доверил тайну своему тогдашнему непосредственному духовному наставнику - секретарю Свердловского обкома КПСС Борису Николаевичу Ельцину. Думаю, дело не только в том, что свой секрет Рыжков хотел приберечь на будущее. Нет! Видать, уже тогда, в 1975-м, углядел он сквозь стандартную коросту партаппаратчика какую-то не нашу гнильцу в душе Бориса Николаевича, этокое родимое пятнышко будущего наглого популиста, оскорбителя венценосных дам: ведь на таких дворовые шавки типа брехливого Егорки зря истощно лаять не будут! Так и уехал со своей жуткой тайной Николай Иванович в Москву, покорять ее, матушку, - все в том же семьдесят пятом. И покорил!

И спустя почти полтора десятка лет мы, скромные телезрители шоу под названием "2-ой Съезд Народных Депутатов", не ведали, что именно то давнее открытие придало тов. Рыжкову такую непоколебимую уверенность в споре с народными избранниками. Помните, как смело и почти бесшабашно отстаивал экономическую программу правительства наш премьер? Ведь Николаю Ивановичу был явно тьфу-нипочем даже взявшийся ни с того ни с сего диссидентствовать, а заодно и подковыривать премьера уважаемый академик Арбатов. Ну, у Георгия Аркадьевича Арбатова, когда-то ходившего в камергерах на Старой площади при дворе Леонида I (кандидат в члены ЦК КПСС с 1976 года, член ЦРК КПСС в 1971-1976 гг., а полноправный фаллос ЦК с 1981 года), могут быть, согласитесь, свои, невидимые миру народных депутатов слезы, равно как и амбиции. А вот других оппонентов Рыжкова нам, телезрителям, было просто жаль. Ведь они, народные избранники, так и не поняли очевидной истины: даже талантливый и самый народный скрипач есть ноль, ЗЕРО по сравнению с главным дирижером, особенно если взращен он

на тучных ставропольских нивах. А какой же дирижер даст в обиду своего "примерно-премьерного" распорядителя?..

Черт побери, господа-товарищи, мы с вами даже не поняли, насколько близко, насколько возможно и чуть ли не осязаемо было торжество социализма как экономической модели. Эх!..

Все было бы тип-топ, отлично то есть, и золота бы у кабинета Рыжкова (прошу прощения, каламбур случайный), то есть у правительства Эс-Эс-Эс-Эр было бы в достатке, а то и навало, если не случился бы вдруг элементарный облом. А виновата во всем эта самая гласность, мать ее!..

В самом центре Москвы, в районе загадочно-престижной улицы Сивцев Вражек выстроен был некий дом. Номер 20 дробь 22. Этакое потрясающее, но скромное многоквартирное жилье, призванное дополнить еще одной черточкой понятие "Сивцев Вражек" - одно из главных достижений КПСС за истекшие более чем 70 лет существования самого справедливого социального строя на планете. Ведь времена, когда здесь действительно был маленький овраг, в котором текла речка Сивка, давно канули в Лету. Или в Москва-реку. Ныне же место сие славится спецполиклиникой № 1, чудо-аптекой (тоже "спец"), прекрасными жилыми домами для рядовой советской элиты (напомню: есть и не рядовая), до недавних пор - и роддомом, в котором на свет произведено было, думаю, эдак процентов 99 советских номенклатурных чад (от глаз народных роддом перебазируется в Кунцево, за крепкую ограду ЦКБ, в новое здание).

Конечно, для пресыщенного (по слухам) западного обывателя домик этот, может быть, и просто рядовой *иммёблэ*. А вот для изголодавшихся даже по полуприличному жилью москвичей - *дворец*. Ведь москвичи, как известно, со времен истории любви Мастера и Маргариты испортились еще больше. Ну, а квартирный вопрос поспособствовал тому (и немало!) уже после визита в первопрестольную мессира Воланда.

Одним словом, построили тут, на Сивцевом, а заодно и на пятом году перестройки, еще один высокономенклатурный жилой дом. Не скажу уж теперь точно, каких именно шишкарей собирались в него заселить - партийных, советских, министерских, или каких других ответственных. Успели даже протянуть к дому глубоко засекреченные (разумеется, *глубоко* лишь в прямом смысле) линии правительственной телефонной связи. Да, той самой "вертушки". Однако...

Однако совершенно неожиданно практически для всех, включая даже самые демократические круги партии "Демократический союз", небольшой отряд московского строительного пролетариата - бригада СМУ-201 - вспомнил бессмертные строки "Интернационала" - "...но паразиты никогда". Произошло это, думаю, тоже не без косвенного влияния В. Войновича, ибо и его труд в какой-то мере влился в общий труд республики. В работу по прочистке и пробивке закалцинированных страхом, стереотипами и новоявленными советскими мифами-символами мозговых извилин каждого из нас.

Короче говоря, наслушавшись еще раз разговоров о кандидатах в будущие жильцы этого шикарного дома и явно не без ощущения некоего контраста с собственными жилищными условиями, рабочие-строители направили "телегу" в перестроечно-либеральный еженедельник "Аргументы и факты". Письмо под названием "Дом, который..." опубликовано в № 26 за 1989 год. Наделало оно уйму шума, а заодно и прибавило еженедельнику новых врагов в "верхах". Одновре-

менно стройпролетарии позвонили по "телефону гласности" - в популярную телепрограмму "Взгляд". И здесь события тоже не замедлили произойти. Шустрые телеребята с пристальным взглядом (который пока не стал ощутимо ближе к взглядам Горбачева, чего тот, мягко говоря, жестковато посоветовал и пожелал в эксклюзивном интервью "Взгляду" еще до президентства) приехали и с большим удовольствием сделали сюжет для своей передачи. О, ужас! Он прошел даже в кастрируемый "по-ненашевски" эфир - на весь Союз и "за бугор"...

Как же быть?!

Не знаю, кто именно первым крикнул "Эврика!" и предложил отдать дом... народным депутатам СССР. Точнее, - членам Верховного Совета. Иначе говоря - народным депутатам со знаком качества. Уж простите, не буду вдаваться в анализ возможных козней и хитроумных планов лиц, власть предрежающих, в связи с этим решением. Хотя сколько же, право, можно избранныкам народным из других, не московских весей и краев, видимо, сырым, холодным и голодным мыкаться по гостиницам чуть ли не как беженцам? Возможность поселиться на Сивцевом Вражке, как утверждают злые языки, вызвала определенный ажиотаж, переполох и волнения (более сильные, чем обсуждение закона об аренде), дошедшие чуть ли не до разброда среди когорт, плеяд, тусовок и землячеств уважаемых членов Верховного Совета. Да стоит ли тому удивляться?

Тогда, на том этапе секретный протокол к экономической программе правительства СССР, предлагавший на основе открытия Н. И. Рыжкова пути резкого увеличения золотого запаса страны, еще имел шанс. Еще имел реальную возможность воплотиться в конкретные решения и даже - не побоюсь этого выражения! - претвориться в жизнь... Но произошел еще один облом. И опять тут вмешалась гласность, мать ее...

Проект постановления о заселении дома на Сивцевом Вражке советскими парламентариями (в условиях пусть даже ограниченной свободы слова и стремления увидеть хотя бы издали дорожный указатель "К правовому и демократическому государству") был признан не вполне парламентским. Аргументы "Аргументов" оказались весомее, а "Взгляд" по взглядам стал еще ближе к народу...

Короче говоря, жильцами *иммёбля* решили сделать инвалидов и участников афганской войны и многодетные семьи москвичей. После забастовок на севере, юге и востоке страны, после слепящего многоцветья старо-новых национальных флагов, после осуждения даже *этим* составом народных депутатов интервенции в Афганистане и прочих расстройств ее величество Система явно сблелднула с лица. Но с заселением перестроечных жильцов возникала новая проблема: а золото - то по рецепту Рыжкова тогда, простите, откуда брать?

Последовавшая за сим акция по энергичности, простоте и быстроте напоминала имевшую в свое время место эвакуацию советских материальных и военных ценностей из б. дружественной Албании. Операцию по приказу из какого-то кремлевского *палаццо* осуществили солдаты, что стало своеобразным и символическим штрихом к портрету доблестных Вооруженных Сил СССР образца 1989 года. Конечно, солдаты, не рабочие же! Какое же доверие работягам после того, как они стукнули на власти "Аргументам" и "Взгляду"?! Да и вообще, после Воркуты, Донбасса и Кузбасса приходится быть со всеми ними осмотрительнее. А то, глядишь, - глазом не успеешь

моргнуть, как где-нибудь в центре Москвы выкопают гегемоны "Нововаргашорскую", а под ее терриконами пару-тройку "ЗИЛов" и "Чаек" упрячут. Так сказать, в назидание... И вот уже немногочисленные прохожие на тихой улице Сивцев Вражек наблюдают интересную картину эры перестройки – как brave защитники Отчизны в спешном порядке выносят из подъездов престижного дома высшего качества импортные, разноцветные унитазы, раковины и прочую сантехнику, а заносят и устанавливают заново другое оборудование – уже не священное *спец*! Ой, даже страшно подумать, чтобы в столице страны самого передового и справедливого общественного строя многодетная, но не привилегированная мама и ее чада могли осквернить, например, чисткой зубов по утрам *спецраковину*!

Вам нужны свидетели? Ну, полно, господа, *пароль д'оннёр*, все так и было. Зрители на данное мероприятие прибывали даже специально! Эдакая уже несколько необычная и в нравственном отношении слегка сомнительная для страны перестроечных лозунгов операция вызвала взрыв искреннего человеческого интереса даже у технических сотрудников близлежащей спецполиклиники № 1. Они действительно пожелали увидеть сие деяние наяву. Да, речь идет о техническом персонале той самой поликлиники, что все еще радуется *прикрепленным* к ней абсолютно рядовых представителей скромной советской элиты как качеством сервиса, наличием импортной диагностической аппаратуры, дефицитными лекарствами, так и картинами, коврами, умопомрачительными люстрами, лишь немногим уступающими люстре Большого театра. Правда, нужна тут одна оговорка. Говорят, что тутошние невропатологи тревожатся за свою будущность. Ведь их усилия помочь *прикрепленным* гражданам тщетны. Даже патентованные швейцарские снотворные средства не помогают спецпациентам избавиться от кошмарных снов, в которых их то ли преследуют, то ли душат, то ли раздевают до нитки бандиты с большой дороги со странными, немного похожими на неприличные в советском высшем свете слова кличками – Собчак, Станкевич, Травкин, Попов, Старовойтова, Афанасьев...

Так что же очевидцы? Должен сказать, что даже выдавшие виды пожилые женщины из "обслуги" спецпациентов поликлиники на Сивцевом Вражке были шокированы беспардонной операцией по изъятию престижных унитазов. Операцией, совершившейся, повторяю, тогда, когда стало известно: дом придется-таки отдать *массам*.

Узнав об "унитазном деле", я первым делом попробовал связаться со "Взглядом". Благо, мне как журналисту уже доводилось выступать в качестве автора сюжета для этой программы. Дело даже не в приоритете "взглядовских" телеребят, первыми (на телеэкране) поставивших принародно под сомнение чистоту белья "верхов" в истории с привилегированным домом. Дело в популярности программы. Анатолий Лысенко, художественный руководитель ее, в декабрьском интервью "Комсомольской правде" назвал "Взгляд"... "индикатором гласности". Это в значительной мере верно, хотя тезис Анатолия Григорьевича и не лишен налета политического кокетства.

Увы! Телефон 215-37-35 в кабинете № 31 на 12 этаже Останкинского телецентра стойко не отзывался. "Взгляду" тогда было совсем не до проблем Сивцева Вражка. Рулоны с записью предновогодней программы подверглись изъятию (по сообщениям официальной и цензурной прессы – прямо из студии), выход в эфир телеребятам запретили, а на гласность 28 декабря 1989 г. (примечание для лето-

писцев перестройки) тем самым накинута очередная намордник. И дали понять: гласность и свобода слова – вещи разные...

О некоторые причинах нового советского политического инцидента, быстро замятого официозной прессой, сообщил 30 декабря ершистая газета "Московский комсомолец" в заметке с несколько неожиданным, просто непривычным для советской официальной периодики заголовком – "ВЗГЛЯД" АРЕСТОВАН. Но мне удалось узнать и то, о чем газета не упомянула (не смогла отказать похотливому Главлиту?): "Взгляд" планировал посвятить первую часть своего эфирного времени в предновогоднем выпуске памяти Андрея Дмитриевича Сахарова. Радостно отпраздновавшая свою тризну по покойному академику Система на такое пойти, разумеется, не могла...

Кому повем печаль свою?

После ощутимого поправления Михаила 2-го на последнем Съезде народных депутатов и таких "мелочей", как, например, введение в новый Президентский совет российского патриота Валентина Распутина (вот уж правда: у каждой царицы, видимо, должен быть свой Распутин...), мне трудно питать надежду, что "антипривилегировочная" история с сантехником из дома на Сивцевом Вражке, а уж тем более – байка о секретных протоколах к экономической программе советского правительства всерьез заинтересует какой-нибудь официальный столичный журнал или газету.

Можно, конечно, попробовать себя в неофициальной печати. Вот есть, например, "Демократ" – как назвал свое детище его главный редактор Станислав Дергунов – "российский ежемесячный независимый журнал". Но в России без блата даже неформалом не станешь, а уж об авторстве в "Демократе" без серьезной протекции и помышлять нельзя...

А может быть, отправить памфлет "за бугор", в какое-нибудь русскоязычное издание? Тем более, что в отсутствие приснопамятного 5-го Управления КГБ и благодаря расторопным мальчишкам с Пушкинской площади, некоторые из тамошних изданий все чаще доходят до заинтересованного московского читателя. Пусть не в оригинале, а в виде ксероксов. Но ведь – качественных. Да и со скидкой. Ведь родной зеленый трешник за ксерокс одного номера "Русской мысли" вовсе не эквивалентен тем семи полновесным франковым монетам, которые пришлось бы выложить за тот же номер "в большом и радостном" Париже. Даже по "свободному" горбачевскому курсу франка, до трупов раздвигавшему выезжающих на Запад, все равно получается, что на Пушкинской площади "Русская мысль" – дешевле. А вот за ксерокопию "Посева" запрашивают уже по пятирику; но все равно не задумываюсь, беру – тем более, что семи бундесмарок у меня все равно нет и не будет. Правда, ксерокс "Посева" достаточно аккуратно обрезают и сброшюрован под оригинал.

Ой, чувствую я, что возьмете вы меня сейчас за горло: хватит, мол, баки нам забивать и лапшу антидиссидентскую на уши вешать! Подавай сюда копии секретного рыжковского протокола (или пакта Войнович – Рыжков?)... Что за озарение за такое посетил нынешнего премьера в бывшем Екатеринбурге? И не тени ли убиенного царя-батюшки, царицы-матушки, царевен и наследника у стен Ипатьевского дома нашептали что-то генеральному директору "Уралмаша"? И не за то ли, кстати, позже разрушил тот трагический дом до основания партийный екатеринбургский воевода Борис Ельцин? Рассказывай все, как на духу!

Охотно, господа. Только тайна это действительно не моя, а герра Войновича и товарища Рыжкова. И, чтобы ее наконец полностью обнародовать, нужно нам вернуться к тому, с чего начали. К "Иванькиаде". Правда, я и сам вам могу претензии в недогадливости предъявить. Ведь уже три раза прямым текстом намекал, а вы все никак в толк взять не можете. Ну, прямо как ребята из Лэнгли. Или с Лубянки.

Специниста в советском элитарном доме позволяет переработать поглощаемое им сырье спецжилцов в золото.

Вот где зарыта собака. Всего-то и делов!

В рамках экономической программы, утвержденной 2-м Съездом народных депутатов СССР (правда, о секретном протоколе, как и многих ее деталях, "народные", разумеется, и слыхом не слыхивали), жилое здание № 20/22 на улице Сивцев Вражек параллельно с основным своим назначением должно было быть задействовано в качестве фабрики по производству червонного золота. Именно благодаря сверхспецинистам! О планах по переработке того же сырья, вырабатываемого членами семей номенклатурных работников, мне, к сожалению, ничего не известно. Однако по логике оно, думаю, также должно было подлежать утилизации - с последующим производством золота 375 и 583 пробы. Это уже в зависимости от степени родства с ответственным квартиросъемщиком.

Представляете, сколько аурума на нужды Союза (уж, конечно, за вычетом чересчур шустрых балтийских республик!) давал бы тогда один этот дом на Сивцевом Вражке! Он, как запланировал товарищ Рыжков, должен был стать первым в сети подобных фабрик, которую благодаря перестройке можно было бы раскинуть по всей стране всего-навсего в течение одной пятилетки...

За презренный в целом, но воспетый Карлом Марксом металл можно было бы закупить у капиталистов много-много колбасы, мебели, лекарств, обуви, белья, обоев, автомобильных запчастей, мощных средств, посуды и всего другого, что за более чем семидесятилетний срок поступательного движения к светлому коммунистическому раю лишь постоянная угроза с Запада помешала нам (судя по пустым прилавкам!) вновь научиться производить. Вновь - по сравнению с 1913 годом, разумеется. Как должного качества, так и в необходимом количестве.

Это золотое страна могла бы тратить на такие ценнейшие (и тоже импортные) товары, как презервативы, персональные компьютеры или самодвижущиеся приспособления для уборки улиц. Ибо даже для удобства и безопасности входа советских парламентариев во Дворец съездов в Кремле рослые гебешники вынуждены счищать снег и наледь все теми же дедушкиными лопатами...

О комбайнах, тракторах, заводах по производству сыров или гранулированных комбикормов, оборудовании для хранения овощей говорить не смею, ибо это все - прерогатива главного агронома страны товарища Егора Кузьмича, человека весьма обидчивого. К тому же в компетентности товарища Лигачева я, в отличие от беспардонного народного депутата Юрия Черниченко (несмотря на то, что ему я как избиратель отдал в марте 1989 года свой простуженный голос), не сомневаюсь. Ведь, как сообщил еженедельник "Собеседник" (№ 1 за 1990 г.), еще в 1949 году секретарь Новосибирского обкома ВЛКСМ Егорушка Лигачев успешно растолковывал товарищам по борьбе, какой именно навоз нужно вывозить на поля и огороды. Правда,

даже тогда его почему-то критиковала за сие "Комсомольская правда". Да, видать, происки свои товарищ Гдлян давно начал... На то он - и Тельман!

Главное, что за дерь..., простите, за даровое золото мы понакупили бы целую пропасть продуктов питания, насытив потребительский рынок, а заодно с рынком по возможности и людей. Поскольку сытость и переизбыток - спутники апатии, то мы избавились бы от множества социальных и межнациональных конфликтов, обострений, столкновений и выступлений. Сверхсытая власть была бы довольна, народ и партия - едины, да и сытой милиции супротив сытых сограждан не было бы никакого смысла обнажать "наташки" - пресловутые черные палки-дубинки, деликатно именуемые на советском новоязе "спецсредствами".

Правда, судя по железобетонному стоицизму, инертности и явному передергиванию карт советским выдающимся специалистом по привилегиям академиком Примаковым, есть тут риск. Риск того, что подобные продукты улучшенного питания в значительной мере оседали бы в холодильниках, буфетах, ларях и закромах все тех же номенклатурных шизкарей. В том числе - несостоявшихся жильцов элитарного дома на Сивцевом Вражке. Ну, и это - тоже ничего! Ведь если хорошенько подумать, то станет ясно: в конечном итоге благоприобретенная заморская жратва вновь стала бы сырьем для благословенных рыжковских спецуниаэсов. И превратилась бы в новый аурум. Раз есть круговорот воды в природе, то должен быть и другой... Нет, прошу прощения, это вы сказали "дерьмовый", а не я!..

Новая Иванькиада на Сивцевом Вражке близка к завершению.

В ней нет таких явных победителей, как Владимир Войнович, и таких явных проигравших, как Сергей Сергеевич Иванько. И у кого повернется язык назвать победителями многодетных отцов и матерей или ветеранов позорной афганской войны, которые возможные свои квартиры в элитарном иммёбле должны рассматривать как вынужденную поддачку Системе. На то она, эта Иванькиада, и новая, горбачевско-перестроечная!

Однако остался неизвестным принципиальный факт. Куда же увезена престижная спецсантехника, демонтированная доблестными Вооруженными Силами столь спешно, - дабы не досталась она новым жильцам? И как теперь предполагает пополнять золотой запас страны премьер Рыжков? Будет ли, скажем, выстроен новый, отдельный дом-фабрика? Или же по поручению Николая Ивановича ответственные товарищи из Управления делами рассредоточат ценнейшее и секретнейшее оборудование по существующим домам и квартирам, предоставив его таким образом уже проживающим в них умам, чести и совести нашей родной советской номенклатуры? Или же в этом важном народнохозяйственном деле ставка будет сделана (в рамках общего обновления) на новые, более крепкие во всех отношениях кадры - как, например, член Президентского совета товарищ Ярин Вениамин Александрович?

И еще одно беспокоит. Продуман ли эксперимент до конца? А вдруг по законам физики, исторического материализма или какого-то недоизученного круговорота все товары, закупленные "за бугром" на рыжковское золото, превратятся в одночасье в фекалии?..

Ох, не хотелось бы. Их мы за семьдесят два года нахлебались уже досыта.

Москва, декабрь 1989 - март 1990 гг.

"Союз нерушимый"

А. АРТЕМОВ

Национальная проблематика в наш век приобрела характер мирового явления. До середины столетия сами народы так называемого "третьего мира" и не помышляли развернуть борьбу за государственную независимость по всей планете, вплоть до полуисследованных дебрей Африки и затерянных островов Полинезии. Ныне число государств-членов Организации Объединенных Наций достигло 160, и возможны еще новые поступления.

Как обычно для широких процессов, дело доходит до абсурдов. Так, в ряду самостоятельных государств числится, например, Республика Науру на тихоокеанском острове Науру, площадью в 21 кв. км с населением в 8,5 тыс. чел., из которых половина приезжих на разработки фосфоритов, единственной экономической отрасли "страны" (по исчерпанию фосфатных руд "республика" лишается экономической базы и смысла существования). Но речь идет не об осмысленности и завихрениях, а о господстве принципа в данную эпоху.

Каждая национальная проблема имеет свои особенности, и можно говорить лишь о "проблемах", различных порой до противоположности: за отделение и самостоятельность борются националисты Западной Сахары, Новой Каледонии (в Европе - баски, корсиканцы), за воссоединение - кашмирцы, папуасы (в Европе - ирландцы). Общее, однако, - национализм как психологическая база, как причина и цель движений. Из иностранных коммунистических государств Югославия переживает кризис, непосредственно грозящий распадом федерации: основной славянский массив трещит по швам в распрях между сербами, хорватами и словенцами, которых до сих пор держал вместе обруч диктатуры компартии.

С другой стороны, этот мировой процесс дифференциации стал сопровождаться все более действенным и возрастающим процессом интеграции. Британское содружество, Франко-африканские сообщества стали уже реальными формами воссоединения связей между народами бывших империй, но уже не по принципу субординации, подчинения, а по принципу координации, согласования. Насладившись свободой и независимым самосознанием, а также испытав трудности и тяготы самостоятельного ведения государственно-политических и экономических дел, бывшие колониальные народы наново открыли для себя положительные стороны наднационального единения, сотрудничества, обмена ценностями и опытом.

С другой стороны, созданы и реально оправдали себя такие наднациональные региональные сообщества, как Организация Американских Государств, Организация Африканского Единства, Ассоциация Государств Юго-Восточной Азии, Европейское Экономическое Сообщество, а также ряд других, более мелких и рыхлых. Процесс конфедеративного интегрирования идет параллельно процессу национальной дифференциации, синтезируя положительные стороны самобытности и солидарности. Распад мирового коммунистического движения и раз-

вал "Социалистического содружества", центрированного на Москву, по всем данным можно уже считать бесповоротным. Учение о мировой революции и установлении коммунистического строя во всем мире следует сдать в архив, а "научные труды" по этой тематике — в "спецхран" или макулатуру.

Ортодоксальными коммунистическими государствами остаются: в Европе Албания, в Америке Куба, в Африке Эфиопия, в Азии, во-первых, Китай и Северная Корея, а во-вторых, Вьетнам, Лаос, Камбоджа (в сложных враждебных отношениях). "Отщепенцев" и "ревизионистов" за пределами СССР столько же: Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия, Монголия. Ревизионистские реформы в этих странах можно охарактеризовать как демократические, анти-социалистические и националистические.

Всеобъемлющая "перестройка" в СССР, начатая под давлением кризисного состояния страны во всех отношениях — материальном, духовном, политическом — хронологически предшествовала переменам в странах—"сателлитах" и даже была катализатором антитоталитарных процессов в них. Но вскоре эти страны перестали быть сателлитами, опередили общественное развитие в нашей стране и стали служить примером самоутверждения для народов Советского Союза. К тому же влияют и мировые сдвиги в национальных отношениях. Запоздалый и половинчатый отказ советского государственного руководства от марксистско-ленинских догм ("национальные формы для социалистического содержания") вызвал трагические конфликты и обострил процессы национального самоопределения до предела, заведя в тупик поиски мирных решений.

★

Территорию СССР составляют 15 союзных республик. На той же территории имеются 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов; из них в Российской Федерации состоят 16 автономных республик, 5 областей и все 10 округов. Почти во всех внутрироссийских автономных образованиях нет коренной национальности, которая составляла бы большинство в местном населении. С другой стороны, многие народы живут также за пределами своих территориальных единиц, иногда даже большинство той или иной национальности рассеяно вовне. Есть народы, которые вообще расселены некомпактно. Программа НТС предусматривает тут самое широкое автономное самоуправление — как территориального, так и нетерриториального характера (этнические центры); предусмотрено также создание Совета Народов, который согласовывает и поддерживает усилия национальных сообществ в их культурном развитии.

Иное дело — союзные республики. В них, как правило, коренная национальность образует большинство населения; они расположены на окраинах СССР и имеют, большей частью, серьезные исторические и юридические предпосылки государственной самостоятельности.

Программа НТС (1974 г.) предусматривала для них следующие решения:

"Население нынешних союзных республик СССР, путем свободного волеизъявления (плебисцита), само решает, желает ли оно быть в составе России или предпочитает жить в отдельных государственных образованиях. Эти государственные образования, свободным решением, могут продолжать свой исторический путь совместно с Россией, на началах конфедерации. Таким образом открывается перспектива для превращения нынешнего насильственного сообщества Советского Союза в свободное содружество наций — Российский Союз".

Для нынешней обстановки предпочтительнее, пожалуй, говорить о Северноевразийской Ассоциации. Если не сразу, то потом, с течением времени, Россия стала бы ядром этой ассоциации – в силу уже развившихся связей и естественных преимуществ взаимовыгодного сотрудничества (интеграция была бы теснее, чем у разбросанных Британского и Франко-африканского сообществ).

НТС стоял и стоит за сохранение нашего нынешнего государственного комплекса, в любых формах (при верности своему программному лозунгу "Свободный союз свободных народов"). Но в русском народе и российской общественности ныне бытуют и другие взгляды, сводящиеся к тому, чтобы "Россия вышла из СССР" и сосредоточилась на развитии своих производительных сил и на повышении благосостояния своего населения. Это тоже не лишено оснований, и некоторые европейские метрополии (Италия, Бельгия), вопреки ожиданиям, зажили лучше без колониальных хлопот и трат.

*

В Программе НТС была дана лишь принципиальная установка, достаточная для своего времени. Конкретные подробности ее реализации не уточнялись. Но в дальнейшем развитии общественного движения, по мере актуализации национальной проблематики, в частных обсуждениях и разработках, такие конкретизирующие вопросы стали возникать, и на них пришлось искать ясные, определенные ответы, что оказалось нелегким делом, и порой эти ответы были неоднозначными для разных условий.

Так встал вопрос о том, все ли жители на территории республики имеют одинаковое право участвовать в плебисците и тем определять ее судьбу или для этого нужен определенный срок постоянного проживания там. В ответах предлагались сроки – от 5 до 25 лет, с различной весомой мотивацией. Думается, срок должен быть минимум 5 лет.

Сложный вопрос об оценке итогов плебисцита: исходить из общего процента по всей республике или учитывать территориальное распределение? То есть, например, если для всей Украины большинство проголосует за выход из Союза, а в окраинных областях Донбасса – за пребывание с Россией, то что делать: менять границы или создавать условия меньшинственной территории, рядом с Россией? Однозначного ответа не найдено, и, видимо, многое будет зависеть от определения будущих отношений между странами.

Каковы условия для лиц из коренных национальностей других республик, особенно для русских, в новой государственности? Принять новое гражданство, оставаться в стране со статусом иностранцев или покинуть страну? Нужен ли переходный период для установления новых взаимоотношений, для экономических расчетов?

*

В июле 1951 года, когда в зарубежье начались переговоры по созданию координационного центра для различных эмигрантских политических организаций, включая националистические, Совет НТС опубликовал Заявление по национальному вопросу, в котором, в частности, было сказано:

"По отношению к нынешнему государственному и национальному составу СССР НТС морально осуждает насильственные и несправедливые присоединения народов,

совершенные в течение второй мировой войны, и считает справедливым полное восстановление их государственного суверенитета"...

Это относилось к трем прибалтийским республикам - Литве, Латвии и Эстонии. С тех пор демографическое положение в них изменилось; тенденция перемен видна из сравнения данных двух переписей населения:

	1959 г.	1979 г.
Эстония:		
эстонцы	74,6%	64,7%
русские	20,1%	27,9%
Латвия:		
латыши	62,0%	53,7%
русские	26,6%	32,8%
Литва:		
литовцы	79,3%	80,0%
русские	8,5%	8,9%
поляки	8,5%	7,3%

Надо, однако, оговориться, что в Эстонии и Латвии до их советизации тоже жило много русских в качестве лояльных граждан, настроенных антисоветски, и многие из них голосовали бы за ее независимость. Рождаемость у коренного населения низка, и важно, что оно все же в большинстве.

Но важно и другое: советская оккупация прибалтийских стран была осуществлена по сговору Сталина с Гитлером; западные державы не признают ее законной, да и в СССР, в ходе официального пересмотра оценок сталинского правления, она признана несправедливой. И при нынешнем курсе на сближение с демократическими державами повторение сталинских грубостей чревато серьезными неприятностями для СССР.

Республики между войнами двадцать лет были самостоятельными, получили международное признание, состояли в Лиге Наций, и это отражается на психологии их народов.

В Молдавии коренного населения около 65%. По крови, языку, вере это румыны, в межвоенный период они принадлежали к Румынии и ныне тяготеют к ней. Стоит ли против этого бороться, и так ли это важно для России?

В Закавказье коренное население доминирует решительно: в Грузии 69%, в Армении 90%, в Азербайджане 78%. Грузия и Армения, надо полагать, будут, в конечном счете, держаться союзных отношений с Россией, но с позиций самостоятельности (обе были независимы в 1918-20 гг., состояли в Лиге Наций, оккупированы Красной Армией). В Азербайджане довольно активны сепаратистские и проиранские тенденции; раньше утрата бакинской нефти нанесла бы значительный ущерб России, но теперь ее доля в общесоюзной нефтедобыче составляет примерно 5%. В Закавказье крайне запутаны межнациональные отношения, порой они ведут к кровавым конфликтам (это было и в 1918-20 гг.), и России вряд ли удастся остаться не впутанной в националистические распри при перекройках региона.

В Средней Азии картина такая: коренного населения в Узбекистане 69%, в Туркмении 68%, в Таджикистане 59%, но в Киргизии 48%, а в Казахстане всего 36%. Территории туркестанских республик причудливо переплетены, народы перемешаны, что приводит к

острым конфликтам. По имеющимся данным, с экономической точки зрения уход этих республик не был бы ущербным для России. Казахстан же, в силу демографии, либо не смог бы отпасть, либо изменил бы нынешние границы.

В последнее время в среднеазиатских республиках произошли погромы малых национальностей, переселенных туда в сталинские времена, которым не удается возвратиться на родные земли (из-за сопротивления тамошних властей). И правительство Российской Федерации предоставило, в частности, туркам-месхетинцам из Узбекистана места проживания в Воронежской, Курской, Орловской, Белгородской, а также в Смоленской и Калининской (Тверской) областях ("Собрание постановлений правительства РСФСР" № 21, 1989). Думается, Россия, ныне и в будущем, может способствовать разрядке национальных напряжений в соседних землях путем принятия на свои просторы малых народов, обеспечивая им условия автономного развития.

Самой серьезной проблемой надо считать отношения с Украиной и Белоруссией. Обе республики введены в ООН, а это уже формально равнозначно международному признанию. Но разрыв между тремя славянскими большими народами был бы предельно болезненным. Оптимальным решением была бы максимально тесная конфедерация. Но для этого нужны мудрость и такт союзному правительству, а их мало.

*

11 марта Верховный совет Литовской ССР прокламировал независимость "Литовской Республики" (с переменной названия и возвращением к конституции 1938 года). Это было сделано в соответствии со статьей 72 Конституции СССР: "За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР."

Съезд народных депутатов СССР признал недействительными эти решения, ссылаясь на статьи 74 и 75 Конституции СССР:

"Статья 74. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик. В случае расхождения Закона союзной республики с общесоюзным законом действует Закон СССР."

"Статья 75. Территория СССР едина и включает территории союзных республик. Суверенитет СССР распространяется на всю его территорию."

Это означало: вы можете заявить об уходе, но мы вправе запретить вам это. Горбачев, уже в качестве президента СССР, обратился к Верховному Совету Литвы с требованием:

"Предлагаю незамедлительно на сессии Верховного Совета Литовской ССР отменить принятые противоправные акты. Такой шаг откроет возможность для обсуждения всего комплекса возникших проблем на единственно приемлемой основе - в рамках Конституции СССР".

В своем ответе председатель Верховного Совета Литвы Ландсбергис выражал полное желание переговоров, но при сохранении прокламации литовской независимости. Дело зашло в тупик; СССР начал оказывать все возрастающее давление на Литву: посылать войсковые силы для "охраны" предприятий союзного значения, для занятия зданий партаппарата, розыска молодых людей призывного возраста, уклоняющихся от службы в Советской армии, и т. д., наконец дело дошло до частичной экономической блокады.

30 марта Верховный Совет Эстонской ССР провозгласил "начало восстановления" (так осторожно) "Эстонской Республики". Компартии всех трех прибалтийских республик раскололись надвое по вопросу о независимости.

А 3 апреля был принят закон СССР "О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР". Согласно постановлению Верховного Совета СССР, закон вводился в действие "с момента его опубликования" (опубликован 7 апреля), но действия, противоречащие ему, "предпринятые как до (!), так и после введения его в действие, не порождают никаких юридических последствий как для Союза ССР, так и для союзных республик". Таким образом, задним числом литовская прокламация ставилась в зависимость от соответствия новому закону!

★

Закон предусматривает проведение референдума (плебисцита), в котором участвуют "граждане СССР, постоянно проживающие на территории республики". Понятие "постоянно" не уточняется: включаются ли недавно прибывшие на постоянное жительство, голосуют ли военнослужащие, отбывающие срок службы в местных гарнизонах, и т. д.

Решение о выходе считается принятым, "если за него проголосовало не менее двух третей граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики к моменту постановки вопроса о ее выходе из СССР". Это означает, что если даже 66,5% проголосуют за выход, то их воля будет игнорирована (хотя бы все остальные жители воздержались). А новый референдум "может быть проведен не ранее чем через 10 лет".

Достойно удивления, как такой закон мог быть утвержден Советом национальностей. Правда, ни дискуссия там, ни результаты голосования не были опубликованы (недаром в Постановлении ЦК КПСС в газете "Правда" от 7.4 указано: "Писать правду и только правду", - но опущен третий императив - "всю правду"). А из туманного репортажа видно, что были дебаты, и один из грузинских депутатов даже предложил назвать документ "законом о невыходе" (точнее, "о невыпуске"). Да чего ожидать от "парламента", где 93% - партийцы и комсомольцы...

Но даже если за выход проголосовало более двух третей, то "Верховный Совет СССР вносит вопрос на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР", и только при отсутствии "нарушений" закона о референдуме устанавливается переходный период до пяти лет, в последний год которого может быть проведен повторный референдум для "подтверждения решения", "если этого требует одна десятая часть граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики" (на тот момент!).

Далее большая часть текста закона подробно трактует условия переходного периода, скрупулезно перечисляя долги и обязательства республики. Создается впечатление, что республика много получала и мало давала (но тогда она была в тягость, и почему бы от нее не отделаться?). Среди прочего, "выходящая республика компенсирует все издержки, связанные с переселением граждан из пределов республики" (может быть, и с выводом войск?). Это, в конечном счете, мелочи, а вот будут ли компенсированы "издержки" республики, связанные с преступлениями советского режима, с массовыми депортациями населения, с геноцидом, с разорением семейных хозяйств, с

разрушением и разграблением культурных ценностей. Так, например, известно, что польское правительство требует от СССР 4,5 миллиарда рублей за депортированных на принудительные работы в 1940-41 и 1944-48 гг. двух миллионов человек в Сибирь и Казахстан.

Горбачев и его партия избрали путь насилия вместо пути согласия. Но грубое насилие провоцирует и оправдывает сопротивление. А надо видеть, ныне особенно, как народы борются за свою свободу при современных средствах и методах подпольно-партизанской борьбы...

Нам нужна великая Россия, но прежде всего в ее моральном, духовном величии. И ей нужны друзья, а не рабы. И лучше друг по соседству, чем недруг в доме. Свобода, справедливость, солидарность - подлинные устои нерушимости союза. Залог единства для малых и больших сообществ - взаимное уважение, дружба, любовь.

Тютчев писал о Бисмарке, ковавшем немецкое единство "железом и кровью":

"Единство, - возвестил оракул наших дней, -
Быть может спаяно железом лишь и кровью".
Но мы попробуем спаять его любовью,
А там увидим, что прочней.

Фонд помощи верующим в России

A. C. E. R.

L'Aide aux Croyants de l'URSS

(основан в 1961 году)

Приводим текст одного из многочисленных писем, полученных нами за последний год из России:

"Простите меня за просьбу: хоть у нас наступила оттепель на религиозном фронте и гласность есть, но вот книг религиозных не достать, а без знания законов Божьих, как можно укрепить дух? Вроде бы и возрождается Православная Русь... Но так медленно, медленно... А по старым религиозным ценностям и по храмам чугунным катком прокатилось все уничтожающее лихолетье. В кострах сожгли не только иконы и книги, - выжгли веру... крепость духа, сломали стержень человеческой души. Наши деды и отцы одни погребены в Сибири, другими вымостили дно Беломорско-Балтийского канала; а мы, выжившие такой дорогой ценой, получили такое опустошение! И как бы хотелось почитать наших соотечественников-богословов - Иоанна Кронштадтского, старца Силуана, епископа Игнатия Бренчанинова. На русском языке проповеди можно послушать в Канаде, США, Германии, Франции, даже в Японии... но только не у нас...

Будем вам очень признательны, если вы нам пришлете что-нибудь душе-спасительное. У нас кроме молитвослова да календаря ничего нет..."

Помогите нам продолжать и расширять нашу работу!

За 29 лет мы переправили в Россию больше миллиона книг. Деньги можно посылать на почтовый счет РСХД: ACER-1537359Y Paris. Или чеком на имя ACER-RUSSIE по адресу: AIDCROYANTS, 91 rue Olivier de Serres, F-75015 Paris, France.

Врата ада

Глеб АНИЩЕНКО

Оглядываясь на прошедший год, мы, православные русские христиане, видим, прежде всего, широкомасштабный процесс выхода нашей Церкви из "катакомб". Процесс этот, начатый еще в год празднования 1000-летия Крещения Руси, сейчас развернулся уже в полную силу. Открылись тысячи храмов, публикуются религиозные произведения, нет почти ни одной газеты или журнала, где бы не появлялись материалы на религиозные темы, на различных собраниях и встречах выступают священнослужители. Все это вселяет большие надежды на возрождение нашей Православной Родины.

Итак, храмы открыты. Не везде, конечно: во многих местах верующие продолжают свою борьбу. Но попечение об открытии храмов уже не представляет собой основного направления церковной жизни. Сейчас главное состоит в другом: чтобы эти храмы не оказались вдруг пустыми, растерявшими свою паству. Мы не должны обольщаться тем всеохватывающим интересом к Православию, который сейчас проявился. Дьявол так просто своих позиций не сдает. Он и сегодня пытается одолеть нашу Церковь и изнутри, и извне.

Внутренние нестроения

Внутренние нестроения Церкви не только проявились сейчас со всей очевидностью, но и усугубляются с каждым днем. Даже беглый взгляд на главные из них заставляет понять всю серьезность сложившегося положения.

Нынешнее церковное руководство остается верным своей прежней политической линии, которая восходит к Декларации митрополита Сергия. Это распространяется и на внутрицерковную жизнь, и на отношения с государством и обществом. Такая позиция отталкивает от иерархии часть клира и мирян, смущает вновь приходящих, не дает ликвидировать те преграды, которые разделяют Московскую Патриархию с другими частями Русской Церкви – Русской Зарубежной и истинно Православной Церквями.

Сложившееся положение грозит чрезвычайно тяжелыми последствиями: раскол, начавшийся еще в 20-е годы, сейчас быстро примет непреодолимые окаменевшие формы. Наша Церковь отстраивается, "и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот" (Мк. 3, 25). Все чаще слышатся разговоры о необходимости открытия в России приходов Русской Зарубежной и Истинно Православной Церквей, даже предпринимаются практические шаги в этом плане. Такой путь, несомненно, станет формальным закреплением раскола. Наивно предполагать, что какая-то из Церквей соберет у себя всю паству: при нынешнем разное в умонастроении церковного народа это совершенно невозможно. К расхождениям политическим тут же при-

бавятся конфликты на бытовой и материальной почве. К таким же трагическим результатам приведут и неизбежные споры о каноничности той либо иной части Церкви, попытки объявить какую-либо из них носительницей наибольшей полноты Русского Православия.

Единственным способом для выработки животворных форм возрождения нашей церковной жизни является подготовка и проведение Всероссийского Поместного Церковного Собора, где на широкой демократической основе были бы представлены все части Русской Церкви. Такого Собора у нас не было с 1918 года. Нормы, выработанные тогда, и следует взять сейчас за основу. Лишь такой Собор смог бы выявить волю церковного народа, воссоединить расколотую революцией Церковь, решить самые насущные проблемы, избрать высшую иерархию и органы церковного управления.

Уверен, что иных путей для восстановления нашей Церкви во всей ее святости сейчас нет. Борьба за созыв такого Собора и его подготовка должны стать главным делом всей русской православной общечерковности. Кроме нее эту задачу никто не сможет решить.

Другой круг проблем связан с межконфессиональными отношениями. Парадное, политизированное экуменическое движение на долгие годы заменило собой серьезное, глубокое решение межконфессиональных проблем и конфликтов. Запрещение миссионерской деятельности нанесло тяжелейший удар нашей Церкви. За последнее время чуть ли не один отец Дмитрий Дудко постоянно и профессионально вел работу не только среди атеистов, но и среди представителей других конфессий и вероисповеданий. Сейчас православное миссионерство необходимо, может быть, как никогда в нашей истории. Ибо в результате запрета на широкое религиозное обучение и открытую проповедь пострадала прежде всего Православная Церковь, а преимущество получили склонные к закрытой деятельности сектанты. Миллионы людей ищут веры истинной, и им необходима пастырская помощь. Увы, очень часто они, споткнувшись о порог православного храма, уходят в другие вероисповедания и секты, число которых сейчас увеличивается.

То, к чему может привести решение межконфессиональных проблем нерелигиозными способами, показали трагические события на Западной Украине. Политика коммунистической власти и иерархов Московской Патриархии привела к тому, что была приготовлена гремучая смесь из религиозных, национальных, политических и правовых проблем. Пока эта смесь не взорвалась, власти светские утверждали, что униатов нигде, кроме как в эмиграции, не существует, а власти церковные — что они не должны и не будут существовать, так как сама Уния является незаконной.

В таком виде, в каком она предстает сейчас, "униатская проблема" вообще не имеет решения. Единственный выход — разъединить разные вопросы и решать каждый из них в отдельности. Решение юридическое могло быть найдено уже 2-3 года назад; даже "перестрочных" послаблений для него вполне бы хватило. Это решение должно целиком входить в компетенцию государства, ни одна Церковь вообще не может вторгаться в данную область. Если группа людей любого вероисповедания хочет основать свою общину, то эта община должна быть зарегистрирована во всех случаях, кроме законопротивных. Что касается греко-католиков, то их правовой статус ни в коей мере не может зависеть от законности либо незаконности Унии 1596 года или Собора 1946 года. Юридически

здесь важно лишь то, что в н а с т о я щ е е время люди заявляют о своей принадлежности к определенному вероисповеданию. В правовом обществе вопрос о регистрации любой религиозной общины должен решаться положительно, если в данной стране какая-то Церковь не является г о с у д а р с т в е н н о й. У нас, как известно, этого нет, и сравнительно недавняя регистрация кришнаитов, например, вряд ли требовала согласия Патриарха или Папы, ее проводило государство. Точно так же должно быть и с вопросом о греко-католиках.

И только после этого Церковь может включиться в процесс, чтобы попытаться решить собственно р е л и г и о з н ы е вопросы. Хотя иногда они бывают тесно связаны с другими, скажем, н а ц и о н а л ь н ы м и. Так, совершенно очевидно, что на Украине многие люди идут в Греко-Католическую Церковь не по религиозным, а по патриотическим соображениям, им нужна не столько униатская, сколько свбья, украинская Церковь. Поэтому о д н о в р е м е н н о с государственной акцией регистрации униатов совершенно необходима была бы акция церковная – предоставление автономии или даже автокефалии Украинской Церкви. Тогда сама Московская Патриархия потеряла бы ряд приходов (соответственно и доходы от них), но зато сохранила бы в лоне Православия многих сынов и дочерей.

Увы, ни государство, ни Церковь не предпринимали никаких шагов для решения "униатского вопроса" до тех пор, пока не разгорелся пожар. И тогда пошли в ход "пожарные" меры. Вопрос решался в треугольнике Ватикан – Советское правительство – Московская Патриархия. Вместо официальной легализации и регистрации греко-католиков власти начали беспорядочно передавать им православные приходы, что лишь обострило конфликт.

Церковь же на Архиерейском соборе, состоявшемся в конце января вместо предоставления автокефалии, ограничилась переименованием украинского и белорусского экзархатов в Украинскую Православную и Белорусскую Православную Церкви. Было заявлено, что в "пределах экзархатов высшая законодательная, исполнительная и судебная власть принадлежат Синоду экзархата" из пяти правящих архиереев. Синод экзархата "подотчетен Священному Синоду" Московского Патриархата, который утверждает, отменяет или изменяет принятые решения. Таким образом, Украинская и Белорусская Церкви не получили даже автономии. Может ли это решение удовлетворить тех украинцев и белорусов, которые стремятся к самостоятельности своих Церквей? Безусловно, нет. Ведь для них речь идет не о том, какая власть будет сосредоточена в руках Синода, а о том, откуда возьмется сам этот Синод: будет ли он назначен "Москвой" и, следовательно, подчинен всем ее решениям, или он будет выбран церковным народом республик и станет независимым? Предоставление автокефалии не только не обострило бы национально-политических отношений, но, напротив, стало бы огромным вкладом Церкви в создание духовного православного союза восточных славян при сохранении внутренней самостоятельности каждого народа, явилось бы важной вехой в восстановлении соборности Церкви.

Что же касается чисто религиозной стороны "униатского вопроса", то мы, православные христиане, не можем не скорбеть о том, что тысячи наших братьев в силу исторических обстоятельств отошли от Православия. Но мы не должны выискивать чужие грехи и вины, а покаяться в своих. И не пытаться исправить положение, применяя

административно-насильственные меры, а искупить свои грехи широкой и глубокой проповедью православной веры. Не безбожный Совет по делам религий сможет нам помочь в отношениях с другими конфессиями и вероисповеданиями, а колоссальный опыт православного миссионерства, охватившего в свое время Америку и Японию, ту же Западную Украину и Сибирь. Главный вопрос заключается в том, сумеем ли мы показать людям истинность нашей веры, а не в том, отстоим ли мы любой ценой то либо иное церковное здание.

Если говорить собственно об этих зданиях и дележе церковного имущества, то, конечно, время для безболезненного решения данной проблемы уже упущено: если бы она решалась несколько лет назад, то такой остроты, несомненно, не было бы. Но упущенного не вернешь. С юридической точки зрения перераспределением имущества должно заниматься государство, так как речь идет о его собственности. Однако тут атеисты решили уступить и перепоручили эту функцию четырехсторонней смешанной православно-католической комиссии. Я, православный, не имею права говорить за католиков, не могу советовать им покаяться в кровавых грехах утверждения Унии в XVI веке. Что же касается нашей Церкви, то ее долг, думается, воспринимать всю ситуацию с покаянной точки зрения. Покаяния требует хотя бы то, что в решении вопроса о греко-католиках во время Собора 1946 года Православная Церковь выступила в союзе с безбожной коммунистической властью.

Московская Патриархия считает миротворческую деятельность основной своей социальной активности, на нее отдается государству около 300 миллионов рублей в год. Так может быть, настало время сместить поле этой деятельности и от Анголы или Вьетнама повернуться к "ближнему", к той же Западной Украине, где уже пролита кровь и народу необходим мир? Если хотя бы часть "миротворческих" денежных средств пошла бы на восстановление старых и строительство новых храмов на Украине, то в течение нескольких лет спорные материальные вопросы между православными и униатами могли бы быть решены и мир установлен. Причем поддержка должна быть оказана и православным, и греко-католическим общинам. Раннехристианское предание доносит до нас такой случай, невольно вспоминающийся в данной ситуации. По египетской пустыне шел старец со своим учеником. Ученик ушел вперед и встретил волхва, тащившего на себе деревянного идола. Ученик посмеялся: бес беса несет. Затем того же волхва встретил старец и предложил помочь дотащить тяжелую статую. Через некоторое время волхв бросил идола и сказал старцу: "Твое учение истинно по твоим поступкам". Это предание в символической форме указывает нам путь христианского отношения к другим вероисповеданиям и Церквям, путь, по которому должно пойти православное миссионерство.

Направления современного атеизма

Если внутренние болезни русской православной религиозной жизни сейчас предельно обозначились, то внешние атаки на Церковь, приняв завуалированный характер, все чаще ускользают от нашего внимания. И от этого становятся еще опаснее. Да, воинствующий атеизм ушел со сцены, скомпрометировав себя и показав свою полную беспомощность. На его место немедленно заступил атеизм более изощренный, а потому и более действенный.

Здесь наметились четыре основных направления.

Первое. Д и с к р е д и т а ц и я Ц е р к в и. Этот прием атеисты всегда держали на вооружении, но сейчас он значительно видоизменился. Если раньше советская пропаганда набрасывалась на своих реальных или воображаемых противников, то теперь коммунистическая власть, оказавшись в кризисном положении, начинает предавать тех, кто когда-то пошел на союз с ней. Этой волной задело и церковных иерархов. Самым ярким примером такого рода стала статья "Маршал Сталин доверяет Церкви" в официальном органе ЦК КПСС – журнале "Агитатор" (№ 10, 1989 г.) – о Поместном Соборе 1945 года. КГБ и Совет по делам религий приоткрыли свои архивы, чтобы дать возможность автору статьи представить собор как политическую акцию разоблачаемого ныне сталинизма. При этом не просто компрометируются отдельные иерархи – основной пафос состоит в том, чтобы бросить тень на всю Православную Церковь:

"Вместе с тем надо признать, что улучшению подверглось отношение государства не только с православной церковью. В октябре 1943 года Сталин подписывает постановление СНК СССР о создании при Совнаркоме Армении Совета по делам армяно-григорианской церкви. В мае 1944 года он не возражает против организации Духовного Управления мусульман Северного Кавказа... Словом, Сталин осуществлял фронтальное улучшение отношений с церквами. Но наибольшее внимание им уделялось улучшению отношений с Русской православной церковью. Он ей особенно доверял".

Подобная тенденция прослеживается и в некоторых других публикациях уже на более современные темы. С помощью этих акций атеистическая пресса не только старается оттолкнуть людей, готовых прийти в Церковь, но и подливает масло в огонь внутрицерковного конфликта. Существует лишь один способ отражения этих нападок: полное внутреннее самоочищение, путь к которому лежит через покаяние. Жизненно важно, чтобы о том, что произошло в Церкви за эти 70 лет, сказал не светский журналист или историк, а сама Церковь устами иерархов, клириков и мирян. Необходимо выработать и открыто выразить соборное мнение.

В дискредитации Церкви есть и другой поворот, который в отличие от первого является не осознанным со стороны атеистов и, по видимости, противоречит ему. Находясь в предсмертной агонии, коммунистическое государство становится совершенно беспринципным. Одной рукой оно выдает своих бывших союзников, а другой – укрепляет союз. Все чаще священнические облачения мелькают на съездах и конференциях, в комитетах и делегациях. Это было бы хорошо, если бы священнослужители проводили там особую линию, отличную от линии коммунистической партии. Увы, Церковь в лице ее официальных представителей ни разу не заявила с общественной трибуны о наличии такой линии. Этот дискредитирующий Церковь компромисс нельзя оправдать тем, что коммунисты отказались сейчас от антицерковной политики: остается их непоколебимая верность безбожной идеологии, направленной на ослабление "малых сил". Коммунистический спрут, проваливаясь в бездну, стремится сомкнуть свои щупальца на Церкви и унести ее с собой. Сейчас мы переживаем такой исторический момент, когда не только необходимо, но и возможно истинное, полное, решительное отделение Церкви от государства и столь же полное соединение ее с обществом.

Второе. О т в л е ч е н и е о т Ц е р к в и. Если раньше этой цели служили комсомольские собрания и просмотры атеистических фильмов, то теперь в ход пущено гораздо более действенное оружие западного образца – массовая культура. Она захватывает с неимоверной быстротой средства массовой информации, искусство, литературу. Казалось бы создается чисто плюралистическая ситуация, когда в одном концерте выступают группа тяжелого рока и православный иерарх, а в одном журнале печатаются Евангелие и рок-энциклопедия. Однако такое соединение приводит к тому, что для одних религия низводится до уровня массовой культуры, поглощается ею, а для других, наоборот, безбожная культура поднимается до религии. Результат один. Человек не ищет утоления духовного голода, взыскав Правды Небесной, а становится ненасытимым пожирателем суррогата, приготовленного из отходов искусства и достижений цивилизации. Причем, получая свободу внешнюю – снятие некоторых запретов, – очень многие не могут достичь свободы внутренней: свободы сделать выбор в пользу истины. Для такого выбора всегда необходимо приложить большие усилия, нужно преодолеть инерцию и пойти вглубь, раздвинув рамки эмпирического опыта. Духовно изможденному от идеологической обработки человеку гораздо труднее сделать активную попытку для овладения Истиной, нежели пассивно ждать, когда им самим овладеют влияния, идущие извне. Здесь и образуется тот вакуум, который заполняет массовая культура.

Может показаться, что волны массовой культуры, захватывающей людей, разбегаются в разные стороны. Но за внешней хаотичностью скрывается целенаправленный поток, и попавшие в него в конечном счете приплывают к одной и той же точке – прямо противоположной христианству и Церкви. Я сознаю, конечно, что в современном образованном обществе человек не может вполне серьезно сказать о дьявольской природе массовой культуры, без того, чтобы прослыть ханжой и обскурантом. Подобное высказывание допустимо лишь в шутку или в качестве метафоры. Остается только ответить на вопрос: почему сама массовая культура настаивает именно на таких метафорах, последовательно заменяя ими другие символы? Поклонники рок-музыки, восторгаясь своими богами, изображают пальцами рожки; ребенку вместо просфоры или кулича предлагается конфета в виде чертика, и вместо образка над кроватью сон его хранит тот же чертик, только плюшевый, с надписью: "Люби меня!"; если же человек захочет выбрать подарок к рождеству, то он может купить красочный календарь, где изображена женщина, совокупляющаяся со змием, увенчанным короной. Этим примерам несть числа. Так что "плюралистичность" массовой культуры весьма обманчива.

К этому же классу явлений можно отнести распространение магии и разнообразных оккультных учений, которые обычно легко вписываются в массовую культуру. И здесь приходится говорить не о вневположности, а о противоположности этих учений христианству. Они выполняют роль желоба, по которому устремления духовно изголодавшихся или физически больных людей направляются в совершенно определенную сторону. Сейчас у нас наибольшую популярность приобрели маги-исцелители – экстрасенсы. Я не буду подробно останавливаться на этом явлении, так как оно уже проанализировано с христианской точки зрения (статья Георгия Шевкунова в "Журнале Московской Патриархии" № 12, 1989, проповедь свящ. Вячеслава Поло-

сина в "Выборе" № 9 и т. д.). Скажу только, что и для экстрасенсов антихристианская "метафоричность" является практически обязательной. Скажем, А. Чумаку необходимо антиосвящение – "заряжение" – воды, а В. Райкову столь же необходимо, чтобы его подопечные в состоянии гипноза рисовали дьявола. Наименее "метафоричен" самый крупный экстрасенс – А. Кашпировский. Ему символика, по-видимому, просто не нужна. "Перевертышем" христианства является сама методология этого "психотерапевта": если Христос и святые исцеляли людей, изгоняя из них бесов, то многочисленные телезрители могли убедиться, что Кашпировский открыто ввергает своих пациентов в состояние бесноватости, полностью парализуя их волю.

Третье. П о д м е н а Ц е р к в и. При всем многообразии субъектов подмены, думается, их все же можно свести к трем главным: морально-этические ценности, патриотизм, культура.

В связи с возрождением общественной роли Церкви чаще всего о ней говорится сейчас как о школе нравственного воспитания. Моральное разложение современного общества совершенно справедливо связывается с упадком религиозного сознания. Но при попытке обратного вывода совершается подмена: Церковь, Невеста Христова, подменяется неким институтом, популяризирующим свод нравственных норм, а вера в Бога Живаго – самим этим сводом. Подобные выводы вытекают из многочисленных высказываний самых разных лиц: партийных руководителей и писателей, священнослужителей и ученых. Приведу как наиболее характерные рассуждения известного ученого, доктора философии Арсения Гулыги:

"Образы христианской религии, ее категорический императив любви к ближнему – наиболее общедоступное действенное средство морального воспитания, которое нам необходимо сегодня прежде всего... Кант считал важнейшим условием морального воспитания включенность индивида в этическую общину. Таковой является Церковь... Вот почему религия в нашей жизни должна занять надлежащее ей место... Нужен яркий впечатляющий образ. Ничего более убедительного, чем образ Христа, человечество не создало" ("Наш современник", № 1, 1990, выделено мною. Г. А.).

При таком "рукотворном Христе", являющемся "средством морального воспитания", христианская нравственность оказывается соединимой с чем угодно, в том числе и с классическим безбожием. В этом смысле весьма показательны рассуждения критика Михаила Антонова. В статье "Время устраивать дом" ("Москва" № 3, 1989) он заявляет о себе как о твердом стороннике марксистско-ленинской философии, которая является "принципиально-атеистическим учением". Однако марксизм-ленинизм, по мнению критика, нуждается в истинно творческом развитии, так как в классическом виде он предстает "теорией, п о с у т и (разрядка моя. – Г. А.), пренебрегающей личностью, проблемой нравственного выбора" и поэтому "не отвечает идеалам и чаяниям многих народов планеты". Антонов считает, что "в философию марксизма необходимо ныне ввести гораздо более сильное нравственное начало", "выработать полноценную замену" "религиозным заповедям нравственности". В чем, собственно, должна заключаться эта "замена", критик говорит весьма абстрактно, можно лишь познать, что он хочет дополнить "переходное учение" достижениями русской культуры, включая сюда "героев замечательных произведений древнерусской литературы – Феодосия Печерского, Нила Сорского, Сергия Радонежского".

Однако М. Антонов продолжил поиск выхода из сложившегося идейного тупика и напечатал в №№ 8, 9 "Нашего современника" статью "Выход есть!". Не мудрствуя лукаво, критик отважился на простое механическое соединение в рамках национальной культуры марксизма-ленинизма ("принципиально атеистического учения", как он сам раньше считал) с Православием и Церковью: эпитафиями к одной из глав статьи декларативно ставятся цитаты из Евангелия от Матфея и из работ Ленина. Критик теперь уже прямо утверждает, что нравственное обновление марксизма должно придти из Церкви:

"Церковь в лице своих рядовых служителей сможет сказать народу именно то слово, какое необходимо ныне для спасения нашего общего земного Отечества... Есть много оснований полагать, что нравственная общенациональная идея будет поддержана Церковью и объединит самые широкие слои народа".

Если у Антонова подмена религии дана все-таки завуалированно, то атеистический пропагандист Л. Митрохин ("Вопросы философии" № 9, 1989 г.) заявляет об этом декларативно. "...Теория научного атеизма мелкому ремонту не подлежит, и готовые запасные части здесь не помогут. Их еще нужно изготавливать". Вместо воинствующего безбожия Митрохин предлагает "изготовить" "марксистскую философию религии". Главной составной этой философии должно, по Митрохину, явиться представление о религии как о временной исторически сложившейся форме этического учения и решения "вечных" проблем. Люди сейчас стоят на таком уровне, что решить эти проблемы "без веры в Бога они пока не могут". "А поэтому будущее религии при социализме определяется тем, может ли общество создать условия для решения таких проблем светским путем, не требующим обращения к идее всевышнего, к религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения".

Такая вот ставится задача. А пока пущен в ход переходный термин "общечеловеческие нравственные ценности". Вот как пишет об этом философ Н. Моисеев:

"В основе общечеловеческой нравственности ...лежит принцип «не убий». От него протягивается нить к столь же простому и основополагающему принципу «возлюби ближнего как самого себя». Этот принцип широко известен. Его признают многие религии и прежде всего христианство, но далеко не всегда используют практически, да и понимают по-разному" ("Вопросы философии", № 8, 1989).

В этот "общечеловеческий" конгломерат легко могут войти и атеисты, и даже современные коммунисты. Так, председатель Совета Министров СССР Рыжков заявил в приветствии участникам экуменического Всемирного Совета Церквей: "Уверен, что как верующие, так и неверующие едины в своем отношении к благородным морально-этическим идеалам, одинаково стремясь к воплощению в жизнь общечеловеческих чаяний" ("Журнал Московской Патриархии" № 12, 1989). Похоже, что сейчас в жизнь входит новая теория - "экоммунизм".

Термин "общечеловеческие нравственные ценности" оказывается привлекательным и для наших "западников". И тут часто удается все-таки понять, какой конкретный смысл стоит за этой абстракцией. Критик С. Чупринин в статье "Ситуация" ("Знамя" № 1, 1990) выводит "общечеловеческие ценности" из "классического либерализма", который "исклывает какое-либо нарушение суверенитета личности, какое-либо ее подчинение интересам сословия, класса, нации, государства, веры". Напрашивается вопрос: где же истоки представ-

ления о "суверенной личности", в каких древних учениях их можно найти? Очевидно, что в дохристианскую эпоху их отыскать нельзя. Лишь воплощение Бога в человеческой личности, утверждение возможности личного спасения и бессмертия, богоподобности личности привело к представлению о ее "суверенности". Отсюда и берет начало "классический либерализм", то есть современная западная цивилизация. По мере того, как эта цивилизация отрывалась от своих христианских корней (освобождение от "подчинения интересам" веры), она утрачивала представление о "суверенной личности", которая становилась объектом духовного насилия и порабощения. Однако первоначальные связи порваны не окончательно, они прослеживаются и сейчас.

Таким образом, "общечеловеческие ценности" оказываются чистой фикцией; те категории, о которых идет речь, свойственны не всему человечеству, а лишь его меньшей части. Человеческая личность вовсе не является высшей ценностью для мусульман и буддистов, коммунистов и язычников. Это представление характерно лишь для христианства и тех современных образований, которые сложились на его основе.

Удивительным на первый взгляд, но показательным является совпадение мнений столь различных людей: атеистического пропагандиста Митрохина, философа, склонного к идеализму, Моисеева, советского функционера Рыжкова, "западника" Чупрынина, "почвенника" Антонова. Это совпадение вырисовывает очень важную тенденцию современной политической мысли. Она ставит диагноз нашему обществу: кризис бездуховности. И рекомендует способ лечения: взять из источника духовности - христианства - его нравственно-этическую систему, очистить ее от веры во Христа и под видом "общечеловеческих ценностей" внедрить в современность. Увы, целители такого рода не учитывают исторического опыта, опыта хотя бы той же западной цивилизации. Оторванные от Богочеловеческого Источника "суверенные личности" неизбежно превращаются в "человекобогов", каждый из которых стремится поработить другого, не говоря уже о порабощении "массы", "материала". К такому результату приводит чуть ли не любая мировоззренческая система, у истоков которой не стоит Бог Истинный.

Современная "почвенническая" концепция часто предстает вариантом представлений об "общечеловеческих ценностях". С той лишь разницей, что эти ценности должны вырабатываться на основе ценностей конкретно-национальных. Уже цитировавшийся М. Антонов, например, выдвигает лозунг: "Призвание России - вновь стать духовным лидером мира". Я так подробно останавливаюсь на работах этого критика, потому что в них отразились чуть ли не все виды подмены христианства. И надо сказать, что окумиротворение нравственности не является здесь самоцелью. Главное место в иерархии ценностей, характерной для данного мировоззрения, занимает национальное чувство, патриотизм. По существу, попытки соединить марксизм-ленинизм с христианской нравственностью есть стремление создать современную "общерусскую" идеологию, которая включила бы в себя все направления мысли, бытовавшие в России, или исторически оказывавшиеся ей в какой-то момент близкими. В статье "Несуществующие люди" ("Наш современник" № 2, 1989), Антонов пишет:

"...Наряду с идеями классиков марксизма-ленинизма, необходимо будет взять на вооружение заветы лучших сынов и дочерей всех народов земли, в особенности

гениев русской культуры – от Иллариона и Владимира Мономаха до Льва Толстого и Федора Достоевского, Федора Абрамова и Валентина Распутина".

В наше время стремительного развития национального самосознания подмена христианства патриотизмом является, может быть, наиболее опасной. Для верующего русского патриота безусловно, что никакой русской идеи вне идеи православной никогда не существовало и существовать не может. Те же, кто ставят земную Родину выше Родины Небесной, легко объединяют в "русской идее" все, что хоть когда-то было на русской земле, в том числе и язычество, и безбожие. Поэтому для того же М. Антонова дороги и "включенность в мировой и космический порядок" шаманской пляски, и "мученическая смерть" патриарха Гермогена, и титаническая работа Ленина "по руководству строительством первого в мире социалистического государства". "Религиозное" сознание патриотов такого рода выражается формулой: "Православие – религия наших предков". Если взор устремляется вглубь веков, к прапрадедам, то это в конечном счете приводит к отказу от христианства – к неоязычеству. Если же ориентиром служит время исторически более близкое – эпоха дедов и отцов, – то рождается идеологическое чудовище – православный национал-большевизм, то есть христианское национал-безбожие.

И здесь казалось бы странным образом сходятся представители двух противоположных направлений – русофобы и русофилы. Первые пытаются найти доказательство "русскости" большевизма в Иване Грозном или Петре Первом, вторые же стремятся соединить Ленина с митрополитом Илларионом. В основе этих вариантов лежит единая историческая концепция, меняется лишь эмоциональная оценка. Ну, а это уже дело вкуса. Так, доктор, филологических наук Ю. Сохряков, обличая русофобию, пишет о "духовно-нравственном геноциде" русского народа, который, с точки зрения ученого, проявлялся в разрушении и осквернении храмов, уничтожении духовенства, в шельмовании не только прошлого ("тюрьма народов", "тысячелетнее рабство, "сталинщина"), но и будущего ("идея коммунизма потерпела крах"), ("Литературная Россия" № 3, 1990). Таким образом, линия русской культуры, которую мы призваны защищать от "шельмования", вырисовывается так: храм – сталинщина – коммунизм. С моей же точки зрения, человек, утверждающий, что из русского православного храма прямая дорога ведет через кровавое безбожное побоище к безбожному счастью, сам участвует в "духовно-нравственном геноциде", возводя хулу на народ и его Церковь.

Еще одним видом подмены, тесно связанным с предыдущим – патристическим, – является подмена Церкви к у л ь т у р о й. Здесь действует простой механизм, который превращает иконопись в живопись, жития – в "древнерусскую литературу", а храм – в "памятник архитектуры". Не буду вдаваться в подробности, так как об этом мне уже приходилось писать (статья "Новые проблемы нового тысячелетия" в "Выборе" № 4). Скажу только, что такой вид подмены был особенно распространен в первые годы "перестройки", когда христианство лишь начало появляться на горизонте официальной жизни. Сейчас этот ход уступил место более изощренному, оставшись уделом "образованщины". Однако сам внутренний процесс "окультурирования" религии, как и введение в атеистическое искусство религиозных атрибутов, крайне затрудняют становление другого, – как воздух необходимого нам процесса, – и с т и н н о г о в о ц е р к о в л е н и я современного русского искусства.

По существу, в основе всех разнообразных попыток подменить Церковь чем-либо иным лежит нарушение первых двух заповедей: "Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим" и "Не делай себе кумира". (Исх. 20, 3-4). Нравственность, патриотизм, культура органически развиваются лишь на почве христианства; оторванные от нее и поставленные во главу угла, они превращаются в уродливые земные кумиры. Вокруг них можно прыгать и произносить заклинания, но от них нельзя получить главного - Спасения.

Четвертое. Л о к а л и з а ц и я Ц е р к в и в о б щ е с т в е. Это направление сложилось исторически. На протяжении всего времени существования советской власти речь шла о физическом выживании Церкви. В 60-70-е годы вопрос принял несколько иные формы и предстал как борьба за права верующих. Хотя и тут, надо сказать, верующие отстаивали даже и не права, а возможность своего существования. Сейчас положение разительно изменилось: физическое уничтожение Русской Церкви не грозит. Разваливающаяся безбожная власть даже склонна предложить ей роль своего союзника. Но только на определенных условиях: чтобы от этого никак не пострадала "безбожность" самой власти. И тут приходят на помощь "права верующих". Коммунисты согласны предоставить их верующим как некоему социальному меньшинству и тем самым локализовать существование Церкви. Вопрос не ставится о полном замыкании в стенах храма, Церкви иногда позволено и выходить за них: благотворительность, милосердие, борьба за мир.

Все это прекрасно, но речь сейчас должна идти не о каких-то особых "правах верующих", а о духовном выживании всего нашего народа. И тут правовой регламентацией не обойдешься. Если говорить, например, об инвалидах, то им действительно нужны права и помощь. Попытка же представить христиан "социальным меньшинством" продиктована стремлением не дать развернуться "второму Крещению" - христианизации России, которая одна только может сейчас духовно и физически спасти страну. К этой христианизации страна готова: посмотрите на потоки людей, притекающих к храмам. Но я уверен, что эти храмы очень скоро опустеют, если Церковь не сумеет ответить на все запросы пришедших в Нее. Поэтому необходимо не выделение особых областей, в которых Церкви р а з р е ш е н о участвовать, а действенные меры для того, чтобы дух Благой Вести пронизал все сферы жизни общества: нравственную, политическую, социальную, экономическую, культурную. Я говорю, конечно, не о насильственном насаждении теократии, а об утверждении главного духовного импульса развития России.

Именно этого не хочет и боится коммунистическая власть, так как христианизация будет означать немедленный конец безбожного господства. Коммунистам мыслится совершенно иной тип отношений с Церковью. Для иллюстрации приведу небольшой пример. Калужская газета "Молодой ленинец" от 30 декабря 1989 года сообщила, что администрация и партийная организация обнинского Института атомной энергетики запретили лекцию священника Вячеслава Половина (будущего кандидата в народные депутаты РСФСР), приглашенного студентами и преподавателями института. Основанием послужило то, что отец Вячеслав перед началом предыдущих лекций читал краткую молитву. Другая калужская газета ("Знамя" от 2 февраля 1990) поведала о выступлении другого кандидата в народные депутаты. Второй секретарь обкома КПСС В. Е. Олейников встретился с

избирателями в... Успенском храме Малоярославца. Эти два вроде бы незначительных случаях вычерчивают схему, по которой сейчас действует коммунистическая власть. С одной стороны, она хочет строго регламентировать и ограничить возможности церкви влиять на общество. А с другой – внедрять свои идеи и достигать свои цели через Церковь, пользуясь ее растущим авторитетом в народе. Власть всеми силами стремится сейчас продолжить огосударствование Церкви (правда, несколько иными способами, нежели раньше) и закрыть пути для христианизации общества.

*

"Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ея" (Мф. 16, 18). Спаситель сказал это не для того, чтобы мы успокоились. "Врата ада не одолеют" Церковь, понимаемую как тело Христово, но они всегда готовы разверзнуться перед Церковью поместной. Об этом многократно напоминали Апостолы в посланиях к разным Церквям.

"Дьявол однообразен", но многообразны его личины. Сейчас зверская гримаса сменилась обольщающей улыбкой. Но от этого дух зла не стал менее страшен. Я попытался хотя бы схематически обрисовать те ловушки, которые он расставил и для тех, кто находится внутри Церкви, и для приходящих в нее извне. От того, как мы обойдем эти ловушки, искореним их, зависит личное спасение каждого из нас, спасение нашей страны и ее Церкви. Наивно думать, что "врата ада", перед которыми вот уже более семидесяти лет стоит Россия, можно победить политическими схемами или экономическими программами. "Врата ада" не могут одолеть Церковь, но она, и только она одна, в состоянии их победить.

Москва, февраль.

"Выбор"

**Литературно-философский журнал
русской христианской культуры.
№ 8 (и отдельные предыдущие номера).**

Независимый "толстый" журнал, выходящий в Москве под редакцией В. Аксюцица и Г. Анищенко. Богословие, философия, политическая публицистика, проза, поэзия, литературная критика. Известные авторы из независимых и из официальных кругов, а также из эмиграции. Цель журнала - создание центра на почвенническом фланге: "Наш долг - возродить духовную культуру России, восстановить связь с органичными ее истоками - Русским Православием, обратиться к традиционному универсализму и открытости, «всечеловечности» (по Достоевскому) русской религиозной души... В импульсе духовного общенационального примирения, который исходит от христианства и основан на любви, милосердии и прощении, мы видим единственный путь спасения России и всех в ней живущих". (см. рецензию на №№ 1-7 в "Посеве" № 12, 1989).

Москва, 1987-1990

Тверд. обложка, цена - 35 нем. марок

Заказы направлять:
Тел. (089) 2710534

NEIMANIS Buchvertrieb GmbH,
Bauerstr. 28, D-8000 München 40.

У нас Вы можете заказать книги "Посева"
и других русских издательств.

Любовь к истории по-советски

Валерий СЕНДЕРОВ

Явление возникло не сегодня и не вчера. Не углубляясь в историю, напомним, что последние два десятилетия оно не утихая бушевало на страницах некоторых главных партийным идеологом; была заметна его струйка и в самиздате.

Мы не уделяли явлению внимания. Наша деятельность была конструктивна. Они титанически боролись с идеями и влиянием великого русского писателя. Мы — издавали его, переправляли книги в страну, способствовали дальнейшему их размножению. Каждому — свое.

Сейчас люди в России могут наконец открыто высказывать свои мнения. Чей же посев дал всходы? "Нет!" — изданию Солженицына, решительно провозглашенное главным партийным идеологом, осталось пустым звуком. Все еще запрещенные "Посев", "Русская мысль" тысячными тиражами множатся в самиздате. А противники, немногочисленные, но усердные, — кто, кроме специалистов-коллекционеров, знает хотя бы их имена?

Но перестройка открыла новые перспективы не только перед тянущимся к истокам своей культуры народом. А и перед коммунизмом тоже. Главным врагом последнего было и остается религиозно-национальное сознание народа, в России — прежде всего русского.

Русофобия возможна в двух основных вариантах. Первый: интернациональная революция расстреляла "толстозадую бабу Россию, чтобы по трупу ее взмолился Коммунизм — Мессия". Эта версия имеет несомненные идеологические и нравственные плюсы. Во-первых, она истинно социалистическая; во-вторых, почти правдива. Накладка вышла только в одном: недострелили. Слабо оказалось. Как выяснилось, истребить треть народа проще, чем его душу.

Испытания войной новая историческая общность не выдержала, и пришлось Величайшему Вождю всех времен и люмпенов лихорадочно расшаркиваться перед "великим русским народом". Родился кентавр национал-большевизма. Русофобия же выступила во второй своей ипостаси: только такой поганый народ мог, в качестве закономерного итога всей своей истории, построить такое поганое общество. Естественно, с официозом эта позиция сомкнуться не могла. Характерно, что цитируемые коллекционерами антирусские выпады двадцатых-тридцатых годов берутся почти исключительно из советских источников, шестидесятых-семидесятых — из там- и самиздатских.

Одной из черт идеологии сегодняшнего коммунизма стало вдохновенное самооплевывание. Если и есть в этом парадокс, то чисто внешний. "Собственным знаменем подотрутся", — писал о них А. И. Солженицын в "Архипелаге ГУЛаг". Подотрутся себе на благо, добавим. Хотя чище, разумеется, не станут. Коммунизм отступает, перегруппировывает силы. Но было бы непростительной ошибкой считать это его окончательным поражением. Перестройка идеологии немедленно повлекла за собой официализацию русофобии 60-70-х. Открылся новый фронт наступления на главного врага — религиозно-нацио-

нальное возрождение России. Публикаций много, цель у них одна: спекулируя на демократическом сознании людей, доказать антидемократичность русской идеи, самого русского сознания.

Статья Н. Крыщука "«Русский вопрос», или двести лет спустя" вынырнула в августе прошлого года в "Неве". "Исторические сказки", "Преемственность рабства", "Лики мессианства", "От «третьего Рима» - к третьему Интернационалу", "Монополия на истину" - подзаголовки "историко-психологических заметок". У читателя, мало-мальски знакомого с эмигрантской публицистикой прошлых десятилетий, вряд ли возникнет желание читать статью. Все это много раз было; и всегда (когда уровень "работы" оказывался сколь-ко-нибудь полемикоспособным) бывало опровергнуто. Но русофобы почти никогда и не пытались дискутировать с Солженицыным, Бернштамом, Борисовым, Агурским, Дорой Штурман, разоблачавшими их невежество. Они спокойно продолжали талдычить свое. А научная бессовестность дает в публицистической войне несомненные психологические плюсы. Серьезному-то автору просто неловко повторять в свой черед уже сказанное им недавно.

Тираж "Невы" - 675 тысяч экземпляров. Не Бог весть, но все-таки... И обрушивается на головы читателя многократно публично высеченная расистская чушь. Не так уж она страшна, как многие малюют. Но формированию национально-демократического сознания может воспрепятствовать весьма ощутимо.

В особое волнение приводит Крыщука слова Достоевского о всемирной отзывчивости русской души. И впрямь: если понимать (точнее, предлагать) эту идею по Крыщуку, основания для беспокойства имеются:

"...акцент... делается не собственно на богатстве и разнообразии мировой культуры, не на уважении к ее потрясающим достижениям, а на особом удовлетворении от того, что все нам доступно и нами освоено... что... как бы одним фактом приятия другой культуры мы делим с ней ее успех. В то же время мы больше любим из этих культур... Способность потреблять (отзываться) одним махом вывела нас на мировой уровень, теперь мы будем обгонять".

"Отзываться = потреблять". Внес-таки Крыщук и свою скромную лепту. Такое, кажется, еще никому из "специалистов" в голову не приходило.

Согласно одной из версий, князь Владимир крестился после победы над византийцами, преклонившись перед духовной силой их веры. Если это и легенда, - неужто она ничего не говорит о качествах народной души? Константинополь русские называли Царьградом. Царь-Градом! И это при том, что в военном и экономическом отношении Русь часто имела преимущества перед неуклонно шедшей к гибели Византией. Больше всего русские дорожили своей верой, так и называли себя: "народ православный". Но когда посетившие Москву греческие иерархи указали Царю на ошибки в богослужении, Алексей Михайлович ответил: "Все предки мои были русские, но вера моя греческая". Смысл ответа ясен. Впрочем, может быть, неуважение к Европе началось, по Крыщуку, позже, в эпоху Петра?

Далее. В теоретический исихазм, явившийся итогом двухтысячелетнего греческого религиозного развития, Россия вклада почти не внесла. Но, восприняв его душою, создала тончайшую, гениальную иконопись. Подобной ей в Византии не было. "Одним махом вышли на мировой уровень и обогнали", - выражаясь языком Крыщука. Или:

"Одним фактом приятия другой культуры мы делим с ней ее успех".

"Роевое начало российского самосознания явилось благодатнейшей почвой для коллективистской этики социализма".

Автор пытается паразитировать на Герцене. Советскому читателю практически невозможно познакомиться со взглядами этого благородного мыслителя на всех этапах их развития. Поздние статьи вошли лишь в Полное собрание сочинений и вряд ли при коммунизме будут изданы более доступно. Относиться к Герцену можно по-разному: был в его жизни и период общения с Нечаевым... Но он всегда был честен, убедившись в своих заблуждениях, не боялся "сжечь все, чему поклонялся".

Крышук обильно цитирует Герцена, в частности, для подтверждения своей "мысли" о "неизбежных последствиях" "роевого начала". Делается это в лучших традициях прогулок со знаменитостями. "С какой неподражаемой страстью и гордостью отвергает он (Герцен. - В. С.) западный путь развития...". "Что ж ты так, брат Герцен?" - укоризненно похлопывает непросвещенного собеседника по плечу Крышук. Взгляды Герцена на общину во многом совпадали со взглядами славянофилов. Для славянофилов же "роевое" "началом" считаться не могло. Они были христиане. По словам Хомякова, там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода.

Крышук пытается моделировать русскую общественную мысль прошлого века в двузвенном виде: "община - социализм". Делает он это по известному гоголевскому рецепту. От славянофильского "личность - община" отрезает первую часть и приставляет оставшееся к герценовскому "община - социализм". Но тут вмешивается сам Герцен и оказывает непрошенному приятелю прямо-таки медвежью услугу. В последних своих статьях он проклял социализм, с предельной болью и ясностью выкрикнул: пережив его в себе, никому теперь не посоветую повторить мой страшный опыт!

Вот - мы добрались уже до козырной карты всех подобных статей. И ею-то нас наверняка с позором побьют. Кто читал их, угадал уже и автора, а с большой долей вероятности - и цитату. Конечно, Чаадаев: "Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя". Но...

"...у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества".

Это из "Апологии сумасшедшего", самой известной статьи философа. Можно ли, читая Чаадаева, такие мысли (а у него их много) не заметить? А если замечаешь, то как подобное обращение с текстами мыслителя назвать? Или, быть может, контингент читателей Чаадаева совсем иной, нежели его страстных почитателей-русофобов?

Объяснение "противоречий" философа лежит в религиозной сфере. Чаадаев - мыслитель глубоко христианский. Распятие было не самой мучительной из римских казней. Но самой позорной. Для не признавших в Иисусе Христа Его смерть должна была послужить назидающим: не занимайся самозванством и живи как все. Для христиан же крестный путь Спасителя - искупление грехов мира.

Чаадаев - мыслитель очень сложный, и было бы невежественной самонадеянностью пытаться истолковать его творчество в нескольких

фразах. Но спроектируйте сказанное на размышления Чаадаева о судьбах России – и многое станет яснее.

Перейдем теперь к вопросу о праве.

"...автор (Э. Ю. Соловьев. – В. С.) приходит к выводу, что философия права в нашем культурном наследии попросту отсутствует".

К выводам всяк волен приходиться к любым. Вопрос лишь в том, вытекают ли эти выводы из всей совокупности накопившихся к данному моменту фактов. "Попросту" или "не попросту" "отсутствуют" в нашем культурном наследии "Вехи"? Если по Ленину, – отсутствуют, безусловно. А если, при всем почтении к авторитету Вождя, удосужиться взять сборник в руки, – трудно не заметить в нем статью А. Б. Кистяковского "В защиту права". Верно: правовые идеи в русском обществе начали вызревать менее чем за век до катастрофы. Правовые в западном смысле этого слова: ранее жизнь России базировалась на иных принципах, заложенных в "Слове о законе и благодати". И вызревать правовые идеи стали именно как органическая часть целого – религиозно-философского сознания.

Авторитетом Герцена Крышук спекулирует, чтобы пригвоздить к позорному столбу судебную систему времен Николая Павловича. Не знаю, где было лучше жить: в России, с крайне неразвитым правовым сознанием и практически отсутствующей смертной казнью, или в странах, где в это же время на законном основании вешали бродяг и сжигали еретиков. Дело вкуса, не будем отклоняться в сторону. Но не может Крышук не знать об александровских судебных реформах. Обильно цитируя Герцена, он обязан знать его историческое: "Ты победил, Галилеянин!", обращенное к Царю-Освободителю.

А позднее Герцен в реформах Александра II во многом разочаровался... Нет, мы не собираемся "обелять" нашу историю, в частности, историю идей. И любить Россию мы тоже никого не призываем. Кому не дано – какой с того и спрос? Но когда историю грубо фальсифицируют, вымарывая неугодные куски, когда от царствования Николая I переходят напрямик к Сталину, "доказывая", что никаких судов в России не было, потому что и быть не могло, приходится заниматься малоприятной ассенизаторской работой.

Судебная реформа, правовое сознание – зародилось все это еще в начале прошлого века. А во второй его половине начало развиваться как на государственном уровне, так и в работах крупных мыслителей, часто находившихся в оппозиции к власти.

В длинной статье обо всем этом – ни слова. Одна голая "отрицаловка". Просим прощения у читателей за термин из уголовного жаргона. Право же, по отношению к "научной методологии" Крышука он представляется уместным.

"Сталинская политика чрезвычайных мер никогда бы не прошла, не будь в народе... готовности. Уважения к праву у нас никогда не было, а подменить нравственный максимум идеологическим – это уже дело техники".

Что ж, поговорим о готовности народа к "сталинским" (точнее, введенным с первых же послеоктябрьских дней) чрезвычайным мерам. Для наших оппонентов народ – безликая масса; но, как известно, хоть все и равны, кто-то всегда оказывается еще равнее. Так кто же был наиболее готов? Печатники, выступившие против изымательства большевиков над свободой слова? Железнодорожники, на удушение которых партии и правительству пришлось бросить обер-палача

страны? Ответственный, видно, был участок, раз самому Феликсу Эдмундовичу пришлось за него взяться. И искоренение восставших крестьян не обошлось без садистского и военного гения Тухачевского. Нет, не зря понадобились большевикам десятки миллионов трупов. Без супертеррора не вырастить было людей, для которых подмена нравственного максимума идеологическим – дело техники.

И все равно – провалился эксперимент. Новая историческая общность рассыпается на глазах – не медленнее своего авангарда. Одни окончательно вырождаются и дичают; другие с мучительными усилиями продираются, сквозь чад семидесятилетия и сегодняшний духовный хаос, к Богу, к культуре своих предков.

Остановимся еще на теме мышления, точнее, – его логики.

"...она (русская мифологема. – В. С.) жизненно нуждалась в злом искусителе и духовном поработителе, каковым для нее всегда являлся Запад".

"Уже полтора столетия мы состоим под безусловным авторитетом Западной Европы, – с горечью писал К. С. Аксаков. – ...Мода царствует у нас, ибо полное покорствование без вопросов и критики явлениям, вне нас возникающим, есть мода... Нам... надобно стать в самобытное положение всякого нормального народа, и именно даже тех, кому мы подражаем..."

"...нынешние борцы за самобытность еще более радикальны и нетерпимы: во всем, что исходит от Запада, они видят «духовный СПИД», то есть прямую угрозу, а потому надо уже «искоренять» и «выкорчевывать»".

Все три цитаты идут почти подряд (с. 157). Вторая противоречит первой, третья – второй. Как видим, о "порабощении и искушении" у Аксакова и речи нет. Он винит Россию (явно имея в виду ее дворянство) в "покорствовании без вопросов и критики". И хочет, чтобы русские "стали в самобытное положение всякого нормального народа", по контексту – западного. Да, у либеральных почвенников прошлого века есть продолжатели и сегодня. Они призывают прежде всего к "раскаянию и самоограничению". На Западе они группируются в основном вокруг "Вестника РХД", в России – вокруг журнала "Выбор". Политизированные круги ориентированы на персоналистический солидаризм – философско-идейную базу Народно-Трудового Союза.

А вот примеры банальной лжи Крышука на народ.

"Кто был ничем, тот станет всем, сначала я гнул спину – теперь ты мне послужи, умей свое достоинство и важность, особенно, если образованный".

Мысли люмпен-сброда, среди которого было много и русских, переданы точно. Но автор – приписывает их всему русскому народу!

Между тем русские относились к "грамотеям" благоговейно. Натан Эйдельман (русофил?) писал о том, что еще в конце XVIII века преступник мог иногда спастись от наказания, доказав, что он грамотен. (Такую систему судопроизводства трудно, конечно, признать совершенной.)

"...озабоченные судьбой страны люди непременно спрячут воинственно поблескивающие мечи в ножны и задумаются. То есть займутся делом, наименее нам свойственным".

Можно рассматривать это как самокритику. Но развязно-перестроечный тон статьи не оставляет сомнения: себе-то Крышук мышление считает вполне "свойственным". Автор позабыл о "теоретических обоснованиях" и высказал презрение к народу с очаровательной непосредственностью.

"Социальные и политические вопросы на нашей почве неизменно прорастают проблемами духовными... Одними решительными действиями, не подкрепленными медленными раздумьями, мы с этим отечественным парадоксом не справимся".

Как видим, необходимость бороться с духовной спецификой нации-личности у автора никаких сомнений не вызывает. Ему известно, что именно эта специфика породила, в частности, великую литературу: он приводит немало цитат. И Крышук вполне последователен: тем хуже для всяких там блоков и иже с ними!

Между тем, дело обстоит крайне просто. Говорить о русском мессианстве бессмысленно. После Боговоплощения все мы – единый народ Божий. Это не отменяет национальную специфику. Но Промысел Божий о каждой нации ведом лишь Ему Самому. Народам же приличествует не гордыня, а смирение и покаяние.

Противовесом "теории мессианства" в лихорадочно-убогих перестроечных баталиях является другая "теория": "Мы – как все". Банальная мысль, что "как все" вообще никого не бывает, спорщикам почему-то часто не приходит в голову. Конкретно в применении к русскому народу эти "центристские" идеи прекрасно разработаны в статье С. А. Аскольдова "Религиозный смысл русской революции" ("Из глубины", сборник статей о русской революции).

А вот пример отношения автора к национальным проблемам вообще.

"...отнюдь не только под влиянием официальной пропаганды большинство не мыслит себе жизни т а м. И суть здесь не просто в свойственном нам консерватизме..."

Крышук прав: консерватизм здесь ни при чем. Дело в другом простом понятии, оно называется патриотизм.

"Наша история не слишком богата традициями, которые для цивилизованного общества составляют плоть и кровь его быта и бытия, регламентируют общественное поведение, определяют нрав и достоинство народа".

Можно, конечно, напомнить о Данилевском, Шпенглере; о разнице между культурой и цивилизацией; о том, что быт некоторых культурнейших греческих полисов ужасал "варваров". Но все это здесь неуместно. Воспоминания при чтении Крышука возникают иные.

В каком-то советском романе о войне солдат вермахта возмущается: "Что за дикари эти русские! На полках Достоевского и Толстого держат, а приличного нужника поставить не могут!". Эта ассоциация, похоже, по существу.

А вот как автор относится к фундаменту русской духовности: к Православию, к Церкви.

"В силу почти церковной тяги к формализации, стоящей на страже красоты и незыблемости общего плана, история общества и его культуры все больше превращалась в номенклатурное произведение и в конце концов обезлюдела".

Итак, наша история обезлюдела в силу почти церковной тяги к формализации. А если бы церковная тяга нашего народа была не "почти", а "совсем"? Страшно даже представить, что б тогда было...

...Забавный все-таки это спектакль: баталии советских "правых" и советских "левых"! Для первых – самый великий в мире народ построил самое передовое в мире общество. Постановщиков семидесятилетней трагедии этот вариант устраивает. "Ладно... – снисходительно машут они рукой. – Коли строй передовой, то и народ в качестве привеска потерпим. Пес с ним". Для вторых – варварство коммунизма (о котором, кстати, впрямую говорится крайне редко) – неизбежное следствие варварства народа.

Первый съезд

К истории Народно-Трудового Союза

Ярослав ТРУШНОВИЧ

Мы уже говорили, что когда в конце двадцатых - начале тридцатых годов коммунистическая власть, окончив отступление под названием "нэп", снова показала свое подлинное лицо - уничтожила крестьянство, начала безумные стройки, вознесла в свои вожди Сталина, - все это отразилось и на поведении эмиграции. В особенности на той части молодого поколения, которое стремилось принять участие в борьбе за Россию.

В 1929 году в Праге возникла группа русской молодежи. Наиболее активными ее членами были юноши, ставшие впоследствии руководителями работниками НТС: К. Д. Вергун (инженер, во время войны член Исполнительного Бюро НТС; через несколько дней после освобождения из гитлеровского концлагеря, весной 1945 года, погиб в Пильзене под американскими бомбами); Д. В. Брунст (инженер, во время войны член Исполнительного Бюро НТС; арестован гестапо и заключен в тюрьму на Александерплац в Берлине; весной 1945 года освобожден и вскоре захвачен смершевцами); Н. М. Сергеев (врач, руководил в Берлине строго запрещенными контактами с вывезенными в Германию русскими рабочими; умер от заражения крови в гитлеровском концлагере).

В январе 1930 года эта группа создала Объединение Русской Национальной Молодежи в Праге, опубликовав при этом свои "Идеологические положения". Это был один из первых, а может быть и вообще первый политический документ, отразивший настроения русской молодежи, из которой вскоре создавался НТС.

Политический документ Пражской группы

Прежде, чем мы познакомим читателя с этим документом, необходимо короткое предисловие, действительное не только для этого документа, но и для иных письменных и устных выступлений того времени. При чтении даже не очень старых документов мы должны помнить, что целый ряд слов сегодня имеет иное значение, чем имел тогда, когда эти документы были написаны. В наши дни понятие "империя" и "империализм" большинством воспринимается по-иному, чем сто лет тому назад. За еще более короткое время изменило значение слово "национальный" (и "национализм"). "Нация" сегодня равнозначна понятию "народ", а "национализм" равнозначен "шовиниз-

Продолжение. Начало см. "Посев" № 1 и № 2 за 1990 год.

вместо прежнего положительного приобрел отрицательное значение*.

После того как коммунистическая партия захватила власть в России, объявила своим гимном "Интернационал" и начала уничтожать все национальное и патриотическое, слово "национализм" приобрело сильный эмоциональный заряд – как противовес "интернационализму". Компартия действовала в соответствии со знаменитой фразой Ленина: "На Россию мне, господя хорошие, наплевать!" А патриоты готовы были за Россию отдать жизнь. Один из деятелей эмиграции сформулировал это тогда так:

"Нация и религия составляют духовный базис миропонимания националиста, и эти две идеи он противопоставляет коммунистическому учению с его интернациональной и безбожной идеологией".

Итак, если мы в документах тех лет встречаем слово "национализм", то не надо забывать, что оно тогда было по смыслу ближе всего к "патриотизму".

После такого, по нашему мнению необходимого, отступления приведем "Идеологические положения" Пражской группы.

1. Мы находим необходимым и вполне современным создание надпартийного объединения национально мыслящих русских молодых людей как левого, так и правого крыла, в целях взаимной спайки, укрепления любви к родине и готовности бескорыстного служения ее интересам.

2. Не предвзятой будущей формы государственного устройства и управления и предоставляя окончательное решение этого вопроса русскому народу, мы полагаем, что истинным правительством национальной России может считаться только лишь такая власть, которая положит в основание своей деятельности стремление к удовлетворению нужд и потребностей всей нации в целом, а не отдельных классов, партийных и национальных группировок.

3. Признавая культурные права для национальных меньшинств, мы относимся отрицательно ко всякого рода течениям, стремящимся поселить рознь между ветвями русского народа и народностями, входящими в состав Российского государства, или ставящим своей целью порабощение одной народности другой.

4. Под борьбой с большевизмом мы понимаем всякого рода активную работу, которая так или иначе может способствовать общему успеху и торжеству русского национального дела. Противодействие коммунистической агитации, принятие мер против денационализации и морального разложения русской молодежи, освещение истинной сущности большевизма в русской и иностранной среде – все это является лишь примерами тех бесчисленных возможностей, к которым каждый может приложить свои силы.

5. Нашими ближайшими целями мы считаем: привлечение в нашу среду возможно большего числа согласных с вышеупомянутыми положениями молодых людей, создание кадра русской национальной молодежи, способной быть не только монархистами или республиканцами, но и просто русскими; поддержание связи со всеми теми русскими организациями, которые ведут всестороннюю борьбу с большевизмом и ставят выше всех своих остальных положений восстановление Национальной России.

* В связи с метаморфозой этого понятия НТС вынужден был изменить свое название "Национально-Трудовой Союз" на "Народно-Трудовой Союз".

6. Руководство работой Объединения принадлежит молодежи и долгом каждого, вступающего в число членов Объединения является принятие в нем активного участия в настоящее время, в будущем же всемерное содействие созданию в России твердой национальной власти, которая будет в состоянии законным порядком обеспечить личные и имущественные права граждан Российского Государства".

"Идеологические положения" НСРМ

Через полгода после создания объединения в Праге в Белграде состоялся Первый съезд представителей Национальных Союзов Русской молодежи.

Передо мною побледневшие страницы протокола этого съезда, напечатанные на издававшей виды машинке, вероятно, участнице гражданской войны: по старой орфографии, с "ятью", с "и с точками", с твердым знаком. Вся белая эмиграция писала тогда еще "по-старому" (приехавши из Советского Союза, я тоже переучивался перед тем, как поступить в русскую гимназию).

"Съезд открывается 3-го июля 1930 года в г. Белграде.

Присутствовали: герцог Сер. Ник. Лейхтенбергский (предс. Нац. Союза Рус. Мол. во Франции), А. А. Браунер (предс. Н.С.Р.М. в Болгарии), Ф. И. Бострем (Н.С.Р.М. во Франции), В. С. Трегубов (Н.С.Р.М. в Голландии), В. М. Байдалаков (предс. Н.С.Р.М. в Югославии), члены Центрального Правления в Югославии В. П. Есипов, А. Н. Занкевич, Е. В. Криницкий, А. Г. Скворцов, В. В. Соколов, М. Н. Хлопин, член Белградского правления Г. С. Жуков, члены Союза в Югославии С. И. Родионов, К. Н. Чепурковский.

Председателем Съезда единогласно избран В. М. Байдалаков - Секретарем В. В. Соколов".

Далее говорится: каждая делегация пользуется правом одного решающего голоса; при решениях по принципиальным вопросам необходимо единогласное решение. В примечании сказано, что представители Чехословацкого отдела (председатель К. Д. Вергун) прибыть на съезд не могли и поручили А. А. Браунеру их представлять.

Съезд обсуждал вопросы идеологии, тактики и организации Н.С.Р.М., а также текущие дела. Были приняты - под тем же названием, что и пражские - "Идеологические положения". Было решено "завершить объединение Н.С.Р.Молодежи в отдельных государствах в единый Национальный Союз Русской Молодежи, для чего принять общий Устав и установить общие органы управления".

Вынесено постановление: временно, до окончательной организации Н.С.Р.М. считать представительным органом Союза Совет из председателей всех Союзов по странам, во главе с герцогом С. Н. Лейхтенбергским; учредить Исполнительный орган Совета. (Его председателем был выбран В. М. Байдалаков, членами А. И. Занкевич и М. Хлопин).

Наряду с другими вопросами Съезд обсудил и принял "Идеологические положения", а также заслушал доклад В. В. Соколова "О необходимости национально-политического воспитания в русской зарубежной школе". Теме этого доклада придавалось большое значение: из его тезисов решено было составить воззвание к русской эмиграции, а сам доклад "полностью поместить в русской газете "Голос", издающейся в Софии, отпечатать отдельным выпуском, разо-

сдать Лиге Обера, руководителям русских учебных заведений, всем академическим, педагогическим, национально-культурным и политическим организациям с просьбой содействовать проведению в жизнь его начал".

Мало кто, надо думать, содействовал. Ни следов этого доклада мне не приходилось впоследствии видеть, ни слышать о нем упоминаний. Да и не удивительно: если какое-то национальное воспитание в русских эмигрантских школах и было, то при упоминании о "политическом воспитании" слишком многих кидало в дрожь.

Принятые на Съезде летом 1930 года "Идеологические положения", размером в одну машинописную страницу густым шрифтом, были уже совместным документом объединенных Организаций Русской Молодежи, первым политическим документом НТС – в цепи многих и многих последующих. Вот его текст.

"Понимая Россию не только как определенное территориальное государственное целое, но и как совокупность национальных самобытных идей, культурных и бытовых ценностей;

служение России как осуществление, охранение и развитие этих идей и ценностей;

государство как сложный живой организм, в котором органически связаны интересы частные с интересами общими;

- мы считаем, что государственное устройство России должно быть построено на началах российского национализма, твердой законности, частной собственности и свободы личного творчества, освященных религиозно-моральным миропониманием и общегосударственными интересами.

Возрождение Великой России должно протекать в твердом согласовании с преемственностью исторического развития России, с ясным учетом как достоинств и заслуг, так и ошибок и недостатков прошлого, равно как и фактов настоящего, однако без преклонения перед последним.

Исходя из изложенного, мы считаем необходимым:

1) установление твердой центральной власти, стоящей над партиями и классами, черпающей свою силу в идее служения и проникнутой сознанием своей ответственности перед Родиной;

2) установление личных свобод, равенства всех перед законом и отсутствие классовых и сословных привилегий, как основных условий личного и общественного прогресса и создания духовных и моральных ценностей;

3) проведение во внешней политике здорового национального эгоизма; в отношении славянства продолжение традиционной политики России, направленной к возможно более тесному культурно-политическому единству славян;

4) предоставление народностям, входящим в состав России возможности широкой национально-культурной самостоятельности;

5) разрешение земельного вопроса путем создания крепкого мелкого землевладельца-собственника, как основного общественно-хозяйственного фактора, с соблюдением общегосударственных интересов; (примечание: для этой цели закрепление за крестьянами обрабатываемой ими земли и наделение землею маломужиков и безземельных);

6) установление свободы экономических отношений, могущей быть ограниченной лишь в интересах государства; в частности, в области взаимоотношений труда и капитала - ведение государством активной политики, направленной к регламентации этих отношений и к охране экономически слабых слоев населения".

Герцог Сергей Николаевич Лейхтенбергский очень недолго возглавлял НСРМ и его помнят лишь немногие. Помнят как благородного

человека, идеалиста, доверчивого, приятного в обращении. Но сегодня трудно сказать, только возглавлял ли он организацию или также участвовал в руководстве ее работой. Возникали впоследствии также вопросы, в особенности у людей, к НТС отношения не имеющих: почему, мол, вашим первым председателем был вроде как иностранец.

"Он был таким же иностранцем, как и я, - рассказывает Б.С. Брюно, участвовавший в Первом съезде НСРМ. - Или как барон Врангель. (Или, добавлю я, как адмирал Колчак; впрочем, фамилии восточного происхождения нас не беспокоят, настороженное внимание у некоторых вызывают фамилии западного происхождения. Я. Т.) Его предки когда-то переселились в Россию и герцог Сережа, как мы его называли, был чисто русским. Почему выбрали именно его? Тогда, думаю, сыграло роль его родство с домом Романовых. Великий князь Николай Николаевич был в то время главой белой эмиграции. В эмигрантской среде, где высокое происхождение тогда еще играло роль, нашей молодой организации надо было для начала на что-то опереться.

Когда окончился съезд, мы, белградцы, разобрали приехавших делегатов, чтобы дружески провести с ними вечер. Юра Герцог (после войны он уехал куда-то на Огненную Землю, потом снова вернулся в Европу), "Гошка" Перфильев (он потом отошел от Союза, был в 1944 году захвачен в Белграде и попал в советский лагерь), я и еще несколько человек, забрали герцога Сережу и отправились в подвальный ресторанчик "Казбек", возле Цветного Базара. Нашлась гитара, меня попросили спеть, за наши песни хозяин поставил нам вина... Вот такое, не слишком политическое у меня воспоминание об окончании первого нашего съезда".

"Первый съезд" - это звучит сегодня значительно. Но если бы организация, на этом съезде созданная, не развилась бы и не существовала 60 лет, - никто о нем никогда бы и не вспомнил. Собралась горстка людей, большинство из которых во время гражданской войны были еще детьми, а те, которые постарше, принимали в ней участие в малых чинах и среди блестящих тогда имен не выделялись. К тому же это была группа бедняков: у участников Первого съезда не было даже средств, чтобы снять для работы отдельное помещение. Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) предоставил им на эти три дня небольшое помещение в Русском офицерском собрании - так называемую "кавалерийскую комнату".

У руководства РОВСа относительно этой молодежи были свои планы: оно считало НСРМ "своей" организацией. В свою очередь Союз в начале своей деятельности относился к РОВСу с должным уважением и считал, что в будущем Союз займет только "свой участок фронта" в общей борьбе. Союз тогда был готов сотрунить со всеми активными антикоммунистическими организациями. С РОВСом - в первую очередь. К тому же некоторые члены Союза были одновременно членами РОВСа, а молодым членам РОВСа разрешалось вступать в НСРМ. Так, например, штабс-капитан А. А. Браунер был одновременно членом РОВСа и руководителем НСРМ в Болгарии.

Субординация, экзерциция, дисциплина...

В те годы создавались и действовали и другие русские молодежные организации. Через пять или шесть лет после эвакуации из Крыма великий князь Николай Николаевич приказал ген. Врангелю "принять меры для пополнения существующих полковых объединений и для ознакомления их с историей, традициями и укладом жизни

нашей Армии и воинской дисциплиной". Ген. Врангель, в свою очередь, отдал распоряжение начальникам отделов РОВСа принять меры для сближения молодежи с военными организациями. А в 1930 году, то есть одновременно с созданием НСРМ, РОВС выбросил лозунг: "Молодежь, под знамена!" В том же году в Брюсселе был сформирован первый военный кружок молодежи под несколько маскировочным названием "Русская спортивная дружина".

Был такой военный кружок в Белграде и некоторые из нас его посещали. Чтобы самим кое-чему научиться, ну, и присмотреться: нет ли там подходящих для Союза ребят. Моложавый полковник, сухощавый, с торчащими вверх острыми усами наносил молниеносные удары и уколы эскадрой или выкрикивал команды штыкового боя: "Прикладом вниз отбей!", "Длинным, с выпадом, коли!"

Читали нам члены РОВСа и доклады, причем превосходные: многие из них были крупными военными специалистами. Особенно увлекательны были доклады блестящего рассказчика, полковника генерального штаба Б. Н. Сергиевского. Но, к сожалению, почерпнуть из них знания, необходимые для борьбы против коммунистической диктатуры, мы не могли. Доклады этих офицеров – и больших патриотов – были если и не совсем "преданьями старины глубокой", то все же "делами минувших дней": разбором сражений, рассказами о жизни старой русской армии... Передать они могли нам только то, чему сами сызмальства научились в кадетском корпусе, Военном училище, Академии генерального штаба. Мы тогда этого еще не соображали и неудовлетворенность свою выражали, как и полагалось в нашем тогдашнем возрасте, в виде насмешки. Помню, как Андрей Былинский, лучший ученик нашего класса, выпучив глаза и пытаясь говорить басом, изображал одного из ровесских рассказчиков: "Господа, если противник займет эту высоту, мы пропали!" (А. Былинский был руководителем нашей гимназической группы НТС; во время войны он перебрался сначала в Берлин, а затем на оккупированную часть России, где по заданию НТС налаживал связи с партизанами; он пропал без вести).

Были при РОВСе и так называемые Головинские курсы (названные в честь их создателя, талантливого ген. Головина), отличавшиеся высоким уровнем. Но посещать их не пришлось. На это уже не было времени. И, откровенно говоря, охоты.

Был я – с 12-летнего возраста – и в Русском Соколе. Это уже по семейной традиции: мой отец был в молодости активным членом Сокола Словении. Сокол, основанный в свое время в Чехии, был гимнастическим и патриотическим обществом, всеславянской организацией, боровшейся с австро-венгерским владычеством.

Русским Соколом руководили люди не простые. Полковник Дрейлинг, доблестно сражавшийся в русско-японскую и первую мировую (был ли он участником и гражданской войны, не знаю). Генерал Ткачев, летчик, командовавший авиацией у ген. Врангеля в Крыму. (При отступлении немцев он остался в Белграде; через много лет, читая "Семь дней творения" В. Максимова, я безошибочно узнал его в седом старике с орлиным профилем, заключенным в сумасшедший дом.) А непосредственным начальником наших сокольских военных курсов был Александр Рудольфович Ган, начальник той самой команды разведчиков, которая, с помощью армянских проводников, зимой 1918 года, сквозь снега, по горным тропам подобралась к неприступной турецкой крепости Эрзурум и первой в нее ворвалась.

На сокольских военных курсах мы уже учились по уставам Красной армии. Но вечером, после занятий, нам перед строем читали составленные Суворовым для своих чудо-богатырей "девять добродетелей воинских", которые и сегодня произношу без запинки: "Субординация, экзерциция, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, смелость, бодрость, храбрость. Победа! Слава, слава!".

Руководителей сокольских вспоминаю с теплым чувством: они любили нас, а когда пришли немцы и Сокол закрыли, на глазах у них были слезы. Но и в Соколе, как и в РОВСе, мы не приобрели знаний, необходимых для борьбы с политическим противником. Наоборот, в РОВСе нам настоятельно советовали, даже требовали, "не заниматься лишним философствованием", а "выполнять указания старших по чину". А в Соколе считали, что достаточно быть патриотом и поддерживать между собой братские отношения (даже обращаться друг к другу полагалось "брат": "брат староста", "брат Иванов"). И быть готовым к выполнению долга. В чем это должно было выражаться, сегодня затрудняюсь сказать. Очевидно, тоже в исполнении указаний вышестоящих руководителей.

Занятия были интересные, приобретенные знания и физическая подготовка были полезны. Но было ясно, что ни "длинным колом", ни "девять добродетелей воинских" освобождения России не приближают. Даже самое дорогое прошлое – есть прошлое. Советы же "не философствовать" и "не заниматься политикой" просто вредны. "Старшие по чину", как мы вскоре сообразили, дают такие советы главным образом потому, что сами в этих делах плохо разбираются. Подчинение "старшему по чину" может бесперебойно функционировать только если есть возможность за неподчинение хотя бы посадить на гауптвахту, когда есть свое, нормально функционирующее государство.

В новой обстановке нам нужны были руководители, которым можно подчиняться добровольно – подающие личный пример, сильные духом, умеющие убеждать, понимающие современную обстановку.

"Иди читать Бергсона!"

А обстановка требовала занятий именно нелюбимой многими эмигрантами "политикой". И не только политикой, а в какой-то мере и философией, тем, что формировало мировоззрение и помогало противостоять всему тому, что насильно вбивали в головы нашим соотечественникам в России. Мы знали: вся Россия вынуждена изучать политграмоту. И хотя людей при этом сознательно дезинформировали и внушали им ложные идеи, – они научились читать между строк, угадывать невысказанные мысли, думать своей собственной головой. А, главное, поняли, какие мощное оружие представляют собой политические идеи. И те, кто коммунизма не принимал, ожидали, что их соотечественники за рубежом это тоже понимают и делают из этого соответствующие выводы.

К сожалению, они ошибались.

В те годы несколько эмигрантских организаций продолжали борьбу против коммунистической власти и перебрасывали для этого своих людей нелегально через границу. Об этом надо будет говорить еще довольно подробно. Сейчас скажем только одно: многие из них были захвачены. И эти мужественные, шедшие на смерть люди были чаще всего настолько неподготовлены политически, что власть

- перед тем, как их расстрелять, - в нескольких случаях могла позволить себе устраивать открытые "судебные процессы", причем прокурор и судья вели с захваченными эмигрантами при публике политические дискуссии. В вышедшей в 1928 году книге "Белогвардейский террор в СССР", ее автор, Кичкасов, приводит слова захваченного эмигранта Строева:

"Должен сознаться, что я немного читал. Из политических трактатов я прочитал Тихомирова "Монархическая государственность" /.../ Немного еще читал по вопросу о еврействе /.../ читал книги Краснова "От двухглавого орла к красному знамени", "За чертополохом", "Понять - простить". По руководящим вопросам текущей политики "Новое время" Суворина..."

Кичкасов если и привирает, то немного. Специальной политической подготовки ушедших в Россию тогда не было. И литературы для такой подготовки для них никто не подбирал и не составлял.

Нам же было ясно, что для тех, кто борется против диктатуры и против насаждаемой ею идеологии, необходима весьма солидная политическая и идеологическая подготовка. И члены Союза взялись за учение.

На окраине Белграда, в пригороде Сеньяк (что означает "сеновал") в русском студенческом общежитии проф. М. А. Георгиевский прочел ряд лекций, на основе которых потом составлялись учебные материалы для всего Союза: "Социализм", "Социализм и либерализм", "Земельный вопрос", "Рабочий вопрос", "Идеализм и материализм"...

Собрания сначала были два раза в месяц. Затем регулярно раз в неделю. Доклады в большинстве случаев готовила и читала сама молодежь - знали, что необходимо самим учиться выступать, самим во всем разбираться, до всего пытаться дойти собственным умом, прочесть и выучить как можно больше.

За Белградом, вверх по течению Савы, был русский яхт-клуб. Напротив, через протоку, узкий длинный остров Ада Циганлия, избранное наше место, где в жаркие летние дни преобладала русская речь.

Как-то переплыл я на остров и слышу за кустами женский голос: "Ариша-а-а! Где ты там? Иди Бергсона чита-а-ть!" В ответ другой женский голос: "Не хочу-у!" Но после краткой паузы, чуть тише: "Ладно! Сперва вот только искупаюсь..."

Можно было не гадать: такая переключка могла быть только между членами НТС. Действительно, что кроме этих странных "нацмальчиков" и "нацдевичек", - как нас тогда называли некоторые, - добровольно, в жаркий день, у прохладных и прозрачных вод серебряной Савы станет читать Бергсона?

И действительно: изучать французского философа призывала молодой зубной врач Ольга Александрова, а откликнулась Ариадна Ширинкина - обе члены НТС...

ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ МАТЕРИАЛ:

1. Материалы по истории НТС, составленные группой членов НТС под руководством Л. А. Рара и Н. Оболенского (рукопись).
2. Протокол Съезда Представителей Союзов Русской Молодежи (3-5 июня 1930 г.).
3. Запись рассказа Б. С. Брюно.
4. Б. Прянишников. "Незримая паутина", изд. автора, 1979 г.

Памяти Василия Ефимовича Павлова

Скончавшийся 26 декабря 1989 г. подполковник 1-го офицерского генерала Маркова полка Добровольческой армии Василий Ефимович Павлов до конца своих дней сохранил удивительную душевную бодрость. Уже плохо двигаясь по своей более чем скромной двухкомнатной квартире в Клиши под Парижем, он продолжал собирать материалы, редактировать и издавать свой полковой журнал "Связь по цепи Марковцев", сохранив таким образом немало ценных свидетельств и записей участников первой мировой и гражданской войн. В. Е. Павлов был в то же время и Председателем Объединения Марковцев, и Председателем Союза Георгиевских Кавалеров.

Но 60 номеров "Связи" - лишь относительно небольшое дополнение к фундаментальному двухтомному труду "Марковцы в боях и походах за Россию", опубликованному Василием Ефимовичем в 1962 (том 1) и в 1964 (том 2) годах. В этих двух томах на почти 800 страницах Василий Ефимович описал боевой путь Марковского полка, развернутого в 1919 году в трехполковую дивизию. Для этой работы он собрал больше ста свидетельств своих соратников по полку - участников гражданской войны.

Все они перечислены, и среди них можно найти таких выдающихся офицеров Добровольческой армии, как генерал-лейтенант Писарев, полковник генерального штаба Реснянский, полковник генерального штаба Биттенбиндер (нач. штаба Марковской дивизии), и ряда уцелевших командиров полков, в том числе полковников Марченко, Савельева, Фриде. Тщательно сопоставляя рассказы, записи и дневники участников с опубликованными за рубежом трудами генералов Деникина, Врангеля, Казановича и др., подполковник Павлов развернул панораму почти непрерывных трехлетних боев, стремясь проверить до конца каждый эпизод и при этом отнюдь не замалчивая неудач, ошибок, поражений.

Василий Ефимович не раз останавливается в своей книге на основной причине поражения Белого движения. На основании своего личного опыта он говорит об отсутствии доступной политической программы и неумении провести мобилизацию среди сочувствующего Добровольческой армии населения.

Так он рассказывает, как после победоносных, но тяжелых боев в Донбассе весной 1919 г., его пятая рота Марковского полка была отправлена на заслуженный отдых в качестве гарнизона в только что занятый город Волочанск. В роте оставалось, пишет он, "четыре офицера Великой войны, 10 из юнкеров и кадетов, произведенных в течение гражданской войны, остальные юнцы - учащиеся". Капитан Павлов, возглавивший гражданское управление города, за отсутствием соответствующих прокламаций и директив от штаба армии, вывешивая свои рукописные приказы, стремясь на деле доказать жителям "...что белая власть... несет свободу и справедливость"². В итоге, после одиннадцатидневного пребывания в Волочанске, когда рота получила приказ выехать на фронт, в ее составе было уже 180 добровольцев, "в том числе и 1-й офицерский взвод силой в 40 штыков"³.

Подполковник любил вспоминать этот свой "Волочанский эпизод", приводя его в качестве примера той политической линии поведения, которой должна была и могла бы придерживаться повсюду Добровольческая армия. В слишком частом на-

рушении ее и в неумении воспользоваться политическим сочувствием населения он видел главную причину поражения Белого движения.

Двухтомная монография о героической эпопее Марковского полка, а потом дивизии, составленная подполковником Павловым, является лучшим венком на безвестные могилы русской военной молодежи, добровольно вставшей под трехцветные знамена в борьбе за Россию. Из 30 тысяч добровольцев, прошедших за 3 года через дивизию, едва ли тысяча уцелевших была сведена генералом Кутеповым снова в Марковский полк в Галлиполи в 1921 году.

*

Василий Ефимович Павлов родился в 1895 году в Смоленске, там же окончил реальное училище. В октябре 1914 года, будучи выпущен из Алексеевского военного училища, был произведен в подпоручики. Получил назначение командиром роты в 24-й Симбирский генерала Неверовского полк. Только три офицера и кучка солдат этого полка вышли из окружения 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии. Полк входил в XV корпус генерала Мартоса, боевому пути которого посвятил немало страниц А. И. Солженицын в его 1-м Узле Красного Колеса - "Август Четырнадцатого".

Молодой подпоручик обучал не только новое пополнение, но и формировал младших командиров из оставшихся в полку кадровых солдат. В феврале 1915 года вновь сформированный XV корпус контратаковал прорвавшихся немцев у Гродно, и рота Павлова взяла первых пленных...

Непрерывные бои, первое ранение, возвращение в полк. В июле 1915 года, уже на австрийском фронте, один из батальонов полка был окружен. Подпоручик Павлов бросился с ротой на выручку в штыки и, как гласит грамота о награждении его Георгиевским крестом, "обратил противника в беспорядочное бегство, захватив около 600 пленных"⁴. Мировую войну георгиевский кавалер капитан Павлов закончил командиром батальона.

Службу в Марковском полку Добровольческой армии он начал рядовым. Благодаря своему боевому опыту и исключительной доблести, он вскоре стал командиром офицерской роты. В своей книге Василий Ефимович почти ничего не говорит о себе. А он участвовал почти во всех боях Марковской дивизии, вплоть до Перекопа, до октября 1920 года. Его личные воспоминания ждут своего издателя.

В течение всех долгих семидесяти лет эмигрантской жизни Василий Ефимович не утратил веры в возрождение России, всегда делясь с друзьями своей неистощимой душевной бодростью. Уже в начале эмиграции, в 1925 году в Болгарии, он организует кружок русской молодежи, а с переездом во Францию возглавляет в Нормандии Объединение Русской Национальной Молодежи - организацию, ставшую одной из предшественниц возникшего в 1930 году Национально-Трудового Союза Нового Поколения.

В НТС В. Е. Павлов в течение долгих лет несет обязанности Председателя группы в Гренобле. Стоит напомнить, что руководство Русского Общевоинского Союза, в котором до самой своей кончины состоял подполковник Павлов, считало, что "армия вне политики", и исключало тех своих членов, которые вступали в политические организации. Для подполковника Павлова возглавлявший в 1930 году РОВС генерал Е. К. Миллер сделал исключение, одобрив его рапорт о пользе одновременного пребывания в РОВС и НТС. Во время Второй мировой войны В. Е. Павлов совершил опасную для него нелегальную поездку в Белоруссию, посещая подпольные группы НТС.

После Второй мировой войны, одновременно с работой над своим фундаментальным трудом, Василий Ефимович продолжал активно участвовать в деятельности НТС во Франции, собирая средства на печатные издания, в Фонд Сво-

бодной России и, главное, никогда не отказываясь от встреч, особенно с молодежью из второй эмиграции, ни у себя дома, ни в библиотеке при русской церкви в Аньере под Парижем, собранной при его деятельном участии.

И от каждой встречи с Василием Ефимовичем Павловым все его друзья всегда уносили с собой частицу той веры в возрождение России, которой он никогда не уставал делиться.

Н. Рутыч

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. "Марковцы в боях и походах за Россию". Составитель В. Е. Павлов. Том II. Париж 1964, с. 41.
2. Там же, с. 42.
3. Там же, с. 42.
4. "Военная быль", № 100. Париж, май 1971, с. 25.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Е. И. Евец

17 марта 1990 года в Париже скончался талантливый деятель музыкально-вокальной культуры российского зарубежья, педагог и хормейстер, регент церковного хора парижского православного собора св. Александра Невского Евгений Иванович Евец.

Родился он 14 ноября 1905 года в Гродненской губернии, где получил начальное образование, затем с 1915 по 1921 год учился в гимназии в Новороссийске, потом, после скитаний, с 1926 по 1933 год (с двухлетним перерывом на военную службу) - в Учительской семинарии города Вильно (тогда Польша). В 1933-36 годах учился в Варшавской консерватории, в 1936-39 годах учительствовал (пение, музыка) в Варшаве, а в 1939-41 годах в городе Бельск-Подляски, Белостокской области, где в 1941-44 годах работал псаломщиком и регентом.

С 1944 года - в эмиграции: сначала в беженских лагерях Западной Германии, с 1948 года в Марокко, с 1962 года - во Франции.

Евгений Иванович - один из основателей и регент православной церкви в лагере Менхегоф (1945-47), где возникло свободное русское издательство "Посев". Распространению изданий "Посева" он способствовал в Марокко и в Париже (где, по приезду, одно время фактически вел дела представительства "Посева").

Хор его, помимо основного назначения, служил ядром русской культуры, привлекая и вовлекая людей в служение делу раскрепощения нашей родины.

В 1946 году Е. И. Евец вступил в Народно-Трудовой Союз российских солидаристов, принимал активное участие в работе НТС, в частности, организуя хор на международных Летних курсах русского языка, возникших по инициативе Союза.

Закончил жизненный путь одаренный и трудолюбивый, строгий и обаятельный, верный сын России, служивший ей до конца своих дней.

Искренне сочувствуем скорби детей, внуков, родных и близких покойного.

Прячется за спины мальчиков

Прошу оказать содействие, передать непосредственно членам депутатской комиссии по разработке новой Конституции СССР мое открытое письмо и комментарий к Присяге ВС СССР, так как мои письма с обращением именно к компетенции этой комиссии секретариатом автоматически пересылаются в военное ведомство. Вопрос о Конституции это вопрос не ведомств, а всего Народа!

Считаю, что внутренние войска в первую очередь должны быть переведены на профессиональную основу. Там должны быть зрелые мужи, тренированные, закаленные, с хорошей выдержкой.

Довольно бросать во все межнациональные междоусобицы наших мальчиков - вчерашних школьников. Только когда большая беда над страной, когда ВОЙНА, только тогда еще можно согласиться, чтобы и юноши делили с нами смерть.

Я отдаю своего сына в Армию только для защиты Родины, для обороны страны, а не для того, чтобы он своей жизнью заплатил за бессилие коммунистов - как руководителей страны и политических деятелей. Хватит внутренних кровоизлияний, пора лечиться!

Почему вместо гласности только констатация фактов? Ведь в Азербайджане и Армении не бараны, а тоже разумные люди. Почему мы до сих пор ничего не знаем об их программах и требованиях, почему они до сих пор не опубликованы?

Почему ничего не знаем о переговорах, а только видим, что все вопросы вгоняются в землю гусеницами танков?

При первом испытании моста конструктор становится под мост. А что делает Партия - ум, честь и совесть нашей эпохи - после того, как наконструировала наше государство? Прячется за спины мальчиков и резервистов, которых вытаскивают по ночам из постелей?!

*Леонов А.М.,
Ленинград, январь*

Ложка дегтя

В прекрасной статье Александра Дынника "Целеустремленная дезинформация" ("Посев", №1/1990) такая досадная ложка дегтя в двух словах. Хочется думать, что по спешке были пропущены кавычки для "зла царизма", против которого боролись Ленин и Троцкий со товарищи. Только спешкой можно объяснить и другие обидные погрешности в этом очень ценном двойном номере. Что тут простой ляпсус, подсказывает и уверенность, что А. Дынник не мог не знать, что "на немецкие деньги" (без кавычек) пассажиры пломбированного вагона боролись против "зла Временного Правительства", а не "царизма". Боролись фактически против России, против ее победы - за марксову утопию.

"Временные" умудрились не выиграть (по Черчиллю и другим авторитетам - Россией уже выигранную войну) и попустить большевикам для "похабной" Брест-Литовской капитуляции...

"Зло царизма" входит (без кавычек) важной составной частью в сети коммунистической дезинформации – их мифов и фикций. Ведь только на грубом искажении дореволюционного прошлого нашей страны можно строить мифы коммунистического прогресса и гуманизма. Дегтем по прошлому. Отсчетом от отрицательного уровня, только далеко ниже нуля, можно хоть частично оправдывать (в стране и за границей) кровавую нелепость большевизма. Можно – но не надолго.

Не обязательно иметь монархические взгляды, чтобы видеть в императорской России много доброго и светлого, часто неповторимого, но немало было по-человечески понятных и исторически сложившихся недочетов, даже и зла, с которым более или менее успешно боролись, – увы, "в цейтноте". В изданиях "Посева" много ценных свидетельств на эту тему. Есть ценные свидетельства даже у Троцкого, например, в автобиографии "Моя жизнь", в тех местах, где автор "оболгался правдой", по остроумному выражению проф. Карташева. Для развенчания остатков красных мифов может полезно было бы вспомнить некоторые "узловые" места из Троцкого, из книги Ольденбурга "Царствование Императора Николая II"? Из "Уцелевших воспоминаний" А. Н. Наумова и т. д.

Позволю себе тут процитировать слова И. А. Бунина.

"Нападите врасплах на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, переберите или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски в жизни этой семьи, этого дома, – сколько откроется темного, греховного, несправедного, какую ужасную картину можно нарисовать и особенно при известном пристрастии, при желании опозорить во что бы то ни стало, всякое лыко поставить в строку!"

Так врасплах, совершенно врасплах был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись! А ведь захватили этот дом как раз при том строе, из которого сделали истинно мировой жупел. Что открыли? Изумительно: ровно ничего!" (И. А. Бунин, "Окаянные дни", 1984 г., изд. "Заря", с. 143).

Проф. Ф. А. Степун особенно ценил в Бунине то, что "он смотрел на жизнь широко открытыми глазами, а не "точками зрения". Увы, и после стольких бед трудно нам научиться этой (в нашей общей беде особенно важной) житейской мудрости. Часто, в обход исторической и житейской правды, споры идут с абстрактных "точек зрения". Историческая правда нужна не только в защиту России, но и для преодоления трудностей и безнадежности в настоящем.

*Алексей Бехтеев,
Сан-Паулу*

Как не допустить гражданской и межнациональной войны

Время, когда люди слушали команды единственного государства, окончилось безвозвратно. Однако люди все еще ждут команд – но от кого-то другого или других. И других, новых команд. Но некому эти команды дать. Командиров сотни, и командуют они все по-разному. Идет страшная борьба за власть дать одну команду, чтобы все слушались. Эта борьба бесплодна и ведет к гражданской,

межнациональной, межрелигиозной войне. Народ отбился от старого единовластия, оно разрушилось, а нового единовластия он уже не в состоянии воспринять. Слишком все запутались, потеряли здравый смысл, потеряли ориентировку, а злобы, и притом бессмысленной, очень много. Дело-то не улучшается. Света путеводного нет. Зреет взрыв бессмысленной злобы от бессилия. Нужно направить на созидание огромную энергию огромного народа, которая вот-вот разрядится бессмысленным кровопролитием. Отвлечь людей от бесплодной борьбы друг с другом на полезное. Как?

Вместо того, чтобы пытаться создать новое, невозможное единовластие — дать всем людям полную власть самим. Каждому. Но власть созидательную, производительную, чтобы люди, каждый, смогли бы себе (и тем самым всем) помочь. Выжить. Отвлечь от междоусобной борьбы. Направить на полезное. Что я имею в виду?

1. Объявить полную свободу любой деятельности для любого человека, за исключением уголовно-преступной. Любая предпринимательская, торговая, образовательная, производящая, информационная и т. п. деятельность должны быть свободными.

2. Объявить полную свободу найма и увольнения рабочей силы по личным договорам. Нарушение договоров объявить строго наказуемым преступлением.

3. Объявить полную свободу частной собственности на средства производства.

4. Передать всю землю, включая все колхозные и совхозные земли в деревне и все земли в городе, в распоряжение местных Советов.

5. Определить, какое число и какого размера участков земли может быть передано в аренду. Оставить временно в резерве 30–40% земли для будущего.

6. Предложить любому человеку получить в аренду определенных размеров участок земли (в городе или в деревне). Аренда должна быть объявлена пожизненной и наследственной. Должна быть объявлена и свобода арендатора продавать все, что на земле является продуктом человеческого труда, с автоматической передачей аренды любому другому человеку.

Поскольку сама территория земли — не продукт человеческого труда, а дар природы, продавать ее, то есть продавать место, должно быть запрещено. (Вдумайтесь! это очень важно.) Если работники колхоза или совхоза хотят использовать всю или часть земли, — оставить ее в их распоряжении как арендаторов. Любой арендатор может, если хочет, отказаться от аренды и вернуть землю в распоряжение местного Совета. Земля может быть использована для любой не уголовно-преступной деятельности. Договор на аренду земли составляется между местным Советом и арендатором по их взаимному согласию.

Получив эти свободы, большинство людей, в особенности активных и умеющих, немедленно займется делом выживания и созидания. Менее активные станут наемными работниками. Огромная энергия народа будет переключена с разрушения на созидание. Опасность гражданской и межнациональной войны будет устранена. Народ займется полезным делом.

А. Федосеев

Все замечания посылать по адресу: Dr. A. Fedoseyev. Box 373 GPO. London, EC1 PJ. England. Телефон: (01) 630 6892

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов

Ответственный секретарь Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, Р. Б. Евдокимов, В. Г. Ламздорф,
Б. Г. Миллер, Е. Р. Миркович, М. В. Назаров,
Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев,
Р. Н. Редлих, В. А. Сендеров, А. П. Столыпин,
прот. Кирилл Фотиев

Адрес редакции:

Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ПУНКТЫ

СЕНДЕРОВ В. А. г. Москва, Уланский пер., дом 14, кв. 54

ДЕГТЕРЁВ В. г. Москва, тел. 207 34 68

МАЗУРИН А. г. Горький, ул. Лескова, дом 9-а, кв. 27
Тел. 59 40 86

ЕВДОКИМОВ Р. Б. Ленинград, ул. Салтыкова-Шедрина дом 5,
кв. 24. Тел. 273 43 03

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1990 ГОД

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

В розничной продаже	10 нм
Годовая подписка в издательстве:	50 нм
Годовая подписка через посредников:	60 нм
доставка нормальной почтой	10 нм
доплата за воздушную доставку:	
Северная Америка, Африка, Бл. Восток:	20 нм
Южная Америка, Дальний Восток:	30 нм
Австралия, Новая Зеландия:	40 нм

Если других указаний нет, подписка по истечении года автоматически продолжается. Подписки принимаются за календарный год и подлежат оплате по получении счета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 341265
Telefax: (069) 343841
Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор: Н. Б. Жданов

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore,
43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Rd., London SE12 0JS

БЕЛЬГИЯ. B. P. 1094-Bruxelles 1

БРАЗИЛИЯ. O. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, 04515 Sao Paolo

ВЕНЕСУЭЛА. Artezania Kazbek S. R. L. Apartado 76184
El Marques Zona Postal 1070A, Caracas

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Cassella Postale 630, Roma-Centro

СССР. В. Батшев. Москва 129010, Абонентный ящик 72.
Тел. 465 05 05

США. GLOBUS, A Slavic Bookstore, 332 Balboa Street
San Francisco, CA 94118

S. Golubov, P. O. B. 139, R. D. 4, Jackson NJ 08527
Tel. 201-928-2125

"Possev" Representative, P.O.B. 695, Pacific Palisade
CA 90272

G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York NY 10017
A. Retivov, 4523 Maple Ave. Bethesda MD 20814

ФРАНЦИЯ. "Possev", 125-bis, rue Blomet, 75015 Paris
Tel. 42-50-62-06

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Mösliweg 40, CH-3098 Köniz

ШВЕЦИЯ. Tidskriften "Possev", Box 4059, 15104
Sodertälje

НОВЫЕ КНИГИ

С. Л. Франк. ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА Введение в социальную философию.

Основоположный труд крупнейшего русского философа XX века где он, подвергая критике разные стороны западного безрелигиозного гуманизма, обосновывает начало соборности и последующие начала служения, солидарности и свободы. Репринт с парижского издания 1930 года с новым предисловием.

1988

320 с.

25 нм

Г. П. Федотов. ИМПЕРИЯ И СВОБОДА Избранные статьи.

Из обильного философски-публицистического наследия автора в этом сборнике отобрано девять наиболее ярких статей 1932-1950 годов, касающихся судеб России и христианских основ демократии. В предисловии приводится сравнение мыслей Федотова с мыслями раннего НТС.

1989

252 с.

25 нм

П. В. Жадан. РУССКАЯ СУДЬБА Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне.

Свидетельство рядового участника трагических событий нашей новейшей истории - последнего Георгиевского кавалера; его боевой путь с хуторов Ставропольщины до Крыма; эмиграция; возвращение в оккупированную Россию ради создания «третьей силы»; продолжение борьбы за Россию в зарубежье.

1989

240 с.

25 нм

Ф. Е. Незнанский. ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Юрист по профессии, автор научных трудов и популярный писатель детективных романов, в этой документально-автобиографической книге ярко изображает страшную быль изнанки советской жизни 1950х-1970х годов, реальность тех самых «лет застоя», которую еще предстоит изжить нашей стране.

1989

342 с.

25 нм

Д. В. Сеземанн. В МОСКВЕ ВСЕ СПОКОЙНО Роман.

Написанная по-французски в России в 1970е годы, когда советскую власть было принято считать незыблемой, книга впервые в форме романа поставила вопрос о ее конце - путем военного переворота. По существу - острая публицистика с философским и историческим подтекстом. Русский перевод публикуется впервые.

1989

224 с.

20 нм

*

Эти книги, изданные совместно с Русским фондом изучения альтернатив советской политике (РИФ), ценны для каждого, кто ищет новые идейные основы для будущей России. Покупайте их для своих друзей, везите с собой и посылайте в страну. Книги - карманного формата.